

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ

Томъ X.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1906.

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ

Томъ X.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1906.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:

проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

Отдѣлъ о ффициальный.

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1905—1906 г.	
I. Засѣданія Общества	VII.
II. Совѣтъ Общества	XI.
III. Касса Общества	XII.
IV. Смѣта на 1905—1906 г.	XIII.
V. Протоколъ ревизіонной комиссіи	XIII.
VI. Заключение Совѣта по поводу протокола ревизіонной комиссіи	XIV.
VII. Отчетъ о состояніи бібліотеки Общества	XIV.
VIII. Списокъ членовъ Общества	XVI.
IX. Совѣтъ Общества на 1904—1905 г.	XX.

Отдѣлъ научный.

1. Проф. М. Е. Красноженъ. Къ вопросу объ университетской реформѣ	I—49.
2. I. I. Змигородскій: О произведеніи Жюля Верна „Un drame en Livonie“	50—92.
3. Н. А. Скрябинъ. Неизданное письмо Жуковского	93—96.
4. Проф. В. Г. Алексѣевъ. Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ, какъ плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта	97—162.
5. Онъ же. О развитіи дѣла воспитательнаго обученія въ трудахъ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта	163—213.

Приложеніе.

Содержаніе первыхъ десяти томовъ Сборника (1898—1906 гг.) I—V.

Отдѣлъ офіціальный.

Отчетъ

о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за
1904—1905 годъ.

I. Засѣданія Общества.

Въ истекшемъ восьмомъ году своего существованія Учено-Литературное Общество продолжало выполнять, по мѣрѣ силъ, свои задачи и посвятило своимъ дѣламъ, кромѣ годичнаго (закрытаго) засѣданія, 2 закрытыхъ и 7 открытыхъ засѣданій.

Въ годичномъ засѣданіи, 23 мая 1904 года, былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1903—1904 годъ, а также отзывъ ревизіонной комиссіи, состоявшей изъ членовъ Общества: П. Н. Свѣчниковъ, Н. Я. Кипріановича, И. С. Продана, и было постановлено утвердить этотъ отчетъ и смѣту расходовъ на 1904—1905 годъ, составленную Казначеемъ Общества.

Затѣмъ, въ годичномъ засѣданіи были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества на 1904—1905 г., и выбранными оказались слѣдующіе члены Общества: предсѣдателемъ — М. Е. Красноженъ, товарищемъ предсѣдателя — В. К. Мальмбергъ, секретаремъ — В. Г. Алексѣевъ, казначеемъ — Е. А. Гравитъ, членами Совѣта — С. К. Богушевскій, Н. К. Грунскій и П. Н. Свѣчиковъ, бібліотекаремъ — Я. И. Лаутенбахъ.

Въ закрытыхъ засѣданіяхъ производились выборы въ дѣйствительные члены Общества посредствомъ закрытой баллотировки, при чемъ кандидаты предлагались каждый разъ

не менѣе, какъ тремя дѣйствительными членами Общества, и эти предложенія предварительно проходили черезъ Совѣтъ Общества. Избраны въ отчетномъ году въ дѣйствительные члены Общества 3 лица: Д. К. Зеленинъ, Г. Н. Любимовъ и П. И. Бояриновъ. Въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества пожелали вступить безъ избранія (по § 6 п. 1 Устава Общества) четыре профессора: П. П. Граве, Л. А. Шалландъ, М. И. Ростовцевъ и Д. М. Лавровъ. Выбыли изъ числа дѣйствительныхъ членовъ по § 6, вслѣдствіе неуплаты членскаго взноса, пять лицъ. Скончался дѣйствительный членъ Общества М. А. Діадимовъ.

Къ концу отчетнаго года дѣйствительными членами Общества состоятъ 78 лицъ; въ этомъ числѣ преподавателей: университета 30, Юрьевскаго ветеринарнаго института 2, другихъ учебныхъ заведеній 28, и другихъ лицъ 18. Дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ г. Юрьевѣ — 53, въ другихъ городахъ и за границей — 25.

Кромѣ того, три лица состоятъ почетными членами Общества.

Въ первомъ закрытомъ засѣданіи (23 октября 1904 г.) были избраны членами ревизіонной комиссіи: Н. С. Даниловъ, Н. Я. Кипріановичъ, И. С. Проданъ.

Во второмъ закрытомъ засѣданіи былъ избранъ единогласно въ почетные члены — извѣстный писатель-романистъ, членъ Совѣта Министра Народнаго Прощенія, князь Дмитрій Петровичъ Голицынъ.

Въ 7 открытыхъ засѣданіяхъ Общества были сдѣланы 8 сообщеній, и нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній подлежали обсужденію какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны посѣтителей.

Сообщенія сдѣлали слѣдующіе члены Общества:

1-ое засѣданіе — 23-го мая 1904 г.

В. Г. Алексѣевъ. — Н. В. Бугаевъ: его жизнь и философское міровоззрѣніе.

Это сообщеніе напечатано въ томѣ IX „Сборника“, подъ заглавіемъ: Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы.

2-ое засѣданіе — 16 октября 1904 г.

Я. И. Лаутенбахъ. — Рядъ мнѣній философовъ-эстетиковъ объ искусствѣ и красотѣ.

Докладчикъ обрисовалъ рядъ основныхъ мыслей, мнѣній и взглядовъ философовъ-эстетиковъ объ искусствѣ и красотѣ, начиная съ классической древности по настоящее время. Затѣмъ референтъ остановился на изображеніи эстетическихъ взглядовъ Л. Толстого: Какъ ни симпатичны и убѣдительны въ общемъ эстетическіе взгляды Л. Толстого, все-таки нельзя во всѣхъ отношеніяхъ съ нимъ согласиться. Такъ какъ, по его мнѣнію, неизвѣстно, что такое красота, то онъ ставитъ не красоту, но чувство основой искусства, какъ будто бы вполне извѣстно, что такое „чувство“. Когда Шлейермахеръ основалъ религію на чувствѣ, тогда Гегель ему возразилъ, что это религія для животныхъ, потому что и животныя имѣютъ чувства. Также и графу Толстому можно было бы возразить, что его искусство, основанное исключительно на чувствѣ, есть искусство и для животныхъ; но, по его мнѣнію, искусство — исключительно человѣческая дѣятельность и, сверхъ того, оно должно имѣть религіозное сознаніе. Слѣдовательно здѣсь смѣшано искусство съ религіей. Наконецъ, докладчикъ остановился и на эстетическихъ взглядахъ Г. Лотце и Г. Тейхмюллера. По Лотце, красота преимущественно то, что соотвѣтствуетъ осуществленному въ насъ идеалу. Фантазія творческой души міра (Weltseele) — источникъ всей красоты. Прекрасное должно касаться и дѣйствительности. Лотце называетъ красоту микрокосмомъ, въ противоположность макрокосму, составляющему матеріальный міръ. Г. Тейхмюллеръ создалъ новую философскую систему, которая проливаетъ новый свѣтъ на эстетику и искусство. Онъ изслѣдовалъ способности человѣческой души, сводя ихъ въ три главныя способности: мышленіе, чувствованіе и дѣятельность, и раздѣлилъ человѣческое познаніе на специфическое и семіотическое. Специфическое познаніе доставляетъ наука, а семіотическое — религія и чувство. Имѣется три главныхъ проявленія человѣческаго духа, это — наука, религія и искусство, которымъ соотвѣтствуетъ истина, добро и красота. Основа науки — истина, религіи — добро, искусства — красота. Красота — одна эстетическая идея, рядомъ съ другими, какъ миловидность, грація, юморъ и др.

3-е засѣданіе — 23 октября 1904 г.

Н. К. Грунскій. — Къ характеристикѣ одного изъ чешскихъ романтиковъ.

Я. И. Лаутенбахъ. — О народной сказкѣ.

Начавъ съ опредѣленія поэзіи вообще, а именно природной и народной поэзіи, къ которой народная сказка принадлежитъ въ особенности, предпославъ обзоръ происхожденія мифовъ, сказаній и сказокъ въ теченіи самаго древнѣйшаго доисторическаго времени человѣчества, референтъ перешелъ къ характеристикѣ народной сказки. Народная сказка — одинъ изъ чрезвычайно плѣнительныхъ голосовъ народной поэзіи, который всякій охотно слушаетъ, какъ журчаніе свѣтлаго, какъ серебро, ключа въ укромномъ мѣстечкѣ лѣса. Все отдѣльное въ жизни, факты ежедневной дѣйствительности, оскорбляющіе сознаніе болѣе благородныхъ натуръ, — правила и нормы, въ которыхъ обнаруживаются настоящія нравственныя отношенія и выражается жизнь, все это сказка прерываетъ съ царственною властью и волшебнымъ жезломъ возбуждаетъ въ насъ врожденную склонность къ чудесному. А гдѣ же нѣтъ чудесъ и непонятнаго и въ самомъ обыкновенномъ, куда ни посмотримъ?

4-ое засѣданіе — 20 ноябра 1904 г.

С. К. Богушевскій. — Къ вопросу объ оцѣнкѣ земель въ Лифляндской Губерніи.

Это сообщеніе напечатано въ томѣ IX „Сборника“.

5-ое засѣданіе — 12 марта 1905 г.

И. С. Проданъ. — Отрывокъ изъ новой эволюціонной монадологіи.

Это сообщеніе напечатано въ томѣ IX „Сборника“.

6-ое засѣданіе — 26 марта 1905 г.

М. Е. Красноженъ. — Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости.

Это сообщеніе напечатано въ томѣ IX „Сборника“.

7-ое засѣданіе — 2 апрѣля 1905 г.

И. С. Проданъ. — Организація души по новой эволюціонной монадологіи.

Это сообщеніе напечатано въ томѣ IX „Сборника“.

Въ открытыхъ засѣданіяхъ Общества, кромѣ членовъ, бывали и посторонніе посѣтители, также принимавшіе участіе въ обсужденіяхъ докладовъ. Число лицъ, присутствовавшихъ на одномъ засѣданіи, колебалось отъ 15 до 50.

II. Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 9 засѣданій: въ 1904 году — 10 октября, 16 октября, 14 ноября; въ 1905 году — 23 января, 26 марта, 2 апрѣля, 1 мая, 7 мая, 10 мая. Въ этихъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся текущихъ нуждъ Общества:

1. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о субсидіи, и таковая была разрѣшена, въ видѣ единовременнаго пособія въ 500 рублей, на изданіе трудовъ Общества.

2. Совѣтъ принималъ мѣры къ распространенію первыхъ семи томовъ Сборника отдачей ихъ на комиссію въ книжные магазины, а также высылкой ихъ въ учебныя заведенія, выписывавшія ихъ для своихъ библіотекъ.

3. Совѣтъ обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Такимъ образомъ Общество получало различные періодическіе журналы и отдѣльныя сочиненія, перечисленные въ этомъ отчетѣ.

4. Для большаго распространенія изданій Общества, Совѣтъ постановилъ напечатать проспекты съ заглавіями всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ первыхъ семи томахъ Сборника, и разослать ихъ различнымъ учрежденіямъ; благодаря этому, въ текущемъ году было продано различныхъ томовъ Сборника на сумму около 100 руб.

5. Совѣтъ исполнялъ возложенное на него порученіе Общества завѣдывать печатаніемъ трудовъ Общества въ издаваемомъ имъ Сборникѣ. Въ концѣ прошлаго г. былъ выпущенъ VIII-й томъ Сборника, а въ 1905 г. окончено печатаніе IX-го тома Сборника. Такимъ образомъ въ первый разъ Общество выпустило два тома своихъ трудовъ въ теченіе одного года своей дѣятельности, тогда какъ въ прежнія семь лѣтъ Общество выпускало только по одному тому.

III. Касса Общества.

за время съ 14 мая 1904 года по 7 мая 1905 года.

Приходъ :

Осталось въ кассѣ къ 14 мая 1904 г.	440		руб.	68		коп.
Поступило въ 1904/5 году :						
членскихъ взносовъ	96	”		—	”	”
отъ продажи „Сборниковъ“	74	”		95	”	”
„ Правленія Университета	350	”		—	”	”
„ Министерства Народн. Просвѣщ.	500	”		—	”	”
% по сберегательной книжкѣ	8	”		46	”	”
	Итого			1470		09
						коп.

Расходъ :

На печатаніе „Сборника“ т. VIII	370		руб.	37		коп.
„ брошюровку и переплеть	63	”		—	”	”
„ бібліотеку	7	”		20	”	”
„ публикаціи	25	”		—	”	”
„ канцелярскіе и почтовые расходы	19	”		34	”	”
„ прислугу	20	”		—	”	”
	Итого			504		91
Къ 7 мая 1905 г. осталось въ кассѣ	965	”		18	”	”
	Балансъ			1470		9
						коп.

IV. Смѣта на 1905/6 годъ.

Приходъ :

Остатокъ отъ предыдущаго 1904/5 года	965 руб. 18 коп.
Членскіе взносы	90 " — "
Отъ продажи „Сборниковъ“	75 " — "
„ Правленія Университета	35 ⁰ " — "
% по сберегательной книжкѣ	8 " 82 "
<u>Итого</u>	<u>1489 руб. — коп.</u>

Расходъ :

За напечатанный „Сборникъ“ т. IX 1904/5 г.	450 руб. — коп.
На печатаніе „Сборниковъ“ 1905/6 года	900 " — "
„ брошюровку и переплетъ	150 " — "
„ публикаціи	5 ⁰ " — "
„ библіотеку Общества	200 " — "
„ канцелярскіе, почтовые и проч. расходы	50 " — "
<u>Итого</u>	<u>1800 руб. — кои.</u>

Г. Юрьевъ, 7 мая 1905 г.

Казначей Общества Е. Гравитъ.

V. Протоколъ засѣданія

**ревізійной комиссіи Учено-Литературнаго Общества
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ
10 мая 1905 г.**

1905-го года мая 10-го дня ревизіонная комиссія разсмотрѣла и провѣрила всѣ документы по кассѣ, а равно и состояніе кассы Учено-Литературнаго Общества, и нашла, что всѣ книги и отчетность по кассѣ ведутся согласно уставу Общества въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Все имущество Общества ревизіонная комиссія нашла въ цѣлости и сохранности. Веденіе книгъ секретаремъ и библіотекаремъ

комиссія признала правильнымъ. Въ кассѣ Общества, согласно документамъ, оказались по приходу 1470 рублей и 9 коп., по расходу 504 рубля и 91 коп. Въ остаткѣ числится 965 рублей 18 коп. Изъ нихъ 46 рублей 33 коп. на рукахъ у г. казначея; а остальные 918 рублей 85 коп. хранятся въ Государственной Сберегательной Кассѣ при Юрьевскомъ Казначействѣ по книжкѣ № 29343. Такой значительный остатокъ объясняется тѣмъ, что неоплачены Совѣтомъ Общества расходы по печатающемуся IX тому сборника Общества и имѣющемуся печататься въ теченіе предстоящаго лѣта X тому.

Члены ревизіонной комиссіи: Ис. Проданъ.
Ник. Даниловъ.
Н. Киприановичъ.

VI. Заключение.

Совѣта Учено-Литературнаго Общества по поводу протокола ревизіонной комиссіи.

Постановлено Совѣтомъ представить протоколъ ревизіонной комиссіи общему собранію.

VII. Отчетъ

о состояніи бібліотеки Общества.

Къ 7 мая 1905 г. въ бібліотекѣ Учено-Литературнаго Общества состояло:

Книгъ 49 названій въ 65 т.

Брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ 82 названіи въ 82 экземплярахъ.

Энциклопедическій словарь 79 т.

Періодическихъ изданій и сборниковъ въ 386 №№.

Въ отчетномъ году было выдано 43 книги.

Въ 1904/5 году въ бібліотеку Общества поступили слѣдующія книги :

Отчетъ Харьковской Общественной Библіотеки за 17-й годъ ея существованія. Харьковъ. 1903.

А. Будиловичъ. Объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому, въ связи съ идеей русскаго національнаго единства. 1904.

Утвержденная грамота объ избраніи на Московское Государство Михаила Оеодоровича Романова. Воспроизведена Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійск. при М. У. подъ наблюденіемъ С. А. Бѣлокурова. 1904.

Періодическія изданія :

Варшавскія Университетскія Извѣстія.

Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Записки Общества Исторіи, Филологіи и Права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

Извѣстія Русскаго Собранія.

Кіевскія Университетскія Извѣстія.

Мирный Трудъ.

Научно-Литературный Сборникъ. Повременное изд. „Галицко-русской Матицы“ въ Львовѣ.

Труды Кіевской Духовной Академіи.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

VШ. Списокъ членовъ Общества.*)

Почетные члены:

1. *Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ, членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія (д. членомъ Общества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — съ 27 мая 1901 г.).
2. *Никитскій, Александръ Васильевичъ, ординарный профессоръ Московскаго Университета (д. членомъ Общества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — со 2 марта 1902 г.).
3. *Князь Голицынъ, Дмитрій Петровичъ, членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія (съ 23 октября 1904 г.).

Дѣйствительные члены:

1. *Александровъ, Николай Александровичъ, профессоръ Томскаго университета (съ 20 окт. 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
3. *Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ, профессоръ университета св. Владиміра (съ 24 ноября 1901 г.).
4. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
5. Бабановъ, Захарій Григорьевичъ, Юрьевскій отдѣльный цензоръ (съ 1 мая 1904 г.).
6. *Бауэръ, Генрихъ Фридриховичъ, преподаватель гимназіи (съ 8 декабря 1901 г.).
7. *Бердниковъ, Илья Степановичъ, заслуженный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета и Казанской духовной академіи (съ 10 мая 1898 г.).
8. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора университета (съ 23 октября 1897 г.).
9. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

*) Звѣздочкой обозначены г.г. иногородніе члены.

10. Бояриновъ, Порфирій Ивановичъ, директоръ реального училища (со 2 апрѣля 1905 г.)
11. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.)
12. Вознесенскій, Василій Гавриловичъ, помощникъ инспектора студентовъ Ю. у. (съ 26 октября 1902 г.)
13. *Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 августа 1898 г.)
14. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.)
15. Головинъ, Викторъ Михайловичъ, предсѣдатель Съѣзда мировыхъ судей въ Юрьевѣ (съ 8 декабря 1901 г.)
16. Граве, Платонъ Платоновичъ, профессоръ университета (съ 14 ноября 1904 г.)
17. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, завѣдывающій общежитіемъ студентовъ Ю. у. (съ 29 января 1898 г.)
18. *Грѣдингеръ, Михаилъ Юсифовичъ, комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ (съ 29 ноября 1903 г.)
19. Грунскій, Николай Кузьмичъ, доцентъ университета (съ 15 ноября 1903 г.)
20. *Дависъ, Иванъ Ивановичъ, преподаватель Юрьевского городского училища (съ 22 октября 1898 г.)
21. *Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, учитель реального училища (съ 23 октября 1897 г.)
22. Даниловъ, Николай Семеновичъ, (съ 26 октября 1902 г.)
23. *Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.)
24. *Жадановскій, Николай Ивановичъ, преподаватель (съ 5 октября 1902 г.)
25. *Заицъ, Василій Осиповичъ, преподаватель Перновской гимназіи (съ 26 марта 1898 г.)
26. Зачинскій, Адамъ Францовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.)
27. Зеленинъ, Дмитрій Константиновичъ (съ 23 октября 1904 г.)
28. Змигродскій, Юсифъ Юсифовичъ, бывшій преподаватель гимназіи (со 2 марта 1902 г.)
29. Золотаревъ, Дмитрій Николаевичъ, преподаватель гимназіи (съ 29 мая 1899 г.)

30. *Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ Николаевской гимназіи въ Ригѣ (съ 19 декабря 1897 г.).
31. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
32. *Калининъ, Иванъ Петровичъ, инженеръ Путей Сообщенія, преподаватель въ институтѣ П. С. (съ 1 мая 1904 г.).
33. Кима, Густавъ Карловичъ, учитель начального городского училища (съ 29 мая 1899 г.).
34. Киприановичъ, Николай Яковлевичъ, инспекторъ гимназіи (съ 10 мая 1898 г.).
35. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
36. Корицъ, Иванъ Петровичъ, учитель Юрьевского начального училища (съ 29 мая 1900 г.).
37. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
38. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
39. *Кузнецовъ, Степанъ Васильевичъ, инспекторъ реального училища въ Юрьевѣ (съ 15 декабря 1901 г.).
40. Курчинскій, Василий Палладіевичъ, профессоръ университета (съ 13 октября 1897 г.).
41. Лавровъ, Давидъ Мелитоновичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
42. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
43. Любимовъ, Григорій Николаевичъ, преподаватель реального училища (съ 23 октября 1904 г.).
44. Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
45. *Матвѣевъ, Николай Захаровичъ, преподаватель Николаевской гимназіи въ Ригѣ (съ 30 сентября 1899 г.).
46. Нарускъ, Фрицъ Густавовичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
47. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
48. Неготинъ, Яковъ Кузьмичъ, доцентъ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 22 октября 1898 г.).
49. *Николаевскій, Александръ Васильевичъ, протоіерей посольской церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).

50. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
51. Поляковъ, Петръ Андреевичъ, профессоръ университета (съ 24 февраля 1904 г.).
52. Проданъ, Исидоръ Савичъ, учитель гимназіи (съ 30 сентября 1899 г.).
53. Пѣтуховъ, Евгенийъ Вячеславовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
54. Рейникъ, Мартынъ Діонисіевичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
55. Ростовцевъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
56. Сахаровъ, Иванъ Ильичъ, учитель гимназіи (съ 30 сентября 1899 г.).
57. Свѣчниковъ, Петръ Николаевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 26 октября 1902 г.).
58. *Семеновъ, Николай Михайловичъ, завѣдывающій 2-мъ Юрьевскимъ городскимъ училищемъ (съ 16 мая 1900 г.).
59. *Скрябинъ, Николай Александровичъ, учитель гимназіи (съ 29 января 1898 г.).
60. Срезневскій, Борисъ Измаиловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
61. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинаріи (съ 5 марта 1898 г.).
62. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
63. Трефнеръ, Гуго Людвиговичъ, директоръ частной гимназіи въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
64. Третьяковъ, Михаилъ Константиновичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинаріи (съ 26 октября 1902 г.).
65. *Троицкій, Алексѣй Николаевичъ, учитель гимназіи (съ 16 мая 1900 г.).
66. Тростниковъ, Михаилъ Адриановичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 1 мая 1904 г.).
67. *Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, секретарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 30 октября 1899 г.).
68. *Хвольсонъ, Владиміръ Даниловичъ, присяжный повѣренный въ СПб-гѣ (съ 30 октября 1899 г.).
69. Царевскій, Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

70. *Цвѣтковъ, Александръ Феофиловичъ, преподаватель гимназіи (26 октября 1902 г.).
 71. *Черноусовъ, Евгений Александровичъ, учитель реального училища (съ 23 октября 1897 г.).
 72. *Чирвинскій, Станиславъ Юсифовичъ, профессоръ Московскаго университета (съ 5 марта 1898 г.).
 73. Шалландъ, Левъ Адамировичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
 74. *Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 23 октября 1897 г.).
 75. *Шаталовъ, Трофимъ Лонгиновичъ, учитель коммерческаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
 76. *Широкогоровъ, Иванъ Ивановичъ, врачъ (съ 29 ноября 1903 г.).
 77. Юркатамъ, Иванъ Алексѣевичъ, учитель начальнаго при учительской семинаріи училища (съ 22 октября 1898 г.).
 78. Ясинскій, Антонъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
-

IX. Совѣтъ Общества на 1905/6 г.

(избранъ въ годовичномъ засѣданіи 15 мая 1905 г.).

Предсѣдатель — М. Е. Красноженъ.

Товарищъ Предсѣдателя — В. К. Мальмбергъ.

Секретарь — В. Г. Алексѣевъ.

Казначей — Е. А. Гравитъ.

Члены Совѣта: С. К. Богушевскій, І. І. Змигродскій,
И. С. Проданъ.

Библіотекаръ — Я. И. Лаутенбахъ.

Отдѣлъ научный.

Къ вопросу объ университетской реформѣ.

„Университетъ, какъ высшее изъ всѣхъ государственныхъ училищъ, опредѣляетъ значеніе всѣхъ остальныхъ. Его процвѣтаніе есть процвѣтаніе всѣхъ, его паденіе — ихъ паденіе“.

А. С. Хомяковъ.

Нѣтъ нужды доказывать всю важность упорядоченія нашей университетской жизни, пришедшей въ настоящее время въ совершенное разстройство. Правительство и общество вполнѣ сознаютъ это. Возникшая въ министерство покойнаго Н. П. Боголѣпова мысль о пересмотрѣ дѣйствующихъ уставовъ и штатовъ Императорскихъ университетовъ и специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія нашла свое осуществленіе въ бытность министромъ Народнаго Просвѣщенія П. С. Ванновскаго, который циркулярнымъ предложеніемъ отъ 29 апрѣля 1901 года ¹⁾ просилъ попечителей учебныхъ округовъ „предложить совѣтамъ высшихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ округѣ, высказать свои соображенія относительно желательныхъ измѣненій въ сихъ уставахъ и штатахъ“. Не стѣсня какими либо рамками сужденій совѣтовъ и ожидая мнѣшя по всѣмъ вопросамъ, которымъ, въ интересахъ дѣла, совѣтъ придаетъ значеніе, бывший министръ П. С. Ванновскій въ тоже время желалъ имѣть мотивированное заключеніе по нѣкото-

1) №№ 11062—11070.

рымъ приложеннымъ къ его предложенію основнымъ вопросамъ университетской жизни¹⁾). Всѣмъ памятно то сочувствіе, съ которымъ было встрѣчено это предложеніе нынѣ уже покойнаго П. С. Ванновскаго. Его предложеніе вызвало оживленную дѣятельность совѣтовъ и правленій университетовъ, а также отдѣльныхъ профессоровъ, представившихъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія рядъ докладовъ, заключеній и отдѣльныхъ мнѣній; появилось въ свѣтъ также нѣсколько обширныхъ изслѣдованій по возбужденному вопросу; не говорю уже о многочисленныхъ статьяхъ въ періодической печати, дружно откликнувшейся на раздавшійся съ высоты Престола призывъ упорядоченія и оздоровленія нашего школьнаго дѣла.

Затѣмъ, 18 мая 1902 года, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Г. Э. Зенгера, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Министерствѣ, подъ предсѣдательствомъ управляющаго Министерствомъ, особой комиссіи для обсужденія вопросовъ о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ участіемъ представителей отъ высшихъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства, а равно и представителей отъ Министерствъ и Главныхъ Управленій, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія, Засѣданія этой комиссіи, собранной весьма цѣнный матеріалъ путемъ живого обмѣна мыслей, начались 30 сентября 1902 года и закончились 17 декабря того же года²⁾.

Прерванныя на время тѣми важными событіями, которыя въ послѣднее время совершаются во внѣшней и внутренней жизни Россіи, а также многими неблагоприятными обсто-

1) Вопросовъ, касающихся университетовъ, было предложено 18, а вопросовъ, касающихся высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній — 15.

2) Труды этой комиссіи напечатаны на правахъ рукописи въ 5 обширныхъ выпускахъ (СПВ. 1903).

ятельствами ¹⁾, нарушившими правильное теченіе академической жизни, — занятія по преобразованію нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній нынѣ снова возобновились. 10 іюня с. г., подъ предсѣдательствомъ г. министра Народнаго Просвѣщенія В. Г. Глазова, состоялось совѣщаніе о пересмотрѣ университетскаго устава; совѣщаніе это, по газетнымъ сообщеніямъ, носило подготовительный характеръ и обсуждало вопросъ о созывѣ текущимъ лѣтомъ новаго совѣщанія для пересмотра устава, въ которое предположено пригласить профессоровъ-представителей всѣхъ университетовъ и другихъ компетентныхъ лицъ. Матеріалами для совѣщанія послужатъ упомянутые выше обширные труды совѣщанія по тому-же предмету, состоявшагося въ бытность министромъ Народнаго Просвѣщенія Г. Э. Зенгера. Въ совѣщаніе будетъ представленъ также проектъ университетскаго устава, выработанный директоромъ департамента А. А. Тихомировымъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ ректоромъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ — Московскаго — и хорошо поэтому знакомымъ съ нашимъ университетскимъ строемъ.

Желая нашей высшей школѣ и наукѣ лучшаго будущаго, съ своей стороны, считаю долгомъ, на основаніи фактовъ и впечатлѣній, вынесенныхъ изъ долгодѣтняго знакомства съ университетскою жизнью, высказать нѣсколько предложеній и пожеланій относительно упорядоченія нѣкоторыхъ сторонъ этой жизни. Настоящимъ скромнымъ трудомъ мнѣ хотѣлось бы воздать нѣкоторую дань глубокой благодарности университету, которому я такъ много обязанъ въ жизни.

1) Достаточно указать на тотъ фактъ, что въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ перемѣнилось четыре министра Народнаго Просвѣщенія.

I.

Предварительныя замѣчанія.

1.

Не слишкомъ ли часто?

„Всеу законы писать, когда ихъ не хранить“. Петръ Великій.

Наши университеты, въ теченіи своей не долговѣчной, сравнительно съ западно-европейскими университетами, жизни, пережили цѣлый рядъ университетскихъ уставовъ, а именно 1755, 1804, 1835, 1863 и 1884 годовъ, причемъ начала университетской жизни, положенныя въ этихъ уставахъ, рѣзко различаются между собою.

Въ настоящее время мы находимся, наканунѣ *новыхъ* измѣненій въ университетскомъ уставѣ 1884 года, а быть можетъ, и наканунѣ изданія совершенно *новаго* университетскаго устава, въ основу котораго опять будутъ положены *новыя* начала, совершенно отличныя отъ началъ устава 1884 года¹⁾, который въ сущности, въ своемъ настоящемъ видѣ, никогда и не дѣйствовалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, уставъ 1884 года съ первыхъ же

1) Въ бывшей, иодъ предсѣдательствомъ Г. Э. Зенгера, комисси для обсужденія вопросовъ о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, начала, положенныя въ основу устава 1884 года, подверглись строгой критикѣ, и изданный всего 20 лѣтъ тому назадъ университетскій уставъ признанъ многими „совершенно негоднымъ.“

дней своего существованія подвергся нарушеніямъ, измѣненіямъ и искаженіямъ въ самыхъ существенныхъ своихъ основахъ, на примѣръ, относительно академической свободы ученія, относительно государственныхъ экзаменовъ, замѣщенія вакантныхъ каѳедръ, параллельныхъ курсовъ и т. д. Нельзя же, на примѣръ, считать государственными экзаменами происходящія теперь испытанія на послѣднемъ курсѣ, которыя отличаются отъ курсовыхъ экзаменовъ только тѣмъ, что производящія ихъ лица — профессора того же университета (въ томъ числѣ и предсѣдатель) — получаютъ за *такъ-называемые* государственные экзамены вознагражденіе, тогда какъ профессора, экзаменующіе на курсовыхъ испытаніяхъ, за свой трудъ ничего не получаютъ, хотя трудъ этотъ много тяжелѣе, такъ какъ число экзаменующихся больше. Что же общаго между нынѣшними государственными экзаменами и тѣми, которые имѣлъ въ виду уставъ 1884 года?

Еще интереснѣе и поучительнѣе слѣдующее явленіе. Нѣкоторыя нововведенія, въ духѣ будущаго автономнаго устава, сдѣланныя по желанію противниковъ устава 1884 года, не дали, къ сожалѣнію, благопріятныхъ результатовъ: во многихъ университетахъ каѳедры остаются вакантными по нѣсколько лѣтъ (на примѣръ, каѳедра мѣстнаго гражданскаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской ваканта въ Юрьевскомъ университетѣ уже *пятнадцать* семестровъ); стѣны профессорскихъ читаленъ увѣшаны объявленіями о конкурсахъ на замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ,¹⁾ а выборы въ факультетахъ оканчиваются, *вслѣдствіе партійности, забаллотированіемъ всѣхъ кандидатовъ*, несмотря на похвальные отзывы специалистовъ, такъ что Министерство Народнаго Просвѣщенія

1) Такъ напр., въ 1902 году только въ четырехъ университетахъ (Кіевскомъ, Харьковскомъ, Новороссійскомъ и Казанскомъ) были вакантны 34 каѳедры.

вынуждено прибѣгнуть опять въ системѣ назначенія профессоровъ, т. е. опять возвратиться въ Уставу 1884 года.

Весьма интереснымъ представляется также тотъ фактъ, что противники устава 1884 года указываютъ на недостатки современной университетской жизни буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ которыхъ указывались недостатки университетской жизни создателями университетскаго устава 1863 года. Вотъ что писалось въ 1863 году:

„Недостатки нашихъ университетовъ въ послѣднее время начали обнаруживаться особенно рѣзко. Ихъ научная дѣятельность, видимо, пала; многія кафедръ, за отсутствіемъ системы правильнаго и постояннаго приготовленія профессоровъ, оставались вакантными; другія замѣщались лицами, не имѣвшими требуемыхъ, по уставу, ученыхъ степеней; наконецъ, самая академическая жизнь студентовъ, будучи невѣрно поставлена въ отношеніе къ университету, заключала въ себѣ элементы беспорядковъ, обнаружившіеся, къ сожалѣнію, еще въ недавнее время почти во всѣхъ университетахъ. Очевидно, что причины этихъ ненормальныхъ явленій, особенно рѣзко проявившихся въ послѣдніе годы, коренились отчасти въ тѣхъ законоположеніяхъ, подѣліяемъ которыхъ наши университеты развивались.“

Такъ писалось 40 лѣтъ слишкомъ тому назадъ. Не то ли же самое почти буквально повторяется и въ настоящее время?

Но не въ этомъ дѣло. Мы желали бы обратить вниманіе на слѣдующій вопросъ: Не слишкомъ ли уже часто происходятъ у насъ *коренныя преобразованія* нашихъ университетовъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ 40 лѣтъ — три университетскіе устава, основанные на совершенно различныхъ началахъ, — не слишкомъ ли много въ такой короткой промежуткѣ времени?

Мы, конечно, далеки отъ мысли отстаивать неприкосновенность университетскаго устава 1884 года. Жизнь идетъ впередъ и требуетъ новыхъ усовершенствованныхъ формъ.

Но постоянная ломка университетскаго строя и неустойчивость основъ, на которыхъ онъ долженъ покониться, дѣйствуютъ на нашу высшую школу разрушающимъ образомъ. Предстоящая реформа организаціи нашихъ высшихъ учебныхъ заведешій должна, наконецъ, внести прочный и твердый порядокъ въ университетскую жизнь.

Закончу словами извѣстнаго профессора и академика П. И. Янжула: „Я нахожу, говорить почтенный ученый, что слишкомъ много говорятъ объ автономіи и организаціи. Безусловно эти требованія имѣютъ весьма важное значеніе, и не мнѣ, старому профессору, служившему при уставѣ 1863 года, выступать ихъ противникомъ. Но я утверждаю, что вся бѣда въ томъ, что наши студенты *слишкомъ мало* учатся, а профессора *слишкомъ мало* учатъ. Необходимо создать, поэтому, такой типъ университета, который бы дѣйствительно служилъ рассадникомъ знающихъ, интеллигентныхъ и самостоятельныхъ работниковъ для всѣхъ областей государственной и общественной жизни.“¹⁾

2.

Возможны два типа университетовъ :

а) *Университеты государственные*, предоставляющіе окончившимъ въ нихъ курсъ лицамъ извѣстныя служебныя права и преимущества, съ полнымъ контролемъ занятій и знаній студентовъ, путемъ обязательныхъ въ теченіи года репетицій, а, по окончаніи года, экзаменовъ, съ обязательными учебными планами, съ обязательнымъ посѣщеніемъ

1) Академическая свобода, развившаяся въ Германіи въ теченіе вѣковъ, „держится на нравахъ“ — говоритъ проф. Ю. А. Кулаковский. („Гонораръ въ русскихъ университетахъ“. Кіевъ. 1897., стр. 8). Между тѣмъ крушеніе нашего автономнаго устава 1863 года, по мнѣнію А. С. Будиловича, обусловлено было въ значительной мѣрѣ своеволіемъ университетскаго совѣта. (А. С. Будиловичъ. „Наука и политика“. С.ПБ. 1905, стр. 32).

лекцій и практических занятій и прочими мѣрами контроля такъ, чтобы выдаемый университетомъ дипломъ служилъ дѣйствительнымъ удостовѣреніемъ подготовленности и способности окончившаго курсъ къ государственной службѣ.

б) *Университеты свободные, вольные* — съ собственнымъ самоуправленіемъ (съ извѣстнымъ контролемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія), съ выборными — ректоромъ, деканами, профессорами и прочими служащими въ нихъ лицами, свободою преподаванія и ученія (съ правомъ слушать тѣ или другіе курсы лекцій сколько угодно лѣтъ и т. д.). Эти университеты дипломовъ или какихъ либо свидѣтельствъ, предоставляющихъ служебныя права и преимущества, не даютъ; такіе дипломы могутъ быть получены лицами окончившими въ этихъ университетахъ курсъ лишь по сдачѣ ими государственныхъ экзаменовъ въ особыхъ государственныхъ комиссіяхъ.

Отчего бы въ нанемъ обширномъ отечествѣ, на ряду съ университетами государственными, не учредить нѣсколько университетовъ свободныхъ? Это дало бы возможность каждому избрать тотъ или другой типъ университета по своему желанію; тогда недовольство учащейся молодежи существующими университетскими порядками, обязательными въ настоящее время для всѣхъ студентовъ безъ исключенія, должно исчезнуть.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ вопросовъ университетской жизни.

II.

О приготовленіи къ профессорскому званію.

„Соль добрая вещь ; но если соль потеряетъ силу, чѣмъ исправить ее? Ни въ землю, ни въ навозъ не годится ; вонъ выбрасываютъ ее“. Еванг. Луки гл. 14, ст. 34—35.

Университеты прежде всего, конечно, учрежденія учебныя. Цѣль ихъ — разработка науки и сообщеніе добытыхъ наукою данныхъ слушателямъ-студентамъ. Поэтому весьма важно, чтобы профессорскій персоналъ пополнялся людьми дѣйствительно преданными интересамъ науки. Такимъ образомъ вопросъ о привлеченіи изъ множества оканчивающихъ университетскій курсъ молодыхъ людей къ дальнѣйшему занятію наукою лицъ наиболѣе достойныхъ, а также о принятіи мѣръ для правильной и успѣшной подготовки оставляемыхъ при университетѣ лицъ къ будущей профессорской дѣятельности заслуживаетъ особаго вниманія. Отъ правильнаго разрѣшенія этого вопроса въ значительной степени зависитъ будущность нашихъ университетовъ.

Прежде всего разсмотримъ нынѣшній порядокъ оставленія при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ самомъ дѣлѣ, изъ какихъ лицъ пополняется преподавательскій персоналъ въ нашихъ университетахъ въ настоящее время?

Оставляемыхъ при университетѣ молодыхъ людей можно раздѣлить на двѣ категоріи — на лицъ матеріально необезпеченныхъ, остающихся при условіи иолученія

такъ наз. министерской стипендіи, въ размѣрѣ 600 руб. въ годъ, и людей болѣе состоятельныхъ, остающихся на свои средства, безъ стипендіи, по крайней мѣрѣ, на первое время.

Самое оставленіе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Тотъ или другой профессоръ, обыкновенно уже къ концу своей профессорской дѣятельности, рекомендуетъ факультету кандидата, котораго онъ намѣтилъ къ оставленію при университетѣ по своей специальности. Если рекомендуемое лицо представляется къ оставленію при университетѣ со стипендіею, то факультетъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, удовлетворяетъ ли это лицо нѣкоторымъ спеціальнымъ требованіямъ, установленнымъ въ министерство покойнаго графа Делянова, съ цѣлью ограничить возможность оставленія при университетѣ со стипендіею лицъ, не заявившихъ себя особыми успѣхами въ наукахъ, по крайней мѣрѣ, въ той спеціальности, которую желаетъ избрать оставляемый (прочія требованія могутъ быть обойдены). Главное значеніе имѣетъ рекомендація профессора; факультетъ часто совершенно не знаетъ оставляемаго.

Остаются ли при такомъ порядкѣ при университетѣ лица дѣйствительно достойныя и выдающіяся по своимъ способностямъ и прилежанію? Далеко не всегда. Нерѣдко бываетъ, что остаются при университетѣ не лучшіе изъ окончившихъ курсъ, а считавшіеся посредственными и даже слабыми студентами. Были примѣры, что для приготовленія къ профессорской дѣятельности были оставляемы лица, получившія съ большимъ трудомъ и лишь по снисхожденію дипломъ 1-ой степени, даже окончившія съ дипломомъ 2-ой степени и не имѣющія отличной отмѣтки по спеціальности, ими избираемой. Наоборотъ, лица, извѣстныя своими способностями и прилежаніемъ, часто не попадаютъ въ число оставленныхъ при университетѣ. Мнѣ, напримѣръ, извѣстенъ былъ одинъ студентъ, получившій въ теченіи четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ *три золотыя медали* за со-

чиненія на заданныя факультетомъ темы (явленіе въ университетской жизни небывалое) и окончившій курсъ съ дипломомъ 1-ой степени — и всетаки этотъ безспорно способный и трудолюбивый юноша при университетѣ оставленъ не былъ.

Если лицо, рекомендуемое профессоромъ, остается при университетѣ безъ стипендіи, тогда предъявляемая къ нему требованія еще меньше. Мало того, о своемъ желаніи остаться при университетѣ безъ стипендіи можетъ заявить вообще всякій окончившій курсъ, и въ большинствѣ случаевъ оставляется, ибо говорятъ: „зачѣмъ мѣшать человѣку на свои средства заниматься наукою?“, хотя, черезъ нѣсколько времени этотъ оставленный при университетѣ на свои средства молодой человѣкъ обыкновенно тоже проситъ стипендію.

Неудивительно, что, при описанныхъ нами условіяхъ оставленія при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, очень немногіе изъ оставленныхъ ¹⁾ посвящаютъ себя впослѣдствіи ученой карьерѣ и пополняютъ ряды университетскихъ преподавателей; большинство покидаетъ университетъ, не сдавъ даже устныхъ экзаменовъ на степень магистра.

Существуютъ, впрочемъ, и многія другія обстоятельства, благодаря которымъ лишь очень немногіе избираютъ почетную профессорскую карьеру, а нѣкоторые молодые люди, уже избравъ ученую дорогу, не доходятъ до конца, свертываютъ въ сторону и пристраиваются къ какомъ нибудь другомъ дѣлу, такъ что чуть ли не половина кафедръ въ нашихъ университетахъ вакантна, а изъ лицъ занимающихъ кафедры большая часть носитъ наименованіе „*исправляющихъ должность профессора*“.

1) Изъ отчета Московскаго университета за 1903 годъ видно, что при этомъ университетѣ состояло 105 лицъ для приготовленія къ профессорской дѣятельности. Интересно прослѣдить, сколько изъ нихъ дѣйствительно посвящаютъ себя этой дѣятельности.

Попытаемся объяснить нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ и съ этою цѣлью прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу оставленнаго при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.

Желаніе исполнилось. Молодой чѣловѣкъ оставленъ при университетѣ на два года со стипендіею съ 600 руб. изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Для руководства ему назначается профессоръ-руководитель, и о своихъ занятіяхъ, по окончаніи каждаго года, онъ долженъ представлять отчетъ въ Министерство.

Прежде всего, всякій долженъ согласиться, что стипендія въ 600 руб. (а за вычетомъ, по новому закону, 30%, 582 руб.) является совершенно недостаточною для маломальски приличной жизни въ университетскомъ (обыкновенно столичномъ) городѣ, тѣмъ болѣе, что часть этой суммы приходится тратить на покупку хотя самыхъ необходимыхъ книгъ. Вотъ почему почти всякій оставленный при университетѣ старается получить какія либо побочныя занятія; эти занятія, конечно, отвлекаютъ молодого ученаго отъ прямыхъ его обязанностей; когда же молодой чѣловѣкъ убѣдится, что, гоняясь за двумя зайцами, онъ рискуетъ не поймать ни одного, онъ, пробывъ годъ-два при университетѣ, окончательно бросаетъ ученую карьеру.

Но возьмемъ чѣловѣка, рѣшившаго всецѣло посвятить себя наукѣ: онъ ревностно приступаетъ къ занятіемъ по избранной специальности и приготовленію къ магистерскому экзамену. Многое при этихъ занятіяхъ зависитъ отъ профессора-руководителя — его опытности, даже степени доброжелательности и расположенія къ порученному его руководству лицу. Болѣе подробное знакомство съ изучаемымъ предметомъ открываетъ все новыя и новыя перспективы; молодой ученый начинаетъ разбрасываться съ своихъ занятіяхъ, и хороню, если опытный руководитель удержитъ его отъ этого. На ряду съ изученіемъ избраннаго предмета, идетъ также составленіе отчетовъ о занятіяхъ для Мини-

стерства Народнаго Просвѣщенія; отчетамъ этимъ, даже ихъ внѣшности, придается большое значеніе. И вотъ, въ ученой работѣ незамѣтно прошло 2—3 года; министерская стипендія уже кончилась, а добросовѣстный молодой ученый все еще считаетъ себя неготовымъ къ магистерскому экзамену: страшитъ обширность предмета, оказывается недочитаннымъ тотъ или другой отдѣлъ, та или другая вновь вышедшая книга, да и самыя требованія, предъявляемыя на магистерскомъ экзаменѣ, не всегда отличается определенностью; показать же передъ собраніемъ факультета и профессоромъ-руководителемъ свое незнаніе совѣстно. Нѣтъ, нѣтъ, да и промелькнетъ мысль: а если экзаменъ не уадется? вѣдь сколько силъ, труда пропадетъ даромъ! Вотъ съ такое-то время особенно дорого участіе и ободреніе профессора-руководителя, которому порученъ оставленный при университетѣ.

Наконецъ экзамены сданы. Что-же дальше?

Въ лучшемъ случаѣ черезъ полгода, а иногда и черезъ годъ (а это время надо па что нибудь существовать), молодого ученаго посылаютъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу. Это, конечно, большое счастье для него, тѣмъ болѣе, что и стипендія увеличивается до 1500 руб. кредитными, хотя и эта сумма является недостаточною, особенно, если, по ходу своихъ работъ, командированный за границу долженъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто. О своихъ занятіяхъ онъ долженъ ежегодно представлять отчеты Министерству Народнаго Просвѣщенія, при чѣмъ отчеты эти разсматриваются специалистами. Жаль только, что рецензіи на отчеты остаются большею частью неизвѣстными лицамъ, эти отчеты представившимъ.

Изъ лицъ, посланныхъ, по сдачѣ магистерскаго экзамена, за границу съ ученою цѣлью и, по истеченіи срока, возвратившихся оттуда, уже сравнительно немногіе бросаютъ ученую карьеру. Возвратившійся изъ заграницы молодой ученый, послѣ прочтенія двухъ пробныхъ лекцій, обыкновенно прио-

брѣтаетъ званіе приватъ-доцентъ, но безъ правъ государственной службы, хотя прошло по крайней мѣрѣ 5—6 лѣтъ со времени окончанія имъ университетскаго курса, и товарищи уже давно устроились. Нѣкоторымъ, наиболѣе счастливымъ, приватъ-доцентамъ Министерство даетъ вознагражденіе, въ размѣрѣ 1200 руб. въ годъ, каждый разъ по особому представленію университета, а иному приватъ-доценту выпадаетъ иногда исключительно счастливый случай, когда, за неимѣніемъ профессора, при вакантности каѳедры, факультетъ поручаетъ ему чтеніе лекцій по какому нибудь предмету, при чемъ въ его пользу идетъ весь собираемый со студентовъ гонораръ, достигающій въ столичныхъ университетахъ на нѣкоторыхъ факультетахъ крупной суммы въ нѣсколько тысячъ рублей въ годъ. Порученіе это можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ — тогда такому приватъ-доценту нѣтъ расчета мѣнять приватъ-доцентуру въ столичномъ университетѣ даже на профессуру въ университетѣ провинціальномъ. За то, въ случаѣ назначенія профессора на вакантную каѳедру, приватъ-доцентъ, читавшій этотъ предметъ и получавшій раньше тысячи, опять попадаетъ на пищу св. Антошя. Такъ въ университетской жизни все случайно и неопредѣленно!

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что, въ интересахъ науки, для пополненія профессорскаго персонала и замѣщенія вакантныхъ каѳедръ лицами въ научномъ отношеніи дѣйствительно достойными, по нашему мнѣнію, необходимо принять слѣдующія мѣры:

1. Всѣмъ студентамъ, получившимъ на курсовыхъ и на окончательныхъ экзаменахъ лучшія отмѣтки¹⁾, а также вообще заявившимъ себя особымъ прилежаніемъ (напр. получившимъ медали за сочиненія), должно быть дѣлаемо

1) Впрочемъ, нѣкоторые профессора утверждаютъ, что лучшія отмѣтки ничего не доказываютъ. Зачѣмъ-же они эти отмѣтки ставятъ?

факультетомъ предложеніе остаться при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, въ особенности по кафедрамъ вакантнымъ, какъ это съ успѣхомъ практикуется въ настоящее время въ нашей военно-медицинской академіи, а также въ академіяхъ духовныхъ.

2. Надо увеличить стипендію оставленнымъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, а также лицамъ командируемымъ съ ученою цѣлью за границу.

3. Надо назначить привать-доцентамъ (можно дать имъ прежнее названіе доцентовъ) опредѣленное жалованье и предоставить имъ права государственной службы.

Ш.

Объ уиорядоченнi присужденiя ученыхъ степеней и замѣщенiя вакантныхъ каедръ.

„Пиши, говори, кричи всякій, у кого есть хоть сколько нибудь безкорыстной любви къ отечеству, къ добру и истинѣ.“ В. Г. Бѣлинскій.

Конечною цѣлью для молодого ученаго является достиженіе профессуры. Но на пути къ достиженію этой цѣли начинаются еще болѣе колючія тернiя, чѣмъ прежде.

По дѣйствующему законодательству: „1. На всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, полагаются двѣ ученныя степени — магистра и доктора, которыя пріобрѣтаются послѣдовательно одна за другою. Въ исключительныхъ случаяхъ лица, пользующіяся извѣстностью по своимъ ученымъ трудамъ, могутъ быть допускаемы, согласно постановленію совѣта университета и съ разрѣшенiя министра Народнаго Просвѣщенiя, къ испытанію прямо на степень доктора“ 1). 2. „Никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора по разряду наукъ, соответствующихъ его каедрѣ“... 2)

Но какъ велики требованiя, такъ часты отступленiя, отъ этихъ требованiй: на дѣлѣ въ послѣднее время вакантныя каедры, за неимѣнiемъ докторовъ, обыкновенно замѣщаются магистрами соответствующихъ и несоответствующихъ наукъ

1) Уставъ учен. учрежд. и учебн. завед. Т. XI. ч. I. ст. 485.

2) Тамъ-же, ст. 499.

и даже окончившими курсъ наукъ въ университетѣ съ дипломомъ 2-ой степени магистрантами.

Желающій получить профессуру нормальнымъ порядкомъ долженъ получить степень доктора, т. е. написать и защитить двѣ диссертациі — магистерскую и докторскую.

Прежде всего нѣсколько словъ о требованіяхъ отъ диссертациій.

Хотя, по дѣйствующимъ правиламъ, магистерская диссертациія можетъ быть и компилятивной работой, но въ дѣйствительности требованія отъ магистерской и докторской диссертациі являются одинаковыми: и отъ магистерской диссертациі требуется не только свидѣтельство объ умѣнн научнo работать, но и новые научные выводы. Мало того, и отъ магистерской, и отъ докторской диссертациі, представляющихъ собою разсужденіе на одну опредѣленную тему, требуется обстоятельность изслѣдованія и, по установившемуся обычаю, значительный по величинѣ объемъ; поэтому, въ диссертацию, въ видахъ полноты, обыкновенно вводится предшествующее положеніе вопроса, подробно указывается его литература, ранѣе установленные выводы и положенія — все это отнимаетъ у молодого начинающаго ученаго много времени, которое онъ могъ-бы съ большимъ для себя и для избранной имъ науки успѣхомъ посвятить отдѣльнымъ, небольшимъ по объему, научнымъ изслѣдованіямъ. Почему бы не разрѣшить представленіе нѣсколькихъ такихъ изслѣдованій по однородному вопросу въ качествѣ хотя магистерской диссертациі, оставивъ нынѣшнюю форму разсужденія на одну опредѣленную тему обязательною лишь для диссертациі на степень доктора? Цѣль такихъ магистерскихъ диссертациій все равно или даже еще скорѣе была-бы достигнута, такъ какъ по такимъ работамъ автора оцѣнивающіе ихъ специалисты всегда легко могутъ убѣдиться и въ знаніи авторомъ литературы, и въ способности его ориентироваться въ работѣ, и въ широтѣ его научнаго интереса, и въ его талантливости.

Но гораздо больше возражений возбуждаетъ нынѣшній способъ пріобрѣтенія ученыхъ степеней, имѣющій вопіющіе недостатки, необходимость устранения которыхъ сознается всѣми истинными друзьями русской науки.

Вотъ процедура пріобрѣтенія ученой степени.

Диссертация готова. Наступаетъ самая главная забота — провести ее въ факультетѣ. Впрочемъ, нѣкоторые болѣе предусмотрительные искатели степени озабочиваются пріисканіемъ соотвѣтственнаго факультета еще раньше окончанія диссертации; эти лица обыкновенно тщательно скрываютъ отъ всѣхъ, что работа ихъ подвигается къ концу, стараются провести ее въ дружественно расположенномъ факультетѣ экспромптомъ (съ этою цѣлью прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ: называютъ знакомымъ совѣмъ иной университетъ, а не тотъ, въ который диссертация представлена; прося отъ университетскаго начальства отпускъ, причиною для такового выставляютъ не защиту диссертации, а какія либо иные обстоятельства и т. п.), даже не выпускаютъ до защиты диссертации своей книги въ продажу, опасаясь, какъ бы посторонняя критика не помѣшала полученію искомой степени домашнимъ образомъ.

Предосторожности, пожалуй, иногда не лишнія . . .

Но вотъ диссертация подана въ факультетъ. Здѣсь надо замѣтить, что факультетъ не вправѣ отказать отъ разсмотрѣнія диссертации, хотя бы среди членовъ его и не было спеціалиста по тому предмету, по которому диссертация представлена: хочу я, напр., защищать диссертацию на доктора химіи и представляю ее въ факультетъ, гдѣ нѣтъ даже магистра химіи, — диссертация все-таки должна быть принята и разсмотрѣна.

По принятіи диссертации, факультетъ раздаетъ отдѣльные экземпляры всѣмъ членамъ и поручаетъ спеціалисту или двумъ составить отзывъ о диссертации. Однако, этотъ отзывъ ни къ чему не обязываетъ. Спеціалистъ находитъ диссертацию не заслуживающею ученой степени — и все-

таки большинство факультета дѣлаетъ постановленіе о допущеніи ея къ защитѣ, и, наоборотъ, специалистъ находитъ диссертацию цѣннымъ вкладомъ въ науку, а факультетъ большинствомъ голосовъ отказываетъ представившему ее въ степени. И все это дѣлается безапелляціонно, иногда даже закрытою баллотировкою, при чемъ факультетъ не обязанъ выдать ищущему степени отзывъ объ его трудѣ и объяснять мотивы непринятія его диссертации. Совѣту университета принадлежитъ лишь контроль за формальностью дѣлопроизводства въ факультетѣ. Какъ бы жестоко и несправедливо васъ не обидѣли — жаловаться некуда и некому.

Правда, такой провалившійся искатель степени можетъ взять свою диссертацию обратно и представить ее въ другой университетъ; провалившись здѣсь — въ третій и т. д.; это ему не воспрещается. Но много ли найдется такихъ назойливыхъ и настойчивыхъ искателей ученыхъ степеней? Впрочемъ, находятся и не раскаиваются: большею частью, находится факультетъ, который иногда, только въ пику другому, присуждаетъ степень. Но для этого пужень характеръ; вѣроятно, ищущій степени при этомъ имѣетъ въ виду латинское изреченіе: *finis coronat opus*. Напримѣръ, одинъ молодой ученый, занимавшій безъ ученой степени, каѳедру въ провинціальномъ университетѣ, представилъ диссертацию на степень магистра въ столичный университетъ. Ему отказали. Но онъ человекъ съ характеромъ — обратился въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ, получилъ тамъ искомую степень, и теперь, не въ примѣръ прочимъ, со степенью магистра, профессорствуетъ въ столичномъ университетѣ, по назначенію Министерства Народнаго Просвѣщенія. Другой примѣръ. Доцентъ представилъ диссертацию на степень магистра въ столичный университетъ. Ему отказали, потому что „статистическія данныя, приводимыя въ его книгѣ, устарѣли“. Онъ представилъ ту же работу въ другой университетъ черезъ два года. Диссер-

тація была принята единогласно, какъ будто статистическія данныя стали черезъ два года свѣжѣе. На диспутѣ забракованная работа была признана „выдающимся и цѣннымъ вкладомъ въ науку“. Доцентъ нынѣ профессорствуетъ, и съ большимъ успѣхомъ. Такихъ примѣровъ я могъ бы привести не мало.

Наконецъ, диссертация допущена къ защитѣ, которая обыкновенно является по отношенію къ присужденію степени одною формальностью. Но бываетъ и иначе, при чемъ происходящіе на диспутахъ инциденты меньше всего имѣютъ въ виду интересы науки. Подалъ, на примѣръ, уже извѣстный своими трудами и магистерскою диссертациею профессоръ диссертацию для полученія степени доктора. Отзывъ специалиста (заслуженнаго ординарнаго профессора университета и академіи) блестящій. Факультетъ призналъ диссертацию единогласно достойною степени доктора и допустилъ къ защитѣ. На диспутѣ отзывы специалистовъ — самые благопріятные; но нѣкоторые члены, по мотивамъ, совершенно постороннимъ наукѣ, пробуютъ все-таки создать инцидентъ, хотя въ факультетѣ были согласны съ хвалебнымъ отзывомъ. Къ счастью ищущаго степени, это у нихъ сорвалось¹⁾. Авторъ труда, нынѣ признаннаго всѣми авторитетными учеными дѣйствительно выдающимся, все-таки былъ удостоенъ степени. — Не удался и другой инцидентъ съ почтеннымъ приватъ-доцентомъ, диссертация котораго была допущена къ защитѣ, но возбужденъ былъ вопросъ объ ея достоинствахъ уже на диспутѣ. Онъ все-таки получилъ степень магистра

1) А какъ велъ себя на этомъ диспутѣ председательствовавшій! Онъ нѣсколько разъ, не передавая председательства, выходилъ изъ залы и вновь приходилъ, не только разрѣшалъ оппонентамъ говорить диспутанту рѣзкости, но и допускалъ ихъ самъ. Что оставалось дѣлать диспутанту? Онъ могъ бы, конечно, прекратить диспутъ, указавъ на невозможность вести его при подобныхъ условіяхъ, но что изъ этого могло бы выйти? Развѣ только то, что пришлось бы еще разъ ѣхать для защиты диссертации за тысячу верстъ.

и, не смотря на всѣ интриги, профессору въ одномъ изъ университетовъ. Однако, чего ему это стоило? . . . А памятные всѣмъ — магистерскій и докторскій диспуты одного молодого столичнаго профессора, противъ котораго возстала нѣкоторая часть факультета. А недавній, по описанію газеты „Русь“, въ полномъ смыслѣ слова скандальный магистерскій диспутъ въ одномъ изъ нашихъ южныхъ университетовъ. . . . Я могъ бы продолжать до безконечности. Закончу слѣдующимъ замѣчательнымъ въ университетской жизни фактомъ. Профессоръ одного провинціального университета, извѣстный за „научную силу“ въ нѣкоторыхъ кружкахъ, представилъ диссертацию на степень доктора въ столичный университетъ. Специалисты — пользующіеся общею извѣстностью — не признали работу достойной искомой степени — п факультетъ въ этой степени отказалъ. Прошла недѣля — факультетъ перемѣнилъ свое рѣшеніе и допустилъ диссертацию до защиты. На диспутъ оффиціальныя рецензенты не сочли возможнымъ даже явиться (надо замѣтить, что одинъ изъ рецензентовъ „научная сила первой величины“ и учитель ищущаго степень). Но образовавшееся большинство факультета было на сторонѣ ищущаго степень. Составился диспутъ, на которомъ оппонентами выступили мало свѣдущія въ дѣлѣ лица, которымъ, какъ сказано, въ отчетѣ о диспутѣ, защищавшій диссертацию прочиталъ блестящую лекцію, какъ учитель ученикамъ. Ищущій степени былъ при громкихъ рукоплесканіяхъ удостоенъ таковой. Что же это такое? Что за комедія, при томъ разыгранная въ столичномъ университетѣ!

Таковы поистинѣ вопіющіе факты!!

Перейдемъ къ замѣщенію вакантныхъ каедръ.

По нынѣ дѣйствующему уставу, „при открывшейся вакансіи профессора, министръ Народнаго Просвѣщенія или замѣщаетъ ее по собственному усмотренію лицомъ, удовлетворяющимъ указаннымъ въ статьѣ 99-ой условіямъ, или предо-

ставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утверженіе. Въ послѣднемъ случаѣ декапъ соотвѣтствующаго факультета немедленно объявляетъ о вакантной каѳедрѣ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы желающіе явиться кандидатами на нее могли заявить о томъ факультету, при чемъ члены факультета и совѣта имѣютъ право предлагать извѣстныхъ имъ ученыхъ. Срокъ для такихъ заявленій и предложеній — трехмѣсячный со времени объявленія объ открывшейся вакансіи. Въ случаѣ неимѣнія въ виду кандидата, факультетъ, по истеченіи указаннаго срока, доводитъ о семъ чрезъ ректора до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа“ (§ 100). „По обсужденіи ученыхъ и преподавательскихъ достоинствъ каждаго кандидата, факультетъ подвергаетъ баллотированію всѣхъ кандидатовъ, при чемъ тотъ изъ нихъ, который получитъ наибольшее число голосовъ, считается кандидатомъ факультета. Факультетъ представляетъ о немъ совѣту, съ приложеніемъ подробныхъ протоколовъ тѣхъ засѣданій, въ которыхъ обсуждалось достоинство кандидатовъ, отдѣльныхъ мнѣній по сему дѣлу, общаго списка кандидатовъ и количества полученныхъ каждымъ изъ нихъ голосовъ при баллотированіи. Если никто изъ кандидатовъ не получитъ большинства голосовъ, а равно когда голоса раздѣлятся между нѣсколькими кандидатами половину, то баллотированіе повторяется между кандидатами, получившими, сравнительно съ прочими, болѣе избирательныхъ голосовъ. Разсмотрѣвъ представленные факультетомъ документы, совѣтъ даетъ свое заключеніе объ избранномъ въ факультетѣ кандидатѣ посредствомъ баллотированія и, затѣмъ, о послѣдствіяхъ онаго представляетъ попечителю округа, съ приложеніемъ какъ всѣхъ документовъ, переданныхъ изъ факультета, такъ и особыхъ мнѣній членовъ совѣта, если таковыя были заявлены. Попечитель представляетъ дѣло, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ, министру Народнаго Просвѣщенія. Если кандидатъ факультета не получитъ въ совѣтѣ

большинства голосовъ, то баллотированію подвергаются всѣ лица, предложенныя членами факультета и предъявившія свои права на вакантную должность. Утвержденіе въ должности профессора избраннаго совѣтомъ лица зависитъ отъ министра“ (§§ 101 и прим., 102 и примѣч., 103).

Итакъ, по нынѣ дѣйствующему университетскому уставу, вакантная каѳедра или замѣщается самимъ министромъ по его усмотрѣнію, какъ это практиковалось въ министерство покойнаго графа Г. Д. Делянова и въ началѣ министерства покойнаго Н. П. Боголѣпова, или путемъ конкурса, съ избраніемъ кандидатовъ на вакантную каѳедру баллотированіемъ въ факультетахъ и совѣтѣ указаннымъ выше способомъ, какъ это практиковалось въ послѣднее время министерства Н. П. Боголѣпова и позднѣе, при чемъ въ министерство Г. Э. Зенгера кандидаты на вакантную каѳедру намѣчались *только* въ факультетѣ, минуя совѣтъ.

И въ настоящее время высказываются серьезные доводы за устраненіе совѣта отъ участія въ дѣлѣ выборовъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры. Дѣло въ томъ, что даже въ предѣлахъ отдѣльнаго факультета специальности членовъ его нерѣдко настолько дифференцировались, что самостоятельно разобрать ученые труды кандидатовъ въ профессора и самостоятельно, а не съ чужого голоса, судить объ ихъ научныхъ достоинствахъ могутъ лишь немногіе члены факультета; мало того, очень нерѣдко бываетъ, что данная специальность вообще имѣетъ въ факультетѣ только одного представителя и, въ случаѣ его ухода или смерти, факультетъ, при выборѣ преемника, не имѣетъ въ своей средѣ прямого специалиста, которому слѣдовало бы поручить оцѣнку научныхъ качествъ кандидата на подлежащую замѣщенію вакансію, и по необходимости поручаетъ такую оцѣнку не прямому специалисту, а имѣющему лишь близкое отношеніе къ данной специальности; само собою разумѣется, что и оцѣнка въ этомъ случаѣ можетъ получаться не всегда достаточная для всесторонняго и объективнаго сужденія о

вопросъ; слѣдовательно, даже факультетъ, взятый отдѣльно, не всегда можетъ быть безошибочнымъ судьей въ дѣлѣ избранія кандидатовъ въ профессора. Тѣмъ болѣе нецѣлесообразнымъ является избраніе профессоровъ въ совѣтъ, который почти всегда на $\frac{3}{4}$ своего состава не компетентенъ въ составленіи самостоятельнаго мнѣнія о научныхъ достоинствахъ кандидата; такимъ образомъ, для большинства совѣта дѣлаются возможными другія соображенія, не имѣющія ничего общаго съ интересами науки, — соображенія *чисто партійнаго* характера. Положимъ, на примѣръ, что въ совѣтъ подвергается баллотировкѣ вполне достойный въ научномъ отношеніи кандидатъ; но специалистъ или большинство факультета, высказавшіеся за него, не пользуются расположеніемъ большинства совѣта. Положимъ, далѣе, что у этого сложившагося большинства существуютъ достаточныя основанія думать, что избираемый кандидатъ къ нему не примкнетъ. Въ этомъ случаѣ смѣло можно сказать, кандидатъ не будетъ избранъ въ совѣтъ, при чемъ въ такомъ крайне несправедливомъ исходѣ выборовъ некого даже будетъ упрекнуть, такъ какъ баллотировка является закрытою. А что партійность, составляющая оборотную сторону автономіи, въ университетскихъ совѣтахъ и факультетахъ безусловно очень развита — этого не считаютъ возможнымъ скрывать даже сторонники избранія кандидатовъ на вакантныя кафедры непременно и въ факультетѣ, и совѣтѣ; они предлагаютъ лишь пѣкоторыя, и при томъ малоудачныя, мѣры для борьбы съ этимъ зломъ.

Какъ сильно развита эта партійность въ настоящее время — показываютъ факты выборовъ кандидатовъ на вакантныя кафедры въ университетахъ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. Хуже всего то, что результатъ баллотировки почти всегда извѣстенъ заранее, такъ какъ извѣстна группировка членовъ извѣстнаго факультета. Въ московскомъ университетѣ, на примѣръ, стала вакантна одна кафедра на юридическомъ факультетѣ. Кандидатами высту-

пили два ординарныхъ профессора (изъ нихъ одинъ, кромѣ того, ректоръ провинціального университета) оба имѣющіе „имя“ въ наукѣ. И что-же? Голоса на факультетѣ при баллотировкѣ раздѣлились поровну: никто не получилъ большинства и никто не былъ избранъ. Въ другомъ столичномъ университетѣ, тоже на юридическомъ факультетѣ, былъ объявленъ конкурсъ на вакантную кафедру, при чемъ кандидатомъ выступило *лишь одно лицо* — ординарный профессоръ и деканъ провинціального университета, отлично рекомендованный *всѣми безъ исключенія специалистами* по занимаемой имъ кафедрѣ. И что же? голоса въ факультетѣ разбились поровну, кандидатъ, не смотря на блестящій отзывъ, составленный по порученію факультета заслуженнымъ профессоромъ и специалистомъ, оказался забаллотированнымъ. Развѣ это нормально? Развѣ столичный факультетъ въ данномъ случаѣ руководствовался научными интересами? — Тоже происходитъ и въ провинціальныхъ университетахъ. Примѣровъ приводить не будемъ: каждый, знакомый съ нашею университетскою жизнію, можетъ отыскать ихъ въ своей памяти. — Мало того, въ одномъ столичномъ университетѣ вошелъ въ обиходъ даже особый терминъ „*куролмированье*“, что въ переводѣ на простую рѣчь означаетъ *собираніе голосовъ* членовъ факультета или совѣта.

Какія-же мѣры могутъ быть приняты для устраненія столь непормальныхъ явленій при полученіи ученыхъ степеней и вакантныхъ кафедръ, — явленій, печально отражающихся на личномъ составѣ преподавательскаго персонала нашихъ университетовъ?

Не претендуя, конечно, на полное разрѣшеніе даннаго вопроса, мы находимъ возможнымъ указать нѣкоторыя изъ такихъ мѣръ.

1. Въ С.-Петербургѣ, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, должна быть образована особая постоянная

коммиссія или совѣтъ специалистовъ¹⁾. Ей долженъ принадлежать высшій надзоръ за присужденіемъ ученыхъ степеней, а также за тѣмъ, чтобы вакантныя кафедры были занимаемы лицами, дѣйствительно достойными. Она же сама даетъ отзывы о каждомъ конкурентѣ на кафедре и выбираетъ достойнѣйшаго изъ нихъ, для замѣщенія вакантной кафедры (это въ особенности необходимо въ томъ случаѣ, когда въ томъ факультетѣ, гдѣ вакантна кафедра, не имѣется на-лицо специалиста по этой кафедрѣ), или поручаетъ, подъ своимъ наблюдениемъ, соответствующему факультету выбрать достойнаго кандидата для замѣщенія вакантной кафедры. Къ этой коммисіи можетъ обратиться всякій, считающій себя несправедливо обиженнымъ вслѣдствіе факультетскаго или совѣтскаго произвола при назначеніи на кафедру, или при полученіи ученой степени. Пока не будетъ такой высшей контролирующей дѣятельности университетскихъ коллегій инстанцій, и впредь возможны столь вопіющіе факты, которые мы привели выше, взявъ ихъ изъ дѣйствительной жизни послѣднихъ лѣтъ. Говорятъ, что и теперь такой контроль существуетъ въ лицѣ г. министра Народнаго Просвѣщенія, которому принадлежитъ утвержденіе въ должности; но, конечно, всякому понятно, что г. министръ не можетъ быть компетентнымъ во всѣхъ указанныхъ выше случаяхъ.

2. Подача голосовъ при выборахъ на вакантныя кафедры и при присужденіи ученыхъ степеней должна быть непременно открытою, и каждый членъ факультета долженъ представить мотивы своего мнѣнія, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если его мнѣніе расходится съ отзывомъ специалиста о достоинствамъ кандидата. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, обращать выборы профессоровъ или присужденіе ученыхъ степеней въ лоттерей, въ „игру въ шары“, какъ это

1) Такая коммиссія экспертовъ уже существуетъ въ Италіи — и съ большою пользою для университетовъ.

бываетъ теперь, при закрытой баллотировкѣ, когда никто изъ баллотирующихъ лицъ не несетъ никакой отвѣтственности, кладетъ ли онъ шаръ направо, или налѣво! — По дѣлу составляется подробный протоколъ. Передача голосовъ отсутствующихъ членовъ не допускается (въ настоящее время и это практикуется).

3. Отзвывы спеціалистовъ непременно печатаются въ издаваемыхъ каждымъ университетомъ „Извѣстіяхъ“ или „Запискахъ“. Нельзя дѣлать изъ дѣлопроизводства факультета или совѣта въ такихъ важныхъ случаяхъ какую-то канцелярскую тайну, недоступную гласности и контролю общества.

4. Диссертація на ученую степень можетъ быть представлена въ *одинъ только* университетъ, по усмотрѣнію лица, ищущаго степени. Въ случаѣ отказа въ присужденіи степени, ищущій таковую, можетъ, если находитъ этотъ отказъ несправедливымъ, обратиться за окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса въ комиссію спеціалистовъ. Странствованіе изъ одного университета въ другой, пока найдется факультетъ, который рѣшится присудить степень за диссертацію, забракованную въ другихъ факультетахъ, впредь не должно быть разрѣшено, такъ какъ это безспорно роняетъ въ глазахъ всѣхъ наши университеты. Диссертація до защиты должна быть непременно въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ до защиты рассылаются факультетомъ всѣмъ спеціалистамъ.

Намъ кажется, что эти мѣры, безъ ущерба для автономіи нашихъ университетовъ, въ значительной мѣрѣ будутъ способствовать устраненію нежелательнаго произвола и партійности.

IV.

О гонорарѣ.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ университетскаго устава 1884 года является установленіе этимъ уставомъ гонорара за слушаніе лекцій. На основаніи § 129 устава, „съ каждаго студента и посторонняго слушателя взимается за слушаніе лекцій и за участіе въ практическихъ занятіяхъ“, сверхъ платы въ пользу университета, „особая плата въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями и руководствомъ которыхъ студентъ или слушатель желаетъ пользоваться, въ размѣрѣ примѣнительно къ нормѣ одного рубля за недѣльный часъ въ полугодіе“. ¹⁾ Составители устава 1884 года, заимствуя систему гонорара изъ Германіи, хотя система эта уже въ то время и тамъ имѣла много противниковъ, имѣли въ виду, съ одной стороны, содѣйствовать возникновенно конкуренціи въ дѣлѣ университетскаго преподаванія, а съ другой, способствовать такимъ образомъ увеличенію содержанія профессоровъ (этотъ мотивъ выставленъ былъ при обсужденіи проекта устава 1884 года въ Государственномъ Совѣтѣ).

Не достигнувъ ни той, ни другой цѣли, гонорарная система вознагражденія имѣла крайне печальныя послѣдствія для нашей университетской жизни, и, когда въ 1897 году само Министерство Народнаго Просвѣщенія обратилось къ совѣтамъ университетовъ съ предложеніемъ обсудить

1) См. Уст. учен. учреж. и учебн. завед. Т. XI. ч. I., изд. 1893 г., ст. 529.

вопросъ о гонорарѣ, огромное большинство профессоровъ высказалось за немедленную отмѣну гонорарной системы и назначеніе содержанія въ опредѣленномъ увеличенномъ размѣрѣ. Тѣмъ не менѣе гонорарная система продолжаетъ существовать и понынѣ, ко вреду университетскаго дѣла.

Смѣло можно сказать, что крупная часть неурядицъ въ университетской жизни зависитъ отъ существованія этой системы. Въ самомъ дѣлѣ, только благодаря крупному гонорару, доходящему въ столичныхъ университетахъ на многолюдныхъ факультетахъ ¹⁾ до 7—8 тысячъ рублей, возможны такія явленія, что профессора столичныхъ университетовъ числятся на службѣ 40 и болѣе лѣтъ, не желая уступать каѳедры болѣе молодымъ силамъ; далѣе, только крупный гонораръ побуждаетъ профессоровъ странствовать изъ менѣе численнаго университета въ болѣе многолюдный и добиваться каѳедры въ столичномъ университетѣ.

Мы взяли на себя трудъ, на основаніи обзрѣнія лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, прослѣдить перемѣны, которыя произошли въ преподавательскомъ составѣ этого университета за 10 лѣтъ, и пришли къ слѣдующимъ весьма интереснымъ выводамъ.

Изъ бывшихъ въ первомъ семестрѣ 1894 года 14 преподавателей юридическаго факультета въ настоящее время читаютъ на этомъ факультетѣ лишь 7 человекъ, т. е. половина наличнаго, десять лѣтъ тому назадъ, преподавательскаго персонала покинула службу въ этомъ университетѣ. Еще интереснѣе прослѣдить судьбу отдѣльныхъ каѳедръ: такъ, по каѳедрѣ римскаго права за это время перемѣнилось 3 преподавателя, по каѳедрѣ мѣстнаго права остзейскихъ губерній 4 преподавателя, а самая каѳедра мѣстнаго права *вакантна* съ конца 1897 года, т. е. ни мало, ни много, какъ *15 семестровъ или 7¹/₂*

1) Ничего не значить, что изъ такого многочисленнаго курса на лекціяхъ бываетъ лишь нѣсколько человекъ.

лѣтъ. Интересна также дальнѣйшая судьба профессоровъ этого факультета, покинувшихъ Юрьевскій университетъ: двое изъ нихъ перешли изъ Юрьевского университета въ болѣе многочленные непосредственно, а двое, пройдя еще одинъ университетъ, т. е. перемѣнили въ 10 лѣтъ три университета, пока, наконецъ, не успокоились въ университетахъ столичныхъ.

Еще поучительнѣе данныя, получаемыя изъ обзорнѣя лекціи относительно медицинскаго факультета Юрьевского университета: изъ бывшихъ десять лѣтъ тому назадъ на этомъ факультетѣ 22 преподавателей въ настоящее время осталось только 6 человекъ, при чемъ одна только кафедра акушерства и женскихъ болѣзней, какъ извѣстно, наиболѣе важная въ ряду медицинскихъ наукъ, но менѣе выгодная въ Юрьевскомъ университетѣ, чѣмъ въ большихъ городахъ, гдѣ у акушеровъ-профессоровъ большая практика, за 10 лѣтъ имѣла *четыре* смѣнившихъ другъ друга профессоровъ.

Не меньше перемѣнъ произошло и въ составѣ историко-филологическаго факультета, на которомъ въ настоящее время осталось 5 профессоровъ изъ тѣхъ 15, которые были въ 1894 году.

На факультетѣ физико-математическомъ изъ 15 преподавателей, читавшихъ тамъ лекціи въ первомъ семестрѣ 1894 года, теперь осталось *только два*, при чемъ около трети наличнаго состава профессоровъ имѣютъ порученія отъ факультета.

Даже ректоръ Юрьевского университета перешелъ ординарнымъ профессоромъ въ столичный университетъ; въ самомъ дѣлѣ, въ должности ординарнаго профессора въ столицѣ онъ будетъ получать безъ хлопотъ и заботъ, соединенныхъ съ ректорскою, благодаря гонорару, гораздо больше, чѣмъ получалъ въ Юрьевскомъ университетѣ, будучи ректоромъ.

Не говорю уже о крайней неравномѣрности вознагражденія отдѣльныхъ профессоровъ: въ то время какъ содер-

жаніе даже экстраординарнаго профессора на многочленныхъ факультетахъ можетъ дойти вмѣстѣ съ гонораромъ до 10,000 руб. въ годъ, заслуженный профессоръ на мало-членныхъ факультетахъ получить, въ видѣ прибавки къ своему жалованью въ 3000 руб., гонораръ всего лишь въ нѣсколько рублей въ годъ. Мало того, на одномъ и томъ факультетѣ профессоръ, читающій на старшемъ курсѣ за то же число часовъ получить гораздо меньше, чѣмъ профессоръ, читавшій на младшемъ, въ особенности на первомъ, курсѣ, такъ какъ студенты перваго курса не освобождаются отъ платы¹⁾.

Наконецъ, всякое расшпреніе преподаванія, напр. путемъ увеличенія числа лекцій, при гонорарной системѣ, когда каждый лишній часъ оплачивается рублемъ (при чемъ профессоръ не имѣетъ даже права самъ освободить своихъ слушателей отъ гонорара), можетъ всегда показаться подозрительнымъ относительно вызвавшихъ такое расширеніе преподаванія мотивовъ, можетъ быть, истолковано желаніемъ взять съ cadaго слушателя лишній рубль.

Предоставляемъ читателю судить, нормально ли такое положеніе университетскихъ дѣлъ, и должно ли оно существовать и впредь. Намъ же представляется совершенно очевиднымъ, что, пока будетъ въ нашихъ университетахъ существовать совершенно чуждый ихъ духу и осужденный даже въ Западной Европѣ профессорскій гонораръ, университетская жизнь правильно идти не можетъ.

1) Недавно въ эту систему внесенъ нѣкоторый коррективъ, а именно преподаватели, имѣющіе менѣе 1000 руб. въ годъ гонорара, получаютъ прибавку въ размѣрѣ 20% оклада содержанія; лица же, получающія гонораръ въ размѣрѣ болѣе 1000 руб., такой прибавки не получаютъ.

V.

Объ университетской инспекціи.

„Время — молчати, время — глаголати“.

Какъ извѣстно, по уставу 1884 года, вмѣсто должности проректора, въ нашихъ университетахъ вновь установлена (существовавшая до университетскаго устава 1863 года) должность инспектора студентовъ, „подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго состоятъ его помощники, число которыхъ опредѣляется сообразно числу студентовъ и расположенію университетскихъ здацій“, и „опредѣляемые по найму самимъ инспекторомъ служители инспекціи“ (Уст. Импер. російск. унив. §§ 46, 49, 50). Права и преимущества инспекціи значительно увеличены. Инспекторъ состоитъ въ V классѣ по должности, наравнѣ съ ординарными профессорами, содержація получаетъ 3,000 руб. и квартиру въ натурѣ, тогда какъ ординарные профессора получаютъ 3,000 руб. со своею квартирою. Но особенно важными преимуществами пользуется инспекторъ студентовъ по отношенію къ пенсіи: за 25 лѣтъ службы онъ получаетъ пенсію въ размѣрѣ 3,000 руб. въ годъ, тогда какъ ординарные профессора за тотъ же срокъ получаютъ 2,400 руб. въ годъ (§ 154). Мало того, „инспекторъ студентовъ, въ случаѣ оставленія его по выслугѣ 25 лѣтъ на дальнѣйшей службѣ въ университетѣ, получаетъ и прежнее свое содержаніе, и, кромѣ того пенсію въ половинномъ размѣрѣ“¹⁾, всего

1) § 153.

3,000 руб. + 1,500 руб. = 4,500 руб., при готовой квартирѣ.

Помощники инспектора за 25 лѣтъ службы получают пенсію въ размѣрѣ 1,500 руб., состоя въ VIII классѣ по должности, между тѣмъ какъ экстраординарные профессора, состоящіе въ VI классѣ по должности, за 25-лѣтіе службы получаютъ только на 100 руб. больше, именно 1,600 руб.; а вѣдь экстраординарный профессоръ долженъ не только окончить курсъ высшаго учебнаго заведенія, но и приобрести ученую степень, тогда какъ во многихъ университетахъ помощниками инспекторовъ назначаются лица, даже не получившія гимназическаго образованія. По выслугѣ 25 лѣтъ, помощники инспектора остаются на службѣ по вольному найму и получаютъ 1,500 руб. пенсіи + 1,500 руб. жалованья — итого 3,000 руб., да еще, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, имѣютъ не только казенную квартиру, иногда даже съ садомъ, но и казенное отопленіе и освѣщеніе. Такимъ образомъ, положеніе этихъ, часто не кончившихъ курсъ даже и гимназій, лицъ въ матеріальномъ отношеніи лучше, чѣмъ положеніе ординарнаго профессора, даже такого, который остался на службѣ по выслугѣ 25 лѣтъ, такъ какъ онъ „пенсіи сверхъ жалованья не получаетъ“ (§ 154).

Всевозможными отличіями — чинами и орденами — чины инспекціи тоже высканы изрядно: всякій инспекторъ студентовъ непременно дѣйствительный статскій совѣтникъ, тогда какъ заслуженные ординарные профессора большею частью и въ отставку выходятъ „статскими совѣтниками“, пробывъ въ семь чинѣ 15—20 лѣтъ.

Можетъ быть, однако, университетская инспекція, получая щедрое вознагражденіе, несетъ полезную и тяжелую службу?

Въ этомъ отношеніи весьма интересными и компетентными являются отзывы университетскихъ комиссій, избранныхъ совѣтами университетовъ въ 1901 году для составленія мотивированныхъ отвѣтовъ на вопросы, предложенные, нынѣ

покойнымъ, министромъ Народнаго Просвѣщенія П. С. Вановскимъ относительно желательнаго устройства нашихъ университетовъ. Въ этихъ отзывахъ согласно указывается на то, что въ „мирное время“ инспекція оказывается излишней, а во время студенческихъ волненій совершенно безсильной, вслѣдствіе отсутствія авторитета и довѣрія (въ самомъ дѣлѣ, какой авторитетъ могутъ имѣть и какое воспитательное вліяніе могутъ оказывать на университетскую молодежь инспекторъ или его помощники, когда они сами не имѣютъ высшаго образованія), а потому введенная уставомъ 1884 года инспекція должна быть упразднена, при чемъ значительныя суммы, затрачиваемыя на ея содержаніе, могли бы быть употреблены на удовлетвореніе другихъ пасущихъ нуждъ, которыхъ у нашихъ университетовъ много.

Что касается тяжести службы и многосложности занятій, то, по отзывамъ тѣхъ же комиссій, при нормальномъ теченіи университетской жизни, у инспекціи дѣла не много; нѣкоторыя же функціи инспекціи — наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій, наблюденіе за поведеніемъ студентовъ внѣ стѣнъ университета и др. — сами собою отпадаютъ, такъ какъ онѣ на дѣлѣ не исполнимы. Напр., надзоръ за посѣщеніемъ лекцій превращается въ простую формальность, при чемъ, студенты, числящіеся по записямъ инспекціи находящимися на лекціяхъ, на самомъ дѣлѣ таковыхъ вовсе не посѣщаютъ, и аудиторія, которая, по этимъ записямъ, должна быть переполнена, иногда совершенно пустуетъ¹⁾.

1) „Инспекція, по словамъ одной изъ такихъ комиссій, при нормальномъ теченіи университетской жизни представляетъ собою непедагогическое зрѣлище значительной группы лицъ, щедро оплачиваемыхъ казной, но не занятыхъ никакимъ дѣломъ и праздно скитающихся по университетскимъ корридорамъ и другимъ помѣщеніямъ, въ которыхъ нѣтъ учебныхъ занятій, или же собирающихся въ дежурной комнатѣ, чтобы убить время въ разговорахъ другъ съ другомъ, зрѣлище, которое никоимъ образомъ не можетъ вызывать уваженіе со стороны студентовъ“. Еще рѣзче высказывается объ

Лучшимъ доказательствомъ того, какъ немногосложны дѣйствительныя функціи надзора за студентами, можно судить по слѣдующему факту: въ Юрьевскомъ университетѣ, до введенія инспекціи, всѣ функціи надзора за студентами сосредоточены были въ одномъ лицѣ проректора, получавшаго за свой трудъ всего 2,000 р. Затѣмъ, былъ назначенъ одинъ инспекторъ и одинъ помощникъ инспектора, управлявшіеся со всѣмъ дѣломъ. Черезъ нѣсколько времени были назначены еще два помощника инспектора, имѣвшіе теперь уже достаточно досуга. Но и этого мало — при бывшемъ инспекторѣ студентовъ было назначено сразу еще пять помощниковъ инспектора, такъ что въ настоящее время, вмѣсто одного проректора, въ Юрьевскомъ университетѣ состоятъ инспекторъ студентовъ и *восемь* помощниковъ инспектора (и всѣ девять человѣкъ дѣлаютъ дѣло, которое дѣлалъ одинъ человѣкъ), на коихъ расходуется 15,000 руб., кромѣ квартирныхъ, пособій и пр., да многочисленный штатъ служителей инспекціи стоитъ около 6,000 руб. — итого 21,000 руб.¹⁾ А между тѣмъ, по отзывамъ комиссій всѣхъ безъ исключенія университетскихъ совѣтовъ, весь этотъ институтъ инспекціи признанъ единогласно бесполезнымъ. За существованіе инспекціи никто изъ профессоровъ не подалъ даже особаго мнѣнія.

И все-таки мы не будемъ имѣть полного представленія о томъ, во что обходится государству институтъ университетской инспекціи, если не обратимъ вниманія на слѣдующій

инспекціи бывший ректоръ Юрьевскаго университета, нынѣ членъ совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія А. С. Будиловичъ, конечно, хорошо знакомый съ этимъ институтомъ. „Для наблюденія за внѣшнимъ благочиніемъ въ стѣнахъ университета сторожа, или вѣрнѣе педеля, куда пригоднѣ нашихъ нынѣшнихъ субъ-инспекторовъ, цѣлыми дюжинами слоняющихся по корридорамъ, въ унижающемъ образованнаго человѣка бездѣйствіи!“ А. С. Будиловичъ. „Наука и политика“. СПб. 1905, стр. 46.

1) Въ столичныхъ университетахъ расходъ вдвое больше.

фактъ. Дѣло въ томъ, что въ инспекцію идутъ люди „не служить“, а получить пенсію. На должность инспектора студентовъ и его помощниковъ идутъ лица, которымъ осталось до 25-лѣтней выслуги два-три года, а иногда даже не болѣе года. Сокращеніе срока службы до выслуги пенсіи и повышеніе пенсіи — вотъ побудительные стимулы, которыми руководствуются директора гимназій и реальныхъ училищъ, поступающіе на должность инспектора студентовъ, и учителя гимназій, надзиратели гимназій и даже инспекторы народныхъ училищъ, мѣняющіе VI-ой классъ должности на VIII-ой, при поступленіи въ помощники инспектора. И вотъ случилось странное ненормальное явленіе. Государство, давая особыя преимущества служащимъ инспекціи, назначая имъ за 25 лѣтъ службы полный окладъ содержанія, конечно, имѣетъ въ виду тяжесть и отвѣтственность ихъ службы, а на практикѣ вся тяжесть сводится къ пребыванію въ должности инспектора или помощника инспектора 1, 2, много 3 года, при чемъ инспекторъ, получивши 3,000 руб. пенсіи, въ „цвѣтущемъ еще возрастѣ“, спѣшитъ перейти на иную службу, а помощникъ инспектора, получая пенсію, служитъ по вольному найму, получая такимъ образомъ вмѣсто 1,500 руб., 3,000 руб. Выпедшаго въ отставку инспектора студентовъ замѣняетъ новый, который черезъ 1—2 года выслуживаетъ 3,000 руб. пенсіи за 25 лѣтъ и, въ свою очередь, уходитъ въ отставку; его замѣняетъ опять новый, часто уже имѣющій 25 лѣтъ службы и т. д. Нормально ли такое явленіе? Возможно ли такое обремененіе суммъ государственнаго казначейства и расходованіе ихъ на институтъ, осужденный на упраздненіе? Вѣдь такимъ образомъ, пока институтъ инспекціи будетъ преобразованъ или упраздненъ, на плечахъ государственнаго казначейства окажутся сотни пенсіонеровъ, съ ежегоднымъ пенсіономъ въ 3,000 руб. и въ 1,500 руб.!

А между тѣмъ теперь каждая копейка дорога!

VI.

Лишняя статья расхода.

Въ настоящее время, когда, по случаю войны съ Японіей, предстоитъ введеніе новыхъ налоговъ, а также сокращеніе многихъ расходовъ въ нашемъ бюджетѣ, умѣстно указать на возможность сокращенія или даже полного прекращенія расходованія по одной статьѣ расходовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Какъ извѣстно, по уставу 1884 года, окончательныя испытанія для оканчивающихъ курсъ въ нашихъ университетахъ должны производиться въ *такъ называемыхъ* государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ (историко-филологической, физико-математической, юридической, восточныхъ языковъ и медицинской). Прежде въ этихъ комиссіяхъ, для полученія диплома объ окончаніи университетскаго курса, лица, имѣющія выпускныя свидѣтельства о прослушаніи всѣхъ предметовъ избраннаго ими факультета, должны были держать экзамень по *всѣмъ предметамъ* избранной ими спеціальности, при чемъ предсѣдатель каждой комиссіи назначался г министромъ изъ лицъ постороннихъ — изъ другого университета. Затѣмъ, въ виду крайней затруднительности для оканчивающихъ курсъ выдержать всѣ предметы въ государственной комиссіи въ одинъ пріемъ, экзамены почти по *всѣмъ предметамъ* первыхъ двухъ курсовъ стали производиться самими факультетами, такъ что оканчивающіе курсъ экзаменовались въ государственныхъ комиссіяхъ главнымъ образомъ по предметамъ двухъ послѣднихъ курсовъ. Наконецъ, часть и этихъ предметовъ

студенты стали сдавать въ факультетскихъ комиссіяхъ при переходѣ съ третьяго курса на четвертый. Словомъ, *такъ называемые* государственные экзамены превратились собственно въ обыкновенные курсовые экзамены по предметамъ 4-го курса (съ нѣкоторыми дополненіями), и отъ прежнихъ государственныхъ испытательныхъ комиссій, учрежденныхъ уставомъ 1884 года, осталось одно воспоминаніе. Предсѣдатель и члены теперешнихъ комиссій хотя и назначаются г. министромъ Народнаго Просвѣщенія, но изъ профессоровъ того же университета — даже не старшихъ по службѣ, а читающихъ тѣ предметы, экзамены по которымъ отнесены къ *такъ называемой* государственной комиссіи. Между тѣмъ и въ настоящее время предсѣдатель этой комиссіи, члены ея и даже экзаменаторы получаютъ вознагражденіе за свой трудъ по производству экзаменовъ (предсѣдатель — около 500 руб.; члены — около 250 руб., плюсъ плата за экзамены; экзаменаторы до 150 руб.); въ то же время прочіе профессора, не воведшіе въ такъ называемую государственную испытательную комиссію, а экзаменующіе въ комиссіяхъ факультетовъ гораздо большее число лицъ, не получаютъ ни копейки, хотя экзамены эти теперь ничѣмъ не отличаются отъ первыхъ.

Не лучше ли расходуюмую на этотъ предметъ довольно крупную сумму (на всѣ университеты нѣсколько десятковъ тысячъ), употребить на другія неотложныя нужды Министерства Народнаго Просвѣщенія? А нужды этихъ у него не мало. . . .

VI.

Нѣкоторыя особенности устройства Юрьевскаго (бывшаго Деритскаго) университета.

Въ виду предстоящей реформы нашихъ университетовъ, своевременно обратить вниманіе на особенности (быть можетъ, извѣстныя весьма немногимъ) устройства Юрьевскаго (прежде Деритскаго) университета, продолжающаго и теперь жить на основаніи устава Деритскаго университета 1865 года, при чемъ уставъ этотъ измѣненъ лишь въ отдѣльных частяхъ, вслѣдствіе происшедшихъ въ послѣднее время реформъ въ этомъ университетѣ.

Какія же особенности устройства Юрьевскаго университета должны быть сохранены, въ виду мѣстныхъ условій, при издашіи новаго общаго университетскаго устава?

Конечно, только такія, которыя вызываются дѣйствительною необходимостью и пользою для самого университета, а не какими-либо посторонними соображеніями.

Руководствуясь этою точкою зрѣнія, мы и перейдемъ къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ особенностей Юрьевскаго университета.

1.

Главною существенною особенностью Юрьевскаго университета является существующій при немъ протестантскій богословскій факультетъ. По § 1 устава Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета (сравн. ст. 560 т. XI ч. 1 Св. зак.), университетъ этотъ состоитъ изъ пяти факультетовъ,

какъ составныхъ частей одного цѣлаго. Факультеты сии суть: богословскій, юридическій, медицинскій, историко-филологическій и физико-математическій. Между тѣмъ во всѣхъ прочихъ университетахъ Россійской Имперіи нормальное число факультетовъ четыре, а именно: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій (ст. 403 т. XI ч. 1 Св. зак.).

Желательно-ли сохранить эту особенность Юрьевского университета и впредь? Полезно-ли будетъ и впредь для Юрьевского университета существованіе въ немъ протестантскаго богословскаго факультета? Является-ли существованіе въ Юрьевскомъ университетѣ этого факультета безусловно необходимымъ и полезнымъ для самого университета?

Отвѣтъ возможенъ только отрицательный.

Въ самомъ дѣлѣ, богословскіе факультеты составляютъ характерную особенность лишь католическихъ и протестантскихъ университетовъ и никогда не входили въ составъ университетовъ русскихъ. Правда, въ послѣднее время высказывается иногда желаніе, вмѣсто, или наравнѣ съ духовными академіями, открыть богословскіе факультеты для образованія юношества, желающаго посвятить себя впоследствии служенію церкви, при русскихъ университетахъ, въ особенности при университетѣ Юрьевскомъ, гдѣ значительная часть учащихся — воспитанники духовныхъ семинарій, изъ которыхъ многіе, быть можетъ, охотно поступили-бы на богословскій факультетъ. Но желаніе это едва-ли осуществимо и врядъ-ли соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Православной церкви, уже имѣющей для приготовленія достойныхъ пастырей этой церкви особыя спеціальныя духовныя учебныя заведенія.

Итакъ, если въ составѣ русскихъ университетовъ мы не встрѣчаемъ даже православныхъ богословскихъ факультетовъ, которые на самомъ дѣлѣ могли бы быть органически связаны съ прочими факультетами нашихъ универ-

ситетовъ, то тѣмъ болѣе неестественнымъ будетъ существованіе и впредь, съ издашемъ новаго университетскаго устава, въ теперъ уже преобразованномъ русскомъ Юрьевскомъ университетѣ, большинство студентовъ котораго въ настоящее время принадлежитъ къ православному исповѣданію ¹⁾, протестантскаго богословскаго факультета.

Не будемъ уже говорить о томъ, что дальнѣйшее существованіе при Юрьевскомъ университетѣ протестантскаго богословскаго факультета, на которомъ преподаваніе всѣхъ наукъ происходитъ все еще на нѣмецкомъ языкѣ (и, конечно, будетъ нѣмецкимъ и впредь), и профессоры котораго до сихъ поръ не понимаютъ и не говорятъ по-русски, постоянно будетъ препятствовать правильному ходу университетской жизни и вызывать производствѣ дѣлъ въ совѣтѣ университета на двухъ языкахъ — нѣмецкомъ и русскомъ. На каждомъ засѣданіи совѣта тотъ или другой членъ богословскаго факультета можетъ потребовать перевода съ русскаго на нѣмецкій языкъ всего сказаннаго или прочитаннаго въ засѣданіи. Сколько времени теряется огромнымъ большинствомъ членовъ совѣта на эти переводы! Какимъ тяжелымъ бременемъ должны лечь эти двуязычныя засѣданія, продолжающіяся вдвое больше чѣмъ въ другихъ университетахъ, на профессоровъ всѣхъ прочихъ факультетовъ Юрьевского университета!

Можно было бы привести не мало и другихъ мотивовъ въ пользу необходимости выдѣленія богословскаго факультета Юрьевского университета въ самостоятельное, отдѣльное учебное заведеніе, но и приведенныхъ уже достаточно для того, чтобы съ увѣренностью утверждать, что, пока Юрьевскій университетъ будетъ, въ исключеніе противъ прочихъ русскихъ университетовъ, имѣть въ своемъ составѣ про-

1) Изъ всего числа студентовъ Юрьевского университета, которое въ 1903 году достигло 1,909 человекъ, 1,170 человекъ принадлежитъ къ православному исповѣданію.

тестантскій богословскій факультетъ — Юрьевскій университетъ русскимъ университетомъ быть не можетъ.

Наконецъ — и это самое главное — для самого богословскаго факультета, не находящагося въ настоящее время ни въ какомъ отношеніи ни къ одному изъ прочихъ факультетовъ Юрьевскаго университета, стоящаго совершенно обособленно, гораздо полезнѣе и цѣлесообразнѣе выдѣлиться въ особое самостоятельное учено-учебное учрежденіе, по образцу уже существующей въ С.-Петербургѣ римско-католической духовной академіи, учрежденной для высшаго образованія духовныхъ лицъ, предназначающихъ себя къ главнѣйшимъ должностямъ римско-католической іерархіи въ Имперіи (ст. 103 т. XI ч. 1. Св. зак. Уст. иностр. испов.).

Насколько чужды и непонятны нужды прочихъ русскихъ факультетовъ Юрьевскаго университета протестантскому нѣмецкому богословскому факультету, настолько непонятны и чужды интересы этого послѣдняго факультета большинству русскихъ профессоровъ прочихъ факультетовъ Юрьевскаго университета: оставаясь попрежнему въ составѣ Юрьевскаго университета, онъ будетъ стоять совершенно одиноко, такъ какъ въ русскомъ университетѣ — не мѣсто нѣмецкому протестантскому богословскому факультету.

2.

Въ самой организаціи богословскаго факультета необходимы существенныя измѣненія, для пользы этого факультета. Необходимость реформированія богословскаго факультета Юрьевскаго университета, являющагося питомникомъ и разсадникомъ евангелическо-лютеранскихъ пасторовъ по всей Россійской Имперіи и по Великому Княжеству Финляндскому, въ настоящее время является неотложною.

Въ Прибалтійскомъ краѣ, конечно, до сихъ поръ еще памятны тѣ печальныя событія, которыя произошли около пяти лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ эстонскихъ прихо-

дахъ Венденскаго и Валкскаго уѣздовъ Лифляндской губерніи по поводу ввода новыхъ пасторовъ. Какъ извѣстно, нѣкоторые эстонскіе приходы въ названной мѣстности отказались принять избранныхъ патронами и назначенныхъ евангелпческо-лютеранскою консисторіею пасторовъ и оказали сопротивленіе, при вводѣ ихъ въ должность, причемъ это сопротивленіе приняло особенно рѣзкую форму въ приходахъ Шванебургскомъ и Берзонскомъ. Лифляндская евангелическо-лютеранская консисторія забила по этому поводу тревогу, находя въ происшедшемъ явленіи признаки систематически-организованной агитаціи противъ вновь назначенныхъ нѣмецкихъ пасторовъ. Потребовалось содѣйствіе полиціи¹⁾. Было назначено строгое разслѣдованіе, никакой преступной организованной агитаціи не обнаружившее. Но фактъ остается фактомъ: эстонская паства не пускаетъ къ себѣ нѣмецкихъ пастырей²⁾.

Не коренится ли до нѣкоторой степени это печальное явленіе въ самой организаціи нѣмецкаго богословскаго факультета?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, не претендуя на окончательное его разрѣшеніе, мы отмѣтимъ тотъ фактъ, что нѣсколько времени тому назадъ возбуждено было ходатайство объ учрежденіи при Юрьевскомъ университетѣ на богословскомъ факультетѣ двухъ новыхъ каѳедъ практическаго богословія для преподаванія его на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ. Впослѣдствіи это ходатайство нѣсколькихъ лицъ получило общее значеніе для всего эстонскаго и ла-

1) Лифляндская евангелическо-лютеранская консисторія требовала даже содѣйствія военной силы для ввода пасторовъ въ приходы, надѣясь, быть можетъ, на такъ называемыя „суммарныя наказанія“ (summarische Abprügelungen), при помощи русскихъ воинскихъ командъ, практиковавшіяся въ „доброе старое время“. Церковный Вѣстникъ“ 1899 г. № 6, стр. 206.

2) Мы не говоримъ уже о послѣднихъ печальныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ нѣкоторыхъ евангелическо-лютеранскихъ приходахъ въ настоящее тяжелое время.

тыскаго евангелическаго населенія; интеллигентныя лица изъ эстонскаго и латышскаго народа очень горячо отнеслись къ поднятому вопросу и въ цѣломъ рядѣ статей въ эстонскихъ и латышскихъ газетахъ представили вѣскіе доводы необходимости рѣзрѣшенія въ положительномъ смыслѣ возбужденнаго ходатайства.

Доводы сторонниковъ эстонской и латышской богословскихъ профессуръ сводятся къ слѣдующему. Лютеранне нѣмцевъ (эстонцевъ, латышей, финновъ и др.) въ Россіи гораздо больше, чѣмъ нѣмцевъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ Юрьевскій богословскій факультетъ является очагомъ германизации эстонцевъ и латышей. Онъ выпускаетъ пасторскихъ кандидатовъ, слабо или совершенно неподготовленныхъ къ эстонской или латышской проповѣди, такъ какъ они очень часто не владѣютъ этими языками; много пасторовъ въ эстонскихъ и латышскихъ приходахъ совершаютъ службу и проповѣдуютъ на ломаномъ и смѣшанномъ языкѣ. Консistorіи (окружныя) экзаменуютъ въ знаніи народнаго языка кандидатовъ, послѣ положеннаго для послѣднихъ пробнаго года, только *pro forma*, а кандидатовъ изъ эстовъ и латышей по возможности устраняютъ отъ балтійскихъ приходоу, назначая ихъ въ сибирскіе, южно-русскіе и колонистскіе приходы¹⁾. Нѣмцы-пасторы чуждаются своей простонародной паствы, относятся къ ней высокоумно, не обнаруживаютъ попытокъ приближать ее къ себѣ, понять ее²⁾. Съ своей стороны, эстонскіе и латышскіе прихожане относятся съ недовѣріемъ къ своимъ па-

1) Такъ, напр., хотя богословскій факультетъ Юрьевскаго университета ежегодно выпускаетъ значительное число богослововъ изъ эстовъ и латышей, а также несмотря на то, что среди сельскаго населенія нѣмцы составляютъ всего 2—3 ‰, между пасторами-проповѣдниками Лифляндской губерніи болѣе 10 ‰ нѣмцевъ. Въ справедливости сказаннаго можно убѣдиться изъ списка проповѣдниковъ лифляндской евангелическо-лютеранской консistorіи.

2) А. Grenzstein. Herrenkirche oder Volkskirche? Eine estnische Stimme im baltischen Chor. Jurjew. 1899.

сторамъ, и между ними установились ненормальныя, нежелательныя отношенія, вліяющія на упадокъ въ народѣ религіознаго, а вмѣстѣ и нравственнаго чувства. Преподаваніе богословія на обонхъ мѣстныхъ языкахъ было бы полезно для самихъ студентовъ - богослововъ нѣмецкаго происхожденія: будучи впослѣдствіи назначены на должность пасторовъ въ приходяхъ съ эстонскимъ или латышскимъ населеніемъ, они были бы ближе и желаннѣе для паствы, чѣмъ въ настоящее время¹⁾.

1) Противъ учрежденія означенныхъ профессуръ возражаютъ, что учрежденіе ихъ не послужило бы ни къ облегченію профессоръ богословскаго факультета въ Юрьевѣ, ни къ болѣе цѣлесообразному распредѣленію учебнаго на немъ матеріала, ни вообще къ какой-либо пользѣ для занятій по богословію. Мѣра эта должна лишь служить умѣнью владѣть народнымъ эстонскимъ или латышскимъ языкомъ для проповѣдниковъ. Не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что слѣдуетъ стремиться къ достиженію сей цѣли, но цѣль эта не составляетъ задачи богословскаго факультета. Для достиженія этой цѣли служатъ лекціи лекторовъ эстонскаго и латышскаго языковъ и такъ называемый пробный годъ, въ теченіе котораго каждый богословъ, желающій занять пастырскую должность, обязанъ отправлять пастырскія обязанности подъ наблюденіемъ какого-нибудь проповѣдника. Что-же касается того обстоятельства, что въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій при замѣщеніи сельскихъ приходовъ пасторами нѣмецкаго происхожденія подавались иногда со стороны прихожанъ эстонскаго или латышскаго происхожденія протесты, которые вели къ прискорбнымъ столкновеніямъ по случаю введенія упомянутыхъ духовныхъ лицъ въ должность, то обстоятельство это находитъ себѣ объясненіе вовсе не въ недостаточности умѣнья владѣть народнымъ языкомъ, а въ злосчастныхъ національныхъ стремленіяхъ нашего времени. Авторы проекта введенія новыхъ профессуръ хотятъ найти для себя въ богословскомъ факультетѣ точку опоры для національныхъ своихъ стремленій какъ въ самомъ университетѣ, такъ и внѣ, стремленій, противорѣчащихъ какъ интересамъ научнымъ, такъ церковнымъ и государственнымъ. Далѣе указывается, что учрежденіе проектированныхъ каѳедръ связано съ значительными расходами. (Мнѣніе евангелическо-лютеранской генеральной консисторіи. „Моск. Вѣдомости“ 1898 г. № 280).

Приводимые противниками учрежденія эстонской и латышской богословскихъ профессуръ доводы намъ не представляются убѣдительными; сами противники этого учрежденія согласны, что лучшее, чѣмъ теперь, знакомство съ эстонскимъ и латышскимъ языками для проповѣдниковъ весьма полезно.

Здѣсь умѣстно замѣтить, что для улучшенія отношеній между

Необходимо, далѣе, учрежденіе на богословскомъ факультетѣ Юрьевскаго университета также каѳедры реформатскаго богословія. Въ настоящее время на этомъ факультетѣ существуютъ 5 слѣдующихъ каѳедръ: 1) экзегетическаго богословія, 2) историческаго богословія, 3) систематическаго богословія, 4) практическаго богословія и 5) семитическихъ языковъ. Между тѣмъ, на богословскомъ факультетѣ Юрьевскаго университета получаютъ образованіе не только будущіе лютеранскіе, но и реформатскіе проповѣдники въ Россіи. Необходимо поэтому учредить каѳедру реформатскаго богословія, представитель которой будетъ преподавать студентамъ-богословамъ реформатскаго исповѣданія систематическое и практическое богословіе ихъ исповѣданія; конечно, самъ преподаватель долженъ принадлежать къ реформатскому исповѣданію. Прочіе предметы (экзегетическое и историческое богословіе, семитическіе языки) студенты-реформаты могли бы слушать вмѣстѣ съ лютеранами. На это затруднительное положеніе русскихъ реформатовъ, не имѣющихъ ни одного представителя своей церкви на богословскомъ факультетѣ Юрьевскаго университета, должно быть обращено должное вниманіе. Въ Австріи и Баваріи при тамошнихъ лютеранскихъ богословскихъ факультетахъ учреждены каѳедры реформатскаго богословія. Такъ какъ русскіе реформаты, за немногими исключеніями, въ своихъ церквахъ употребляютъ польскій языкъ, то профессоръ реформатскаго богословія могъ бы преподавать свой предметъ на польскомъ языкѣ.

На основаніи всего выказаннаго въ предыдущемъ изложеніи мы приходимъ къ заключенію, что на богословскомъ факультетѣ Юрьевскаго университета необходимо :

пасторами-проповѣдниками и паствою большое значеніе имѣль-бы также пересмотръ уже устарѣвшаго и въ нѣкоторыхъ частяхъ не отвѣчающаго современнымъ требованіямъ жизни законодательства о патронатѣ.

- 1) Учрежденіе двухъ кафедръ практическаго богословія для преподаванія этого предмета на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ.
- 2) Учрежденіе кафедры реформатскаго богословія.

3.

На юридическомъ факультетѣ Юрьевскаго университета существуетъ кафедра, которой нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ русскихъ университетовъ, а именно кафедра мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, а также юридической практики (юридическая практика теперь уже не относится къ этой кафедрѣ).

Возникаетъ вопросъ: необходима ли эта кафедра и на будущее время?

Уже самый фактъ несуществованія кафедры мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній въ другихъ университетахъ заставляетъ сильно сомнѣваться въ необходимости существованія ея на юридическомъ факультетѣ Юрьевскаго университета ¹⁾; обязательное же изученіе мѣстнаго остзейскаго права только студентами-юристами Юрьевскаго университета въ то время какъ въ прочихъ русскихъ университетахъ изученіе его обязательнымъ не является, представляется намъ требованіемъ излишнимъ и никакого серьезнаго основанія не имѣющимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мало ли существуетъ мѣстныхъ узаконеній и изъятій отъ дѣйствій общаго права на территоріи обширнаго нашего отечества! Никто, однако, не станетъ доказывать необходимость обязательнаго преподаванія на юридическомъ факультетѣ нашихъ университетовъ не только *всѣхъ* мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ на про-

1) Насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ еще не составлено даже особой программы этого предмета для экзамена въ полукурсовыхъ испытаніяхъ.

странствѣ всей Россійской Имперіи, но даже тѣхъ мѣстныхъ законовъ, которые дѣйствуютъ на пространствѣ даже значительной части ея — напр., въ губерніяхъ, входившихъ въ составъ бывшаго царства Польскаго? Почему же должно быть сдѣлано исключеніе для мѣстныхъ законовъ Балтійскихъ губерній? Почему изученіе мѣстнаго права должно быть обязательнымъ для студентовъ юридическаго факультета Юрьевскаго университета, стекающихся въ этотъ университетъ съ всѣхъ концовъ Россіи, если большая часть изъ нихъ, по окончаніи курса, и не думаетъ оставаться на службѣ на нѣмецкой окраинѣ?

И такъ, было бы цѣлесообразнымъ, ограничивъ изученіе мѣстнаго остзейскаго права только лицами желающими поручить преподаваніе его, въ качествѣ необязательнаго предмета, профессору гражданскаго (или римскаго) права или особому приватъ-доценту¹⁾; самую же кафедру мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, какъ излишнюю, закрыть.

4.

Къ особенностямъ Юрьевскаго университета принадлежитъ предоставленное ему съ 1897 года право принимать въ число студентовъ молодыхъ людей, окончившихъ по первому разряду полный (6-ти-годичный) курсъ духовныхъ семинарій, безъ представленія аттестата зрѣлости, но съ провѣрочными испытаніями по нѣкоторымъ предметамъ.

Право это должно быть не только сохранено за Юрьевскимъ университетомъ и на будущее время но и распространено и на другіе университеты. Студенты Юрьевскаго университета изъ семинаристовъ уже успѣли заявить себя способностями къ научнымъ занятіямъ и выдающимся тру-

1) Этотъ порядокъ въ настоящее время практикуется во всѣхъ русскихъ университетахъ

долюбіємъ 1). Кромѣ того, не можетъ быть оставлено безъ вниманія и то обстоятельство, что значительное число коренныхъ русскихъ людей, каковыми являются воспитанники духовныхъ семинарій, не можетъ не вліять благоприятнымъ образомъ на внесеніе въ студенческую, преимущественно инородческую, среду Юрьевского университета непосредственнаго русскаго элемента, что вполне отвѣчаетъ основнымъ задачамъ и характеру реформы названнаго университета, предпринятой по мысли и волѣ незабвеннаго Императора Александра III.

М. Красноженъ.

1) Я уже упоминалъ объ одномъ студентѣ-семинаристѣ, получившемъ въ теченіе 4 лѣтъ пребыванія на юридическомъ факультетѣ *три золотыя медали.*

О произведеніи Жюль Верна „Un drame en Livonie“¹⁾.

Мм. Гг.

Два мѣсяца тому назадъ (11-го марта) скончался въ Амьенѣ извѣстный, весьма плодовитый писатель Жюль Вернъ 77 лѣтъ. Едва ли найдется кто-нибудь, кто не прочелъ бы хотя одно изъ многочисленныхъ сочиненій французскаго писателя или по крайней мѣрѣ не слышалъ бы о его необыкновенныхъ, фантастическихъ путешествіяхъ. „Блестящая фантазія амьенскаго писателя“, говоритъ одинъ некрологистъ²⁾, „подкрѣплялась всегда реальными фактами, научными истинами, научными данными, дѣлая невозможное возможнымъ, желаемое — исполнимымъ, мечту — дѣйствительностью.“ „Эдиссонъ литературы — Жюль Вернъ“, читаемъ мы въ другомъ некрологѣ³⁾, „предугадывалъ въ невозможности возможное оказывался иногда пророкомъ. Мы дождались подводной лодки, близится къ осуществленію воздушный корабль, а электричество, которое въ шестидесятихъ годахъ едва выходило изъ

1) Помѣщается здѣсь это сообщеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было прочитано 15-го мая 1905 года въ годовичномъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества. Тѣмъ не менѣе позволяю себѣ дополнить его нѣкоторыми примѣчаніями, которыя за недостаткомъ времени при устномъ изложеніи не могли быть использованы, но которыя, быть можетъ, не лишни при его напечатаніи.

2) В. Разиньковъ. „Новое Время“, № 10424, 13 III 905.

3) „Новости“, № 63, 12 III 905.

стадія игрушки, и въ самомъ дѣлѣ становится тѣмъ царемъ земли, котораго въ немъ провидѣлъ гений изобрѣтателя безъ мастерской“. — „Картинность описанія и драматизмъ повѣствованія довершаютъ прелесть произведеній Жюль Верна“ 1).

Для сегодняшняго сообщенія избралъ я одинъ изъ разсказовъ покойнаго писателя, разсказъ, касающійся Прибалтійскаго края и отчасти того города и даже того учрежденія, въ которомъ мы съ Вами въ данный моментъ находимся. Я говорю о его „Un drame en Livonie“ — „Драма въ Ливоніи“ 2). И этотъ разсказъ составляетъ одно изъ звеньевъ цѣлой цѣпи его „необыкновенныхъ путешествій“, хотя, собственно говоря, въ путешествіи по нашему Прибалтійскому краю трудно было бы найти что-либо необыкновенное и вообще что-нибудь похожее на эпизоды во время „путешествія на луну“ или „къ центру земли“ или же, наконецъ, уподобить это путешествіе его „20000 лѣтъ подъ водою“ — въ нашемъ краѣ, повторяю, очень мало фантастическаго, загадочнаго . . . но, быть можетъ, и не столько самъ край, не столько внѣшность его, сколько внутренній міръ его обитателей показался маститому писателю чѣмъ-то необыкновеннымъ и заставилъ его заняться имъ и включить этотъ разсказъ въ этомъ отношеніи въ свои „voyages extraordinaires“ 3).

1) „Нов. Вр.“ № 10424. — Можно еще привести мѣсто изъ некролога, номѣщеннаго въ „Рижск. Вѣстн.“, въ № 58 отъ 17 III 905: „Въ основаніе своихъ часто необычныхъ и фантастическихъ путешествій Вернъ всегда клалъ несомнѣнныя научныя истины, факты и данныя и развивалъ все это въ фабулѣ поразительно искусной, гдѣ фантазія и дѣйствительность переплетались въ глубоко интересной и поучительной формѣ.“

2) Les voyages extraordinaires. Un drame en Livonie par Jules Verne. Illustrations par L. Benett. Paris. J. Hetzel, éditeur.

3) Вообще надо замѣтить, что Жюль Вернъ въ „Un drame en Livonie“ не всегда придерживается даже извѣстныхъ ему внѣшнихъ данныхъ: онъ, какъ мы увидимъ ниже, представляетъ ихъ и распоряжается ими иногда вопреки дѣйствительности по-своему. Вотъ почему психологическая сторона этого разсказа, составляющая его главное содержаніе, гораздо болѣе интересна для читателя, въ осо-

Темою къ разсказу послужило дѣло или, какъ авторъ говоритъ, „сенсационная драма, нашедшая столь сильный отголосокъ въ судебныхъ лѣтописяхъ Балтійскихъ провинцій“¹⁾ и „судебная драма, которой было придано политическими страстями, національными разногласіями, столь ужасное значеніе въ этихъ провинціяхъ“²⁾. Когда происходило это дѣло, трудно сказать! Во всякомъ случаѣ въ 1876 году, къ которому относить его самъ Жюль Вернъ, о подобномъ дѣлѣ я ничего не нашелъ, да и напрасно было бы искать въ беллетристическомъ произведеніи протокольной точности. Скорѣе всего можно предположить, что, положивъ въ основу своего разсказа данныя о Прибалтійскомъ краѣ, приводимыя въ географіи Реклю³⁾ и относящіяся преимущественно ко второй половинѣ 70-хъ годовъ, Жюль Вернъ приурочилъ и весь разсказъ къ одному изъ этихъ годовъ.

бенности же для читателя, знакомаго какъ съ внѣшнимъ, такъ и съ внутреннимъ міромъ Прибалтійскаго края. — Правда, вполне „необыкновенными путешественниками“ являются по временамъ нѣкоторые изъ героевъ драмы: такъ Николевъ совершаетъ пѣшкомъ въ 2 часа 15—20 верстъ (стр. 83, 211, 252), а Яновъ, путешествуя исключительно по ночамъ и очень часто окольными путями, проходитъ по желанію Ж. В. въ два мѣсяца все пространство отъ Минусинска до ливонской границы (стр. 3, 5).

1) Стр. 341: „Ce drame sensationnel, qui eut un si grand retentissement dans les annales judiciaires des provinces Baltiques.“

2) Стр. 116: „Ce drame judiciaire auquel les passions politiques, les divergences de nationalité, ont donné un si terrible éclat dans ces provinces.“ — Для большей полноты привожу здѣсь еще одно общее замѣчаніе автора о „драмѣ“: „... ce drame judiciaire qui avait passionné la population des provinces Baltiques et surexcité la lutte des partis à la veille de se mesurer sur le terrain électoral“ (стр. 314).

3) Въ некрологѣ, составленномъ г. А. Измайловымъ („Огонекъ“, приложение къ „Биржерамъ Вѣдомостямъ“, № 9, 18 III 905, „Поэтъ науки“) приводится выписка изъ одной біографіи Жюль Верна: „Онъ (т. е. Ж. В.) неизмѣнно работалъ отъ 7-ми до 11-ти часовъ утра надъ правкой или созданіемъ своихъ рукописей. За этими часами письменной работы слѣдовало собираніе документовъ изъ журналовъ, газетъ, научныхъ сочиненій, всего больше изъ географіи Реклю.“ — E. Reclus, Nouvelle géographique universelle, la terre et les hommes. Paris. 1880, t. V, p. 357—385: Provinces Baltiques.

Появилось это произведение въ іюнѣ 1904 года¹⁾, т. е., по крайней мѣрѣ по датѣ появленія принадлежитъ оно къ послѣднимъ сочиненіямъ, а, можетъ быть, является лебединою пѣснью престарѣлаго художника. Правда, въ одномъ изъ некрологовъ²⁾ поэта говорится, что онъ незадолго передъ смертью работалъ надъ большимъ романомъ, относящимся къ нашей войнѣ съ японцами, но неизвѣстно, закончилъ онъ его или нѣтъ.

Интересно еще замѣтить, что, насколько мнѣ извѣстно, ни одна мѣстная газета не упомянула о вышедшей изъ печати въ прошломъ году „драмѣ въ Ливоніи“, такъ что мое сегодняшнее сообщеніе не будетъ, быть можетъ, для присутствующихъ повтореніемъ чего-нибудь стараго, общеизвѣстнаго.

Наконецъ, остается мнѣ еще прибавить, что рѣшился я на сегодняшнюю бесѣду не потому, что я считаю описанія и разсужденія Жюль Верна непогрѣшимыми и вполне соответствующими дѣйствительности, а просто потому, что нахожу не бесполезнымъ знакомить мѣстныхъ жителей съ произведеніями изъ мѣстной жизни тѣмъ болѣе, что современная беллетристика, за исключеніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей, какъ бы избѣгаетъ сюжетовъ изъ прибалтійской жизни.

Одинъ часъ, имѣющійся въ моемъ распоряженіи, не позволяетъ мнѣ, разумѣется, подробно изложить содержаніе этой въ высшей степени богатой дѣйствіемъ „драмы“, а также разобратся во всѣхъ ея особенностяхъ, достоинствахъ и не-

1) На запросъ мой получилъ я отъ издателя 12 IV 905 слѣдующій отвѣтъ: „Date d'apparition Juin 1904.“ На мой вопросъ, когда написалъ Жюль Вернъ разсказъ, издатель, очевидно, не могъ мнѣ отвѣтить. — Судя по одной фразѣ въ примѣчаніи о русскихъ государственныхъ кредитныхъ билетахъ (стр. 151: „Actuellement, on connaît les réformes récentes des monnaies russes“) относящейся, очевидно, къ послѣднимъ мѣропріятіямъ министра финансовъ Витте, можно предположить, что и разсказъ былъ писанъ Жюлемъ Верномъ не ранѣе девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. — Съ іюня 1904 г. по 12-е апрѣля 1905 года вышло пять изданій разсказа „Un drame en Livonie“: на обложкѣ экземпляра, купленнаго мною въ 1905 году напечатано: „Cinquième édition“.

2) „Рижскія Вѣдомости“, № 360, 14 III 905.

достаткахъ, вслѣдствіе чего я и ограничусь сжатою передачею хода дѣйствія, нѣкоторыми общими замѣчаніями и ознакомленіемъ почтенныхъ слушателей съ описаніемъ нашего города и бывшаго деритскаго университета, какимъ оно вылилось изъ-подъ пера иностраннаго писателя-беллетриста.

Введеніемъ въ разсказъ, его прологомъ, служатъ первыя двѣ главы. На границѣ ливонской, вдоль Чудскаго озера, на границѣ своей родины, появился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1876 года какой-то человѣкъ. Этотъ человѣкъ — русскій, бѣжавшій изъ далекой Сибири, куда онъ былъ сосланъ за политическое иреступленіе. Цѣлью его бѣгства было достиженіе одного изъ портовъ Балтійскаго моря, откуда онъ могъ бы отправиться за границу. Преодолевъ всѣ невзгоды необозримыхъ пространствъ азіатской Россіи, пройдя незамѣченнымъ полиціею черезъ плотно населенныя центральныя европейскія губерніи, бѣглець подвергается крайней опасности уже въ предѣлахъ Прибалтійскаго края при прохожденіи послѣднихъ 150 верстъ: такъ на Чудскомъ озерѣ онъ чуть было не попадаетъ въ руки пограничной таможенной стражи; около озера Вирпъ-ерва спасается онъ благодаря простой случайности отъ стаи волковъ¹⁾: въ ночной темнотѣ онъ натывается на какую-то лѣстницу, взбирается по ней наверхъ и тѣмъ ускользаетъ отъ разъяренныхъ звѣрей; лѣстница оказывается однимъ изъ крыльевъ вѣтряной мельницы; чтобы отдохнуть, пробирается онъ въ верхнее помѣщеніе мельницы; здѣсь, благодаря мельнику-славянину, остается онъ незамѣченнымъ полицейскими, начальни-

1) Не на простомъ вымыслѣ основаны это нападеніе, а также замѣтка (стр. 21) о волкахъ и медвѣдяхъ. О большомъ количествѣ волковъ въ Лифляндской губерніи Ж. В. могъ прочесть въ приведенномъ у Реклю (стр. 372) отрывкѣ одной народной пѣсни: „О, Боже, куда спастись? Лѣса полны волками и медвѣдями, а поля полны господами!“ Но и въ другихъ болѣе точныхъ источникахъ имѣются подобныя свѣдѣнія о волкахъ. Такъ въ первой четверти XIX столѣтія эссекій пасторъ О. Мазингъ сообщаетъ объ ужасномъ вредѣ, причиняемомъ населенію волками (по его подсчету онъ равняется въ Приб. краѣ 1 милл. 168 тыс. руб. въ годъ) и изыскиваетъ мѣры для борьбы съ этимъ зломъ (Dörptsche Ztg. за 1872 г. № 274). Въ теченіе 1877 г. въ одномъ юрьевскомъ судебномъ округѣ (Ordnungserichtsbezirk) уничтожено волками 228 домашн. животныхъ (Neue Dörpt. Ztg. за 1878 г. № 36).

комъ которыхъ былъ энергичный „brigadier“ Экъ; наконецъ, онъ какимъ-то чудомъ исчезаетъ межъ льдинами рѣки Перновы и тѣмъ освобождается отъ назойливаго преслѣдованія тѣхъ же полицейскихъ, давшихъ даже по немъ нѣсколько выстрѣловъ.

Послѣ этого пролога начинается главный разсказъ. Авторъ переноситъ насъ въ Ригу, въ одинъ изъ его форштадтовъ, заселенный преимущественно русскими ¹⁾, въ домъ учителя-математика ²⁾ Дмитрія Николева, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „драмы въ Ливоніи“. Рига, какъ и другіе города Прибалтійскаго края, находилась въ то время наканунѣ ³⁾ введенія новаго городского положенія, столь несходнаго съ прежнимъ режимомъ, при которомъ нѣмцы были исключительными хозяевами города. Борьба возгорѣлась между „славянскою“ партією, или „славянами“ ⁴⁾, и тогдашними городскими

1) Стр. 42: „... faubourg de Riga, principalement affecté aux habitans russes... dans lequel les habitations sont le plus ordinairement bâties en bois.“ (Ср. Vivien de Saint-Martin — Louis Rousselet. Nouveau dictionnaire de géographie universelle. Paris. Томъ V, стр. 134). — Стр. 53: „ce faubourg ne possède pas moins de huit mille Moscovites“ (Ср. Reclus, томъ V, стр. 373; у Реклю не приводится названіе форштадта, а число 8000 относится къ однимъ раскольникамъ).

2) Жюль Вернъ называетъ его „professeur libre pour les sciences mathématiques et physiques“ (стр. 45), что по-русски скорѣе значить „учитель“, чѣмъ „профессоръ“.

3) Въ разныхъ мѣстахъ разсказа говорится о предстоящихъ въ очень скоромъ времени городскихъ выборахъ. По разсказу происходили они до 17-го сентября 1876 года, что не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ они состоялись на самомъ дѣлѣ только въ первой четверти 1878 года. Что касается 1876 года, то въ декабрѣ этого года стало извѣстно окончательное рѣшеніе введенія этой реформы (Neue Dörpt. Ztg. № 285. 7 XII 76). Высочайшее же утвержденіе нов. городского положенія для Прибалт. края послѣдовало 26 марта 1877 года (Neue Dörpt. Ztg. за 1877 г. № 98).

4) Подъ „Slaves“ подразумѣваетъ Жюль Вернъ въ смыслѣ партіи — „parti slave“ — русскихъ, латышей, а также и эстовъ: на стр. 48: „... notre ville (т. е. Pura) ne compte que quarante-quatre mille Allemands contre vingt-six mille Russes et vingt-quatre mille Lettes...“ (ср. Реклю, т. V, стр. 382) ... Les Slaves y sont en majorité...“ (разрядка моя); на стр. 52, приводя общую цифру населенія Прибалтійскаго края въ 1876 г. („dix-neuf cent quatre-vingt-six mille habitans...“), что не вполне соотвѣтствуетъ даннымъ у Реклю, (стр. 358), онъ прибавляетъ: „l'élément germanique n'était représenté que par... cent cinquante-cinq mille (Реклю, т. V, стр. 374). Une majorité slave devait donc se former...“

заправилами; самыми вліятельными были банкиры Іохаузены, изъ которыхъ старшій братъ и при новыхъ порядкахъ хотѣлъ сдѣлаться главою городскаго управленія; славянская же партія поддерживаемая генераль-губернаторомъ, выставила своимъ кандидатомъ упомянутаго выше учителя-математика, весьма незажиточнаго, но скромнаго и честнаго дѣятеля. Димитрій Николевъ, уроженецъ Риги, сынъ купца, получилъ въ наслѣдство отъ отца весьма запутанныя дѣла; долгъ отца банкирскому дому Іохаузеневъ равнялся 25000 руб. Д. Николевъ рѣшилъ все продать, чтобы уплатить хоть часть долга, на остальную же сумму выдалъ векселя, которые и погашалъ по частямъ ежегодно изъ денегъ, заработанныхъ имъ уроками. Такимъ образомъ къ 1876 году оставалось ему уплатить Іохаузенамъ еще 18000 рублей. Срокъ уплаты этихъ денегъ истекалъ черезъ 5 недѣль, 15-го мая. Въ виду выборной борьбы онъ не могъ надѣяться на отсрочку, уплатить же сразу такую сумму онъ не былъ въ состояніи. Все это страшно тревожило и озабочивало его, тѣмъ болѣе что свои денежныя затрудненія хранилъ онъ въ тайнѣ и не дѣлился своими заботами ни съ дѣтьми, ни съ самыми близкими друзьями. Жена его давно умерла; изъ двухъ его дѣтей дочь, Илька, 24 лѣтъ, жила при немъ и вела хозяйство, а сынъ его Иванъ, 18 лѣтъ, находился въ тогдашнемъ дерптскомъ университетѣ. Изъ близкихъ его друзей авторъ упоминаетъ Михаила Янова, доктора Хамина и французскаго консула Деляпорт'а (Delaporte). Михаилъ Яновъ, другъ молодости, умеръ

Въ этнографическомъ отношеніи Жюль Вернь, вопреки Реклю (стр. 367, 371), не всегда строго различаетъ латышей отъ эстовъ: стр. 47: *Les Esthes* (ореографія самого названія тоже другая, чѣмъ у Реклю, стр. 367), *ces frères des Finnois, et les Lettes, presque tous agriculteurs sédentaires...*; стр. 29: „... *Eshtes, les vrais originaires de l'Eshtonie...*“; а на стр. 112: „*dans les provinces Baltiques, ... ces paysans... ces agriculteurs... qui forment la véritable population indigène, ces Lettons, parlant leur ancien idiome slave...*“; стр. 11: „... *ceux (т. е. paysans) de Livonie ne repousseront pas un Slave comme eux!*“ стр. 46: „*Les journaux esthes, avec tout le charme de leur langage aryen...*“ Впрочемъ, и въ ученomъ мірѣ нѣкоторые ученые не отрицаютъ возможной принадлежности финновъ и ихъ „братьевъ“ эстовъ къ арійскимъ народамъ (Андерсонъ, Кеппенъ).

болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ. Единственный его сынъ, Владимиръ Яновъ, талантливый адвокатъ, женихъ Ильки Николевой, четыре года тому назадъ былъ арестованъ, какъ членъ тайнаго политическаго общества, и былъ сосланъ въ рудники Минусинска. Шестъ мѣсяцевъ послѣ ареста сына умеръ старикъ Михаилъ Яновъ; на смертномъ одрѣ вручилъ онъ Д. Николеву 20000 руб. для передачи ихъ при первой возможности сыну его Владимиру. Переданы были эти деньги Николеву съ глазу на глазъ, и даже Илька не была посвящена въ эту тайну. Д. Николевъ свято хранилъ чужой капиталъ и ни на минуту не приходила ему въ голову мысль хоть временно воспользоваться ими для уплаты своего долга Гохаузенамъ. — Въ началѣ третьей главы ждуть къ вечернему чаю запоздавшего Д. Николева дочь его Илька, д-ръ Хаминъ и консулъ Деляпортъ. Разговоръ ихъ касается главнымъ образомъ выборной борьбы и положенія дѣлъ въ Ригѣ. Приходитъ Николевъ, чѣмъ-то крайне озабоченный, быстро выпиваетъ чай и мало разговариваетъ; друзья уходятъ, а Николевъ, простившись съ дочерью, тотчасъ же удаляется въ свой кабинетъ.

На слѣдующій день, 13-го апрѣля, отправляются въ Ревель въ почтовой каретѣ два пассажира: 1) Похъ, служитель банкирскаго дома Гохаузеновъ, везшій въ Ревель 15000 рублей и 2) какой-то незнакомецъ, закутанный въ плащъ съ капюшономъ и сѣвшій въ карету почти въ моментъ ея отъѣзда изъ Риги. Насколько незнакомецъ былъ молчаливъ (онъ не проронилъ во все время пути почти ни одного слова), настолько Похъ былъ разговорчивъ, словоохотливъ какъ во время пути съ знакомымъ кондукторомъ, такъ и на станціяхъ съ чужими хозяевами и ямщиками; онъ усердно потчивалъ кондуктора и ямщиковъ, такъ какъ онъ спѣшилъ по семейнымъ дѣламъ вернуться скорѣе въ Ригу, но погода и плохая дорога ему не благопріятствовали: въ 20 верстахъ отъ Пернова ломается переднее колесо, и карета падаетъ на бокъ. Похъ оказывается контуженнымъ. Рѣшено, что кондукторъ и ямщикъ отправятся верхомъ въ Перновъ за экипажемъ, а Похъ съ незнакомцемъ будутъ ихъ ждать въ находившемся вблизи кабакъ „Сломанный Крестъ“ („Croix-Rompue“). Незнакомецъ предложилъ руку контуженному Поху, и такимъ образомъ вошли они въ кабакъ.

Содержателемъ кабака былъ нѣкій Кроффъ, нѣмецкаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія, бездѣтный вдовецъ, человекъ крѣпкаго сложенія. Онъ жилъ одиноко и прислуживалъ самъ своимъ гостямъ, состоявшимъ преимущественно изъ окрестныхъ крестьянъ, дровосѣковъ, а также кондукторовъ, ямщиковъ и иногда злоумышленниковъ; порядочные же путешественники рѣдко у него останавливались. Унаслѣдовалъ кабакъ онъ отъ своего отца, слышанаго въ народѣ за обманщика и браконьера. Говорили также, что какъ у отца, такъ и у сына водилась деньга. Домъ состоялъ изъ самого торговаго помещенія съ прилавкомъ, скамейками и столами, изъ двухъ комнатъ по обѣ стороны этого помещенія съ окнами на большакъ, снабженными ставнями, и изъ одной каморки съ окномъ на огородъ. Въ то время, когда входилъ Похъ подъ руку съ незнакомцемъ, въ кабакъ были кромѣ нѣкоторыхъ обычныхъ гостей полицейскій съ начальникомъ Экомъ, преслѣдовавшимъ вдоль рѣки Перновы бѣглеца изъ Сибири во второй главѣ разказа. Незнакомецъ потребовалъ комнату и удалился въ нее безъ ужина, заявивъ, что въ 4 часа утра онъ покинетъ корчму. Экъ, заинтересовавшись закутаннмъ въ плащъ незнакомцемъ, не спускалъ съ него глазъ, уловилъ таки моментъ, когда капюшонъ немного раскрылся, и узналъ незнакомца. Похъ только послѣ плотнаго ужина и послѣ разговора съ Экомъ пошелъ въ предназначенную для него комнату. Проводивъ послѣднихъ гостей и заперевъ дверь на запоръ, Кроффъ пошелъ въ свою каморку. Въ 4 часа утра покинулъ незнакомецъ кабакъ, расплатившись съ Кроффомъ.

Въ слѣдующей главѣ авторъ переноситъ насъ снова въ Ригу ¹⁾ и, пользуясь описаніемъ семейства Юхаузеновъ, рисуетъ

1) На стр. 113 и 114 помѣщено очень краткое описаніе города Риги: Рига, основанная въ XIII столѣтіи, болѣе германскій, чѣмъ славянскій городъ — „une cité plus germanique que slave“ (на стр. 51 говоритъ Илька, что Рига „une ville beaucoup plus allemande que russe“) — не только по внутреннему строю, но и по внѣшнему виду. „Riga est maintenant une ville ouverte.“ Изъ достопримѣчательностей Жюль Вернъ отмѣчаетъ только „le Rathaus“ и „l'antique monument des Chevaliers de la Tête-Noire“ (sic!) на главной городской площади. Здѣсь же находился также банкирскій домъ братьевъ Юхаузеновъ.

вообще нѣмцевъ 1) съ ихъ нерасположеніемъ къ русскимъ, а также съ ихъ патріархальнымъ обращеніемъ съ нижшимъ классомъ населенія; по отношенію къ служителямъ доходитъ ихъ забота до отеческихъ внушеній въ канцеляріи полиціи. Въ этой же главѣ имѣется краткая характеристика дѣятельности русскаго генераль-губернатора 2) Горко (Gorko) и русскаго

1) Здѣсь необходимо коснуться общихъ замѣчаній Жюль Верна о нѣмцахъ, помѣщенныхъ какъ въ этой главѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ разсказа. Въ нихъ онъ придерживается главнымъ образомъ мнѣнія Реклю. Нѣмцы, „Allemands“, „Germaines“, „ces obstinées races de sang germanique“, и у Жюль Верна являются по отношенію къ прочему населенію „иностранцами“, „чужими“: „l'élément étranger“ (стр. 47), „depuis sept cents ans, depuis la conquête . . . ceux-ci (т. е. побѣдители, нѣмцы) sont restés en dehors du pays“ (стр. 48), а числомъ не превышаютъ 155 тысячъ. Какъ раньше силою оружія, такъ въ настоящее время они всемогущи благодаря деньгамъ, большой земельной собственности, а также и тому обстоятельству, что въ ихъ рукахъ всѣ должности (стр. 46, 47). Въ Прибалтійскомъ краѣ дворянство, почетные граждане (citoyens honoraires), мѣщане (bourgeois) и купцы почти исключительно „d'origine teutonne“, тевтонскаго происхожденія. Дворянство, не имѣющее ничего общаго съ чиновничествомъ, пользуется большимъ значеніемъ, усугубленнымъ дѣйствительною властью. Оно древнѣе русскаго дворянства и обладаетъ важными привилегіями („между прочимъ“, прибавляетъ Жюль Вернъ, „правомъ выдавать дипломы, которыми не брезгаютъ — ne dédaignent pas — даже члены Царской фамиліи“) [стр. 111]. Рядомъ съ этимъ дворянствомъ существуетъ нѣмецкая буржуазія, „son égale, sa supérieure même par son intervention dans l'administration provinciale et municipale“. Она включаетъ въ себя купечество, почетныхъ гражданъ и простое мѣщанство. Высшій классъ этой буржуазіи, представителемъ котораго въ разсказѣ является семейство Іохаузеновъ, образованъ, трудолюбивъ, гостепріименъ и отличается высокою честностью и высокою нравственностью (стр. 112). Въ городахъ господствуетъ нѣмецкій языкъ (стр. 9, 112). Ненависть нѣмцевъ къ русскимъ общая: не говоря уже о высшемъ классѣ, выставленномъ Ж. В. крайне враждебнымъ къ русскимъ, авторъ замѣчаетъ, что корчмари нѣмецкаго происхожденія, которыхъ слѣдуетъ отнести къ низшему классу, не приняли бы къ себѣ русскаго бѣглеца (стр. 12).

2) Хотя и называетъ Жюль Вернъ большею частью генерала Горко „gouverneur“, но прибавляя къ этому слову „des provinces Baltiques“ (стр. 30, 224) или „des provinces“ (стр. 179), онъ, очевидно, имѣлъ въ виду высшаго начальника въ краѣ, т. е. генераль-губернатора. На стр. 294 и Ж. В. называетъ его „gouverneur général“. Выставляя дѣйствующимъ лицомъ генераль-губернатора въ 1876 году, Ж. В. допустилъ неточность, такъ какъ уже 25-го

же начальника полиціи (полковника Рагенова), стремящихся при посредствѣ намѣченныхъ свыше реформъ къ расширенію правъ „de l'élément slave“ и вообще къ облегченію положенія подвластныхъ нѣмцамъ латышей и эстовъ. Заканчивается глава очень оживленною сценою въ канцеляріи помощника начальника полиціи маіора Вердера. Провинившійся служитель Іохаузеновъ, Транкель, является къ маіору съ запискою отъ своего хозяина. Не только полицейскіе служителя, но и самъ маіоръ встрѣчаютъ его какъ стараго знакомаго, какъ „друга“. Какъ „друга“ же велитъ маіоръ его наказать согласно запискѣ: „25 ударовъ розгою . . . но не очень сильно . . . какъ другу!“¹⁾ Только что должно произойти это „дружеское“ воздѣйствіе, какъ вдругъ происходитъ шумъ во дворѣ, входитъ полицейскій и передаетъ телеграмму маіору Вердеру, извѣщающую объ убійствѣ банковскаго служителя Поха въ кабацѣ „Сломанный Крестъ“ и о похищеніи находившихся при немъ 15 тысячъ рублей. Благодаря общему переполоху забываютъ о „другѣ“ Транкелѣ, и онъ, приведя себя въ порядокъ, возвращается цѣлъ и невредимъ домой.

Черезъ два часа отправляются Ф. Іохаузенъ, судебный слѣдователь (слѣдственный приставъ) Керсторфъ, маіоръ Вердеръ и д-ръ Хаминъ на мѣсто иреступленія. Слѣдствіе выясняетъ, что Похъ убитъ посредствомъ шведскаго ножа, рукоятка котораго оставила вокругъ раны характерный слѣдъ; все добытое слѣдствіемъ говоритъ за то, что убійцею былъ вѣроятно незнакомецъ, ночевавшій въ другой комнатѣ: тамъ нашли согнутую кочергу, которою онъ, должно быть, взломалъ ставни у окна комнаты Поха, тамъ же на подоконникѣ видны слѣды²⁾. Противъ корчмаря или кого другого никакихъ уликъ

января 1876 г., т. е., по прошествіи 8 дней со дня кончины послѣдняго генераль-губернатора, эта должность была упразднена (Neue Dörptsche Ztg. № 21. 26 I 76).

1) Стр. 122: „Vingt-cinq coups de verge . . . mais pas trop dur . . . comme pour un ami!“ — Столь явное, какъ бы закономъ освѣщенное примѣненіе тѣлеснаго наказанія въ 1876 году является анахронизмомъ. Или Жюль Вернъ спуталъ болѣе раннюю эпоху съ 1876 годомъ, или же руководствовался онъ слухами о разоблаченіи сенаторскою ревизіею разнаго рода злоупотребленій въ Прибалтійскомъ краѣ.

2) Стр. 137, 281: „érafleures“ — царапины, которыя имѣлись и на стѣнѣ и которыя могли быть произведены сапогами выльзавшаго въ окно человѣка (стр. 137).

не оказалось; ножъ не былъ найденъ. Оставивъ въ кабацкѣ полицейскихъ для наблюденія за корчмаремъ и для охраненія всего помѣщенія, слѣдственная коммиссія вернулась въ Ригу съ неразрѣшеннымъ вопросомъ: кто былъ незнакомецъ, ѣхавшій и ночевавшій съ Похомъ? Этотъ вопросъ рѣшаетъ вернувшійся для подачи рапорта маіору Вердери о своихъ дѣйствіяхъ на рѣкѣ Перновѣ бригадиръ Экъ, узнавшій два дня тому назадъ, какъ мы уже знаемъ, въ кабацкѣ „Сломанный Крестъ“ незнакомца. Незнакомецъ былъ — учитель Николевъ. По тотчасъ же наведеннымъ справкамъ оказалось, что Николевъ, выѣхавъ изъ Риги 13-го апрѣля рано утромъ, до сихъ поръ еще не возвратился. Показаніе Эка мигомъ облетѣло Ригу, достигло на другой день молодого студента Юхаузена въ бывшемъ дерптскомъ университетѣ и послужило ему къ напесенію публичнаго оскорбленія сыну Николева.

Между тѣмъ вернувшійся въ Ригу Николевъ-отецъ былъ немедленно вызванъ Керсторфомъ къ допросу. Онъ подтвердилъ свое путешествіе съ Похомъ, свое пребываніе въ кабацкѣ „Сломанный Крестъ“, съ негодованіемъ отрицалъ причастность свою къ преступленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказался сообщить цѣль своего путешествія, что, разумѣется, не могло ослабить подозрѣніе. Все же, на основаніи его прежней жизни и почетнаго общественнаго положенія, его не арестуютъ.

Внезапный пріѣздъ студента Николева и рассказъ его о столкновеніи съ молодымъ Юхаузенемъ объяснили Илькѣ причину вызова отца къ судебному слѣдователю. Друзья дома, консулъ и докторъ, старались успокоить несчастныхъ дѣтей, а возвращеніе отца подавало какъ бы надежду на скорое прекращеніе всего дѣла. Но не такъ-то было въ дѣйствительности. Молчаніе Николева о цѣли путешествія продолжало удивлять и возбуждать политическихъ враговъ Николева, а одобреніе высшимъ начальствомъ осторожности и безпристрастія г-на Керсторфа еще болѣе возстановляло ихъ противъ Николева. Юхаузены и нѣмецкая партія всевозможными способами, не брезгая даже искусственнымъ возбужденіемъ толпы, старались принудить начальство въ заключенію Николева въ тюрьму. Д-ръ Хаминъ уговаривалъ Николева не выходить на улицу во избѣжаніе возможнаго насилія со стороны прохожихъ. Хотя крайне неохотно, все же согласился Николевъ исполнить желаніе друга и дѣтей, и цѣлыми часами сидѣлъ

одинокъ въ своемъ кабинетѣ. Обыскъ въ квартирѣ Николева не привелъ ни къ какимъ результатамъ.

Наступилъ день назначенныхъ Юхаузенами торжественныхъ похоронъ ихъ вѣрнаго служителя. Распространился слухъ, что при слѣдованіи печальнаго шествія мимо дома Николева толпа устроитъ ему уличную демонстрацію и даже разнесетъ его домъ. Вся полиція была на ногахъ съ полковникомъ Рагеновымъ и маіоромъ Вердеромъ во главѣ. Какъ ни старались дѣти и друзья Николева скрыть отъ него приближеніе шествія, но крики толпы побудили его выйти изъ кабинета. Увидавъ печальный кортѣжъ, онъ, несмотря на мольбы дѣтей, быстро распахнулъ окно и сталъ неподвижно смотрѣть на бушевавшую толпу. Шумъ, крики, проклятія по адресу убійцы усилились. Самые отчаянные бросились было къ входной двери Николевскаго дома и только съ большимъ трудомъ были отброшены полиціею. Полковникъ и маіоръ поняли, что для спасенія жизни Николева прійдется его арестовать. Снова бросилась толпа къ дому, но въ моментъ, когда казалось, что домъ будетъ взятъ приступомъ, раздалось громовое „остановитесь“, и человекъ, энергично пробиваясь сквозь толпу, быстро взбѣжалъ по ступенямъ и, заслонивъ собою входную дверь, отвѣтилъ на обращенные къ нему вопросы Юхаузена и Вердера: „Я — изгнанникъ, котораго Димитрій Николевъ хотѣлъ спасти цѣною своей чести, и который является спасти его цѣною своей жизни¹⁾!“ Это былъ Владимиръ Яновъ, таинственный бѣглецъ первыхъ двухъ главъ разсказа, сынъ покойнаго Михаила Янова, друга Димитрія Николева. Какимъ-то чудомъ спасшись отъ преслѣдованія Эка, Владимиръ Яновъ добрался до Пернова и оттуда далъ знать о себѣ Д. Николеву. Николевъ, вѣрный своему обѣщанію, данному умирающему отцу Владимира, взялъ хранимыя имъ 20 тысячъ рублей и, не сказавъ ни слова Илькѣ, отправился на свиданіе съ Владимиромъ. Уплативъ до Ревеля, онъ намѣренъ былъ остановиться въ Перновѣ. Путешествіе его увѣчалось успѣхомъ, и, вручивъ Владимиру наслѣдство отца, ждалъ отъ него условленнаго увѣдомленія изъ-за границы, по полученіи котораго онъ открылъ бы тайну своего

1) Стр. 246: „Je suis un proscrit que Dimitri Nicolef a voulu sauver au prix de son honneur, et qui vient le sauver au prix de sa vie!“

путешествія. Владимиръ, будучи принужденъ вслѣдствіе ледохода пробить пару дней въ Перновѣ, узналъ изъ газетъ о взведенномъ на Николева обвиненіи и рѣшился, жертвуя собою, спасти его 1).

Полковникъ Рагеновъ, взявъ честное слово съ Владимира Янова, что онъ никуда не скроется, донесъ обо всемъ генералъ-губернатору, который приказалъ немедленно арестовать Янова впредь до рѣшенія его судьбы въ Петербургѣ. По прошествіи какихъ-нибудь 10 дней, благодаря личному заступничеству генералъ-губернатора, пришло извѣстіе изъ Петербурга о Высочайшемъ помилованіи В. Янова.

Казалось, что по выясненіи цѣли путешествія Николева его оставятъ совершенно въ покоѣ. Но за ненахожденіемъ настоящаго убійцы Николевъ все же оставался подъ подозрѣніемъ. Слѣдствіе продолжалось, но явныхъ уликъ не было установлено ни противъ корчмаря, ни противъ кого-либо другого. Наконецъ было рѣшено произвести вторичный осмотръ всѣхъ помѣщеній кабака.

При весьма тщательномъ осмотрѣ неожиданно для всѣхъ былъ найденъ въ золѣ очага, находившагося въ комнатѣ, гдѣ ночевалъ Николевъ, запачканный кровью уголъ сожженнаго государственнаго кредитнаго билета. Эта находка, ускользнувшая отъ вниманія слѣдственной комиссіи при первомъ обыскѣ 2), поразила всѣхъ тѣмъ болѣе, что никто не могъ проникнуть въ комнату, такъ какъ ключи находились въ риж-

1) Бурная сцена передъ домомъ Николева не особенно подходитъ къ мирной Ригѣ 1876 года, какъ бы перенесена со стогновъ испытаннаго въ уличныхъ скандалахъ Парижа и принадлежитъ къ тѣмъ мѣстамъ разсказа, гдѣ Жюль Вернъ далъ полную волю своей фантазіи.

2) Интересно, что на вопросъ Николева, какъ объяснить, что при первомъ обыскѣ не замѣтили этого кусочка кредитнаго билета, г. Керсторфъ отвѣчаетъ: „Je ne l'explique pas, et je m'en étonne...“ (стр. 287). Такого рода отвѣтъ въ устахъ слѣдователя объясняется однимъ изъ недосмотровъ со стороны Жюля Верна. Оказывается, что и при первомъ осмотрѣ г. Керсторфъ намѣревался изслѣдовать золу (стр. 148: „L'intention du juge était de fouiller les cendres de l'âtre, pour s'assurer qu'elles ne contenaient rien de suspect“), но почему-то (быть можетъ, увлеченный находкою согнутой кочерги) забылъ исполнить свое намѣреніе, вслѣдствіе чего ненахожденіе куска билета при первомъ обыскѣ вполне объяснимо, и уже никакъ не г. Керсторфу слѣдовало удивляться этому обстоятельству.

ской канцеляріи полиціи, а комнаты сверхъ того днемъ и ночью охранялись дежурными полицейскими. Друзья Николева были ошеломлены, между тѣмъ какъ враги торжествовали, къ тому же послѣднія происшествія и даже царская милость¹⁾ по отношенію къ Янову были имъ не по вкусу и какъ бы требовали возмездія. Немедленный допросъ не заставилъ однако болѣзненнаго и ставшаго крайне нервнымъ Николева сознаться въ совершенномъ имъ яко бы убійствѣ. И на этотъ разъ судебный слѣдователь Керсторфъ не рѣшился его арестовать. Эта новая безрезультатность допроса, эта какъ бы новая по-блжка властей по отношенію къ Николеву не могла успокоить, по словамъ Жюля Верна, не только населеніе Риги, но и населеніе всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній. Весь ходъ слѣдствія показалъ, что убійцею можетъ быть или Николевъ или корчмарь. Противники Николева требовали его ареста, а болѣе умѣренные жители губерній находили нужнымъ, чтобы былъ арестованъ по крайней мѣрѣ корчмарь Кроффъ. Съ другой стороны городскіе выборы приближались, и такая нерѣшительность по отношенію къ Николеву крайне безиокоила нѣмецкую партію, такъ какъ „славянская“ партія продолжала энергично выставлять его своимъ кандидатомъ противъ Франка Іохаузена.

Семь дней прошло со дня второго допроса. Наступило 13-е мая. Остался всего одинъ день до истеченія срока уплаты 18 тысячъ рублей по векселю Николева. Іохаузену съ нетерпѣніемъ ждали этого срока. Они ясно сознавали, что уплатить 18 тыс. руб. сразу изъ доходовъ съ уроковъ Николевъ не въ состояннй; если же онъ внесетъ эту сумму въ срокъ, то, очевидно, онъ воспользуется украденными имъ деньгами, но въ обоихъ случаяхъ они его погубятъ: въ первомъ случаѣ описью всего его имущества, а во второмъ предъявленіемъ списка нумерамъ билетовъ, бывшихъ при Похѣ, нумерамъ, опубликованіе которыхъ Керсторфъ до поры до времени имъ не совѣтовалъ. Въ извѣстный срокъ Николевъ въ банкъ не явился. Іохаузену посылаютъ ему официальное увѣдомленіе. Это увѣдомленіе случайно попадаетъ въ руки Янова, свадьба котораго съ Илькою должна была состояться на дняхъ. По-

1) Стр. 268: „Chez la noblesse et la bourgeoisie, on blâma la clémence impériale qui, après Wladimir, semblait atteindre et couvrir Dimitri Nicolef.“

навъ весь ужасъ положенія Николева и обладая нужнымъ капиталомъ, онъ, не говоря ни слова Николеву, рѣшается уплатить за него долгъ. Тотчасъ же отправляется онъ въ банкъ. Гохаузены удивлены приходомъ Янова и еще болѣе его намѣреніемъ внести всю требуемую сумму. Все же они вынимаютъ снисокъ нумерамъ украденныхъ билетовъ, и къ ужасу Янова они совпадаютъ съ нумерами имъ принесенныхъ билетовъ. Ошеломленный этимъ извѣстіемъ, Яновъ спѣшитъ къ Николеву за разъясненіемъ. Происходитъ сильная сцена. Николевъ сначала не понимаетъ словъ Янова, онъ заявляетъ, что напрасно Яновъ лишилъ себя наслѣдства отца, что деньги, врученныя ему въ Перновѣ, его, Янова, деньги. Яновъ повторяетъ результатъ своего пребыванія въ банкѣ. Уразумѣвъ страшный смыслъ его сообщенія, Николевъ съ крикомъ отчаянія: „я погибъ . . . я погибъ!“ скрывается въ кабинетъ и черезъ минуту въ неистовствѣ выбѣгаетъ на улицу. Спустя нѣсколько минутъ явились нолицейскіе съ цѣлью арестовать Николева. Между тѣмъ какъ они обыскивали домъ, Владимиръ, Иванъ и Илья спустились на улицу, чтобы догнать отца. Добѣжавъ до старой границы города, они пошли по дорогѣ по направленію въ Перновъ, но уже въ 200 шагахъ отъ границы города Риги наткнулись они на тѣло мертваго Николева; возлѣ него лежалъ окровавленный ножъ. Окрестные крестьяне принесли его въ квартиру, гдѣ д-ръ Хаминъ установилъ причину смерти: Николевъ поразилъ себя такъ же, какъ былъ пораженъ Похъ, и ножъ оставилъ такой же слѣдъ вокругъ раны, какой былъ отмѣченъ въ протоколѣ вскрытія Поха по поводу его раны.

Этимъ закончилось дѣло Николева, о которомъ скоро и говорить перестали. Никто болѣе не сомнѣвался въ виновности Николева, покончившаго самоубійствомъ. Корчмаръ Кроффъ былъ освобожденъ отъ полицейскаго надзора, а на городскихъ выборахъ восторжествовала нѣмецкая партія ¹⁾.

1) Очевидно, что не было у Жюля Верна подъ рукою болѣе точныхъ источниковъ насчетъ истинныхъ причинъ побѣды нѣмецкой партіи, иначе онъ не поставилъ бы ея въ зависимость исключительно отъ катастрофы съ Николевымъ. Можно это, пожалуй, еще объяснить тѣмъ своеобразнымъ взглядомъ Жюля Верна на городскіе выборы въ Ригѣ, который онъ проявляетъ во многихъ мѣстахъ разсказа. Жюль Вернъ говоритъ преимущественно о кандидатурѣ въ город-

Двѣ послѣднія главы „На могилѣ“ и „Исповѣдь“ являются эпилогомъ къ разсказу. Онѣ даютъ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ дѣтей Николева, а также въ нихъ мы находимъ объясненіе убійства и имя настоящаго убійцы.

Послѣ страшной кончины Николева, оказавшейся равносильною признанію его убійцею Поха, Илька сочла своимъ долгомъ, какъ дочь убійцы, отказаться отъ предложенія Янова жениться на ней. Удрученный этимъ рѣшеніемъ, Яновъ все же надѣялся со временемъ достигнуть своей цѣли. Что касается Ивана, то онъ покинулъ навсегда университетъ, чтобы вмѣстѣ съ сестрою личнымъ, неустаннымъ трудомъ зарабатывать кусокъ хлѣба. Часть долга отца Гохаузенамъ надѣялись они покрыть деньгами, которыя они выручатъ отъ продажи оставшагося имущества; остальную же часть хотѣли они уплатить со временемъ.

Прошло такимъ образомъ четыре мѣсяца со дня смерти Николева. Вдругъ получаютъ Илька и Иванъ письмо отъ уважаемаго всѣми рижскаго священника Аксіева, приглашающее ихъ прійти на могилу отца. Такія же письма получили Яновъ и старый другъ дома д-ръ Хаминъ. Тутъ на могилѣ, соединивъ руки Янова и Ильки, священникъ объявляетъ имъ, что Николевъ невиненъ и не самоубійца. Убійцею Поха и Нико-

скіе головы Гохаузена и Николева и о вызванной этимъ соперничествомъ борьбѣ партій (стр. 48, 51, 61, 117, 118, 191, 224, 269, 294, 297, 314). Имѣя, повидимому, смутное представленіе о новомъ городскомъ положеніи, Жюль Вернь, какъ кажется, предполагалъ, что выборы городского головы должны были производиться всѣмъ населеніемъ и предшествовать выборамъ гласныхъ, вслѣдствіе чего побѣда того или другого кандидата, являвшагося такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ западно-европейскаго министра-президента, подбирающаго себѣ по своему усмотрѣнію своихъ коллегъ-министровъ, могла значительно повліять и на самый составъ будущихъ гласныхъ. Придерживаясь такого мнѣнія, вполнѣ, впрочемъ, противорѣчащаго настоящему положенію дѣлъ, Жюль Вернь, разумѣется, могъ поставить побѣду нѣмцевъ почти въ полную зависимость отъ неожиданнаго исхода дѣла Николева. — Результатъ первыхъ городскихъ выборовъ въ Ригѣ, состоявшихся не въ 1876, но въ 1878 году, былъ слѣдующій: въ число 72 гласныхъ были избраны: 35 купцовъ, 22 литерата, 13 ремесленниковъ и 2 лица, принадлежавшія къ другимъ сословіямъ; по національности состояли рижскіе гласные изъ 64 нѣмцевъ, 4 русскихъ, 2 латышей и 2 евреевъ (Neue Dörpt. Ztg. № 58, 10 III 78).

лева и похитителемъ 15 тысячъ рублей Гохаузеновъ былъ корчмарь Кроффъ, неоспоримымъ доказательствомъ чего служить исповѣдь умершаго Кроффа, записанная священникомъ по его просьбѣ и передъ смертью Кроффомъ собственноручно подписанная. Въ этой исповѣди довольно просто объясняется многое, что казалось даже Керсторфу и друзьямъ Николева необъяснимымъ. Кроффъ, рѣшивъ ограбить Поха, проникаетъ черезъ окно къ нему въ комнату; Похъ просыпается; тогда Кроффъ убиваетъ его; вмѣстѣ съ деньгами находитъ онъ въ портфѣлѣ списокъ нумерамъ билетовъ, на которомъ также значилось, что дубликатъ этого списка хранится въ банкѣ. За невозможностью безнаказанно воспользоваться этими 15 тысячами корчмарь Кроффъ хочетъ подсунуть ихъ Николеву, для чего и пробирается онъ неслышно въ его комнату; въ карманѣ Николева онъ случайно находитъ 20 тысячъ рублей, тоже кредитными билетами ¹⁾; тогда онъ подмѣниваетъ 15 тысячъ рублей украденными у Поха деньгами . . . ²⁾. Послѣ ухода Николева Кроффъ поставилъ въ его комнату кочергу, а незадолго до второго осмотра бросилъ съ крыши черезъ трубу уголь сожженного имъ же государственнаго кредитнаго билета. Вслѣдствіе упорнаго несознанія Николева Кроффъ, боясь, что его самого могутъ арестовать, рѣшилъ и съ Николевымъ покончить, такъ какъ убійство могло въ данномъ случаѣ сойти за самоубійство.

Такимъ образомъ честь Николева была восстановлена, а Владимиру Янову были возвращены принадлежавшія ему деньги, которыя почти полностью были найдены въ указанномъ Кроффомъ мѣстѣ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ ходъ дѣйствія „драмы въ Ливоніи“. Даже изъ этого бѣглаго, сжатаго пересказа можно заключить о положительныхъ качествахъ оригинала. И правда, всѣ 340 страницъ новаго произведенія Жюль Верна можно прочесть въ одинъ присѣсть: настолько отличаются онѣ обыч-

1) Стр. 55, 336, 337. Немного странное совпаденіе! Было бы естественнѣе, если деньги Янова были бы переданы Николеву въ видѣ процентныхъ бумагъ.

2) Непробужденіе Николева во время довольно долгаго пребыванія Кроффа въ его комнатѣ кажется мнѣ болѣе всего необыкновенно счастливою случайностью.

ной автору живостью, легкостью повѣствованія, настолько онѣ пропитаны ни на минуту не ослабѣвающимъ интересомъ и полны мѣстами просто захватывающаго драматизма. Характеристика отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ весьма интересна и тщательна. Жюль Вернъ любилъ передѣлывать свои эпическія произведенія въ драматическія; въ послѣдніе годы своей жизни, онъ, говорятъ ¹⁾, усиленно занимался этимъ. Если бы „драма въ Ливоніи“ перешла на сцену, то она имѣла бы большой сценической успѣхъ. Чуждое преобладанію любовной интриги, произведеніе Жюля Верна основано преимущественно на политической борьбѣ партій и касается новѣйшей эпохи Прибалтійскаго края, эпохи преобразованій, долженствовавшихъ сблизить и со временемъ окончательно соединить этотъ край съ основною Россією. Если не ошибаюсь, Ж. В. первый беллетристъ, вложившій эту эпоху съ ея свѣтлыми и темными сторонами въ рамки изящной литературы. Интересно также, что ею занялся иностранецъ, совершенно въ сторонѣ стоящій отъ порожденной ею борьбы партій. Правда, Жюль Вернъ касается начала этой эпохи, и для лицъ, близко знакомыхъ съ обстоятельствами, покажется, быть можетъ, странною и не соответствующею истинѣ слишкомъ уже острая и явная враждебность представителей партій ²⁾; но съ одной стороны,

1) „Рижскія Вѣдомости“, № 360, 14 III 905.

2) Въ началѣ разсказа Жюль Вернъ замѣчаетъ, что борьба по поводу городскихъ выборовъ „serait chaude, surtout à Riga, où les races étaient plus directement en contact“ (стр. 60, 61). Это мнѣніе подтверждается современными газетными сообщеніями. Согласно извѣстіямъ рижскихъ газетъ къ началу октября 1877 года вполне выяснилось, что въ Ригѣ въ выборной борьбѣ паролемъ будетъ: „Борьба національностей и расъ“ — „Kampf der Nationalitäten und Rassen!“ (разрядка принадлежитъ газетѣ). „Das ist die trübe und leider doch so klare Signatur des in Riga bevorstehenden ersten Wahlganges oder, sagen wir lieber, Wahlstreites.“ Отмѣчается союзъ — „Coalition“ — русскихъ и латышей противъ нѣмцевъ. („Neue Dörpt. Ztg.“ № 236. 12 X 77). Въ другомъ мѣстѣ та же газета сомнѣвается въ ослабленіи національной розни, что „der Wahlboden Riga's schon zu tief von nationalen Gegensätzen durchfurcht und durchwühlt ist, um denselben zum Wahlgange selbst

беллетристъ беретъ необходимое и претворяетъ его по своему усмотрѣнiю для созданiя не историческаго трактата, а художественнаго произведенiя; съ другой стороны, первая рана вызываетъ часто болѣе острую боль¹⁾, чѣмъ послѣдующiя; наконецъ,

mehr als nur scheinbar ebnen zu können“ („Neue Dörpt. Ztg.“ № 238, 14 X 77.) Образовались нѣмецкiй, русскiй и латышскiй избирательные комитеты. Положенiе дѣлъ въ Ригѣ и съ наступленiемъ новаго года не улучшилось: „In Riga dauert der Wahlkampf in unverminderter Heftigkeit“, партii агитируютъ въ свою пользу всевозможными средствами и возбужденiе достигло „eine unerfreuliche Höhe“ („Neue Dörpt. Ztg.“ № 25, 30 I 78). Одна латышская газета и послѣ первой побѣды нѣмцевъ среди 3-го класса избирателей продолжала стоять за продолженiе борьбы „wenn auch nur um „mit Ehren“ zu unterliegen“ („Neue Dörpt. Ztg.“ № 44, 21 II 78). Въ каждой борьбѣ сильнѣйшая партiя одерживаетъ верхъ. Результаты выборной борьбы въ Ригѣ извѣстены: изъ 72 гласныхъ оказались 64 нѣмцами („Neue Dörpt. Ztg.“ № 58, 10 III 78). По окончанiи выборовъ „Neue Dörpt. Ztg.“ за 1878 г. (№ 67) пишетъ относительно Риги: „Die Wahlen sind beendet, noch aber hat sich die Wahiaufregung und der aus ihr hervorgewucherte scharfe Gegensatz der Nationalitäten (разрядка введена газетою) nicht gelegt.“ — Въ № 81 той же газеты сообщено, что на должность рижскаго городского головы избранъ г. Бюнгнеръ большинствомъ 60 голосовъ. Б. былъ однимъ изъ Bürgermeister'овъ при прежнемъ режимѣ.

1) Что введенiе новаго городского положенiя, какъ первая крупная реформа, сильно-обезпокоило и очень возбудило населенiе Прибалтiйскаго края, это не подлежитъ сомнѣнiю. Уже въ 1870 году, когда только намѣчалась эта реформа, порождаетъ она разныя опасенiя. Такъ одинъ изъ юрьевскихъ театральныхъ рецензентовъ, упомянувъ о Ригѣ, пишетъ между прочимъ: „... nicht allein die sichtbaren Mauern sind gefallen, die unsichtbaren Schranken sind dahin, die Privilegien, die Gilden, die Zünfte, die Bruderschaft und Bürgerstolz, was gelten sie noch dem heutigen Geschlecht? Wir spielen und sehen im Parktheater Komödie und bleiben in Erwartung der neuen Städteordnung.“ („Dörptsche Ztg.“ за 1870 годъ, № 178). А въ 1877 году вотъ что пишетъ другая юрьевская газета: „Wohl nie zuvor ist eine Frage so tief in das innere Leben unserer Provinzen eingedrungen, wohl nie hat eine Frage so gewaltig unser öffentliches politisches und sociales Bewusstsein aufgerüttelt und erregt, als die nunmehr unmittelbar bevorstehende Einführung der neuen Stadtverfassung. Noch gähnt uns aus dieser neuen Institution ein Gewirr verschiedenartigster Anschauungen und Beurtheilungen, Hoffnungen und Befürchtungen entgegen und nur nach wenigen Richtungen hin beginnen sich feste Gebilde zu krystallisiren...“ („Neue Dörpt. Ztg.“ № 236, 12 X 77).

что касается Жюля Верна, то весьма правдоподобно, что, выпустивъ свой разсказъ въ 1904 году, онъ многое, выдуманное уже позднѣйшими, болѣе энергичными мѣрами, отнесъ къ первоначальному проявленію „руссификаціи“. Во всякомъ случаѣ въ разсказѣ идетъ рѣчь только о предстоящемъ городскомъ преобразованіи ¹⁾, о какихъ-либо другихъ реформахъ или ничего не говорится или же имѣются легкіе намеки ²⁾.

О полной руссификаціи очень характерны замѣчанія автора; говоря о побѣдѣ, одержанной нѣмецкою партіею при городскихъ выборахъ, Жюль Вернъ прибавляетъ: „антагонизмъ рано ли, поздно ли, а все-таки долженъ возобновиться, и руссификація кончитъ тѣмъ, что будетъ осуществлена подъ вліяніемъ правительства“ ³⁾; въ другомъ мѣстѣ говоритъ французскій консулъ: „въ борьбѣ между русскими славянскаго происхожденія

1) Это имѣетъ свое основаніе также въ томъ, что, какъ уже выше было указано, только городская реформа была окончательно рѣшена въ 1876 году.

2) Такъ, напр., имѣются общія выраженія: „la russification de l'administration des provinces Baltiques“ (стр. 27), „à russifier graduellement l'administration des provinces“ (стр. 30), „les places... on pourra les leur (т. е. нѣмцамъ) enlever“ (стр. 47), „les vieilles coutumes s'en iront par l'aval, et les idées nouvelles viendront par l'amont“ (стр. 51), „le mouvement antigermanique“ (стр. 58), „tendances antigermaniques“ (стр. 268). — О судебной реформѣ вовсе не упоминается; даже нѣтъ намековъ на недостатки тогдашнихъ судебныхъ порядковъ. Только полицейскій Экъ выражаетъ свое неудовольствіе по поводу отмѣны смертной казни за обыкновенныя уголовныя преступленія. Впрочемъ, по мнѣнію Жюля Верна, перспектива ссылки въ Сибирь необнаруженного убійцы Поха не особенно удовлетворяла и возбужденное преступленіемъ населеніе Риги: многіе жалѣли не только объ отмѣнѣ смертной казни, но и объ уничтоженіи жестокихъ пытокъ, предшествовавшихъ ей въ былое время (стр. 177, 178). — О замѣнѣ нѣмецкаго языка русскимъ не говорится, хотя у Реклю имѣются соотвѣтствующія сообщенія. — Объ университетской реформѣ мы встрѣчаемъ только намекъ (стр. 165), и то съ оговоркою, что она возможна, если университетъ сдѣлается „le centre d'une agitation contre le mouvement panslaviste.“

3) Стр. 314: „... l'antagonisme devait reprendre tôt ou tard, et la russification finirait pas s'opérer sous l'influence du gouvernement“.

и русскими нѣмецкаго происхожденія трудно сказать, кто одержитъ верхъ“ 1).

Симпатіи автора замѣтно на сторонѣ русскихъ 2) съ ихъ союзниками латышами и эстами. Почти все русскіе 3) —

1) Стр. 47: „Dans une lutte entre les Russes d'origine slave et les Russes d'origine allemande, je ne sais trop, qui l'emportera.“ — Согласно Реклю и Жюль Вернь сообщаетъ, что „idée de russifier“ Прибалтійскій край возникла сто лѣтъ тому назадъ при Екатеринѣ II (стр. 51). Какъ причины этой „reformе toute nationale“ приводятся: 1) плачевное положеніе народа (стр. 112: „ces Lettons . . . n'étant plus des serfs, mais le plus souvent traités comme tels“ и на слѣдующей страницѣ: „On s'explique donc que le souverain de la Russie ait la pensée de modifier ce déplorable état de choses, que son gouvernement cherche à introduire l'élément slave dans les assemblées et les administrations municipales“), 2) желаніе ослабить чрезмѣрное политическое вліяніе нѣмцевъ (на стр. 46-й д-ръ Хаминъ говоритъ: „N'est-ce pas une anomalie inacceptable que des Germains aient la direction politique de nos provinces“, и на стр. 47: „Laissons faire l'Empereur . . . c'est un Slave de pure race, lui, et il saura bien réduire l'élément étranger dans nos provinces.“ На стр. 48-й Илька высказываетъ пожеланіе, чтобы „slaves“ побѣдили и „qu'ils soient les maîtres dans leur pays“). Что реформы будутъ вводиться постепенно, говорится тоже въ рассказѣ: ср. стр. 27, 30, 46, 52.

2) Рядомъ съ этимъ необходимо отмѣтить и то русское, къ чему Жюль Вернь относится отрицательно: не симпатизируетъ, очевидно, авторъ поводу, послужившему къ аресту и къ ссылкѣ Владимира Янова, а также отчасти не пользуются расположеніемъ автора „ . . . administration moscovite“ (стр. 54) и „fonctionnaire moscovite“, „fonctionnaire en Russie“, который „est soumis à cet impérieux règlement du Tchîn“ (стр. 256, 111). Кромѣ этого интересны нѣкоторыя отмѣтки Жюля Верна: говоря о томъ, что уроки мало способствуютъ увеличенію богатства, Ж. В. прибавляетъ: „en Russie moins qu'ailleurs“ (стр. 45), а упоминая о тѣлесномъ наказаніи, практикуемомъ въ Прибалтійскомъ краѣ, онъ замѣчаетъ: „et, sans doute, en mainte autre province de l'empire moscovite“ (стр. 111).

3) Изъ изложенія содержанія „драмы“ вполне выяснены свѣтлыя личности Николева, Янова, Ильки, Ивана, доктора. Судя по иллюстраціямъ, приложеннымъ къ рассказу, Николевъ и Яновъ носятъ бороды и высокіе сапоги; только одинъ разъ изображенъ Яновъ не въ высокіхъ сапогахъ. Между фигурирующими въ рассказѣ чиновными лицами Ж. В. выставляетъ генерала Горко, „gouverneur des provinces Balfiques“, человѣкомъ умнымъ, работающимъ согласно высшимъ предписаніямъ на пользу славянскаго населенія, крайне осторожнымъ въ сношеніяхъ съ нѣмцами, избѣгающимъ всякихъ грубыхъ мѣръ и столкновеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ

хорошіе люди, за исключеніемъ православнаго Кроффа, но и о немъ въ двухъ мѣстахъ говорится, что онъ нѣмецкаго происхожденія ¹⁾ и только въ одномъ почему-то отмѣчено, что онъ славянскаго происхожденія ²⁾. Между нѣмцами же, появляющимися въ рассказѣ, только судебный слѣдователь Керсторфъ — человекъ крайне симпатичный и безпристрастный ³⁾. Признавая за Гохаузенемъ съ одной сто-

твердымъ и справедливымъ (стр. 30, 115, 116, 225, 226). Въ лицѣ ген. Горко, быть можетъ, изображенъ послѣдній генераль-губернаторъ князь Багратионъ, скончавшійся 17 января 1876 года („Neue Dörpt. Ztg.“ № 15, 19 I 76). Князь Багратионъ отличался, по словамъ „Голоса“, „разумною и миротворною дѣятельностью“ и подготовилъ между прочимъ почву для введенія новаго городского положенія („Neue Dörpt. Ztg.“ № 19, 23 I 76). По мнѣнію нѣм. газ. „Rig. Tgbi.“, князь оставилъ по себѣ „ein freundliches Andenken“ („Nordlivländische Ztg.“ № 22, 27 I 901). — Что касается полковника Рагенова, то его съ трудомъ сдерживалъ ген. Горко; онъ былъ „slave de naissance“, „un Russe à tous crins“, важный чиновникъ, но менѣе ловкій, чѣмъ ген. Горко; онъ видѣлъ врага во всякомъ лифляндцѣ, эстляндцѣ и курляндцѣ и отличался отвагою и рѣшимостью (стр. 30, 116). — Латышами или эстами являются мельникъ въ началѣ разсказа, банковскій служитель Похъ, кондукторъ Броксъ и лакей Транкель; кто изъ нихъ латышь, кто эстъ — въ рассказѣ не обозначено. Всѣ они тоже симпатичны, и только Транкель отличается нѣкоторымъ нерадѣніемъ при исполненіи своихъ обязанностей.

1) Стр. 272 и 294.

2) Стр. 88. Судя по всему ходу разсказа, это, очевидно, недосмотръ со стороны автора: возможно, что Ж. В. желалъ въ началѣ представить К. человекомъ славянскаго происхожденія, но потомъ, въ интересахъ фабулы, измѣнилъ свое намѣреніе и забылъ ввести это измѣненіе на стр. 88-й.

3) Стр. 126. Какъ слѣдователь онъ былъ по достоинству оцѣненъ и товарищами и обществомъ, удивлялись его прозорливости и остроумію, нельзя было произвести на него давленія, и на его рѣшенія политика не имѣла никакого вліянія. К. былъ олицетворенный законъ. Мало общительный, крайне сдержанный, „il ne parlait guère et réfléchissait beaucoup“. По замѣчанію Жюля Верна „seul le juge Kerstorf était dégagé de ces passions de races qui fermentaient alors dans les provinces Baltiques“. Генераль Горко вполне довѣряетъ ему: „on peut avoir confiance dans le juge Kerstorf chargé de l'instruction. C'est un magistrat indépendant, intègre, qui n'écoute que sa conscience et ne subira point d'influences politiques“ (стр. 228). Веденіе нмъ слѣдствія, отношенія его къ Николеву, не-

роны крайнюю точность, аккуратность, прекрасное знаніе своего дѣла, нѣжную любовь къ семейству, авторъ рисуетъ его съ другой стороны безошаднымъ, злымъ, мстительнымъ человѣкомъ¹⁾, не жалѣющимъ средствъ для достиженія гибели своего врага²⁾. Весьма характерна вся сцена его съ Яновымъ при взносѣ этимъ послѣднимъ 18 тысячъ рублей³⁾. Здѣсь между прочимъ сообщается, что, получивъ деньги, Ф. Юхаузенъ поблѣднѣлъ и судорожно сталъ считать ихъ. „Вдругъ взглядъ его оживляется. Дикая радость озаряетъ его лицо и голосомъ, полнымъ ненависти онъ восклицаетъ: „Эти билеты, г. Яновъ, тѣ самые, которые были украдены⁴⁾!“ — Насколько иолковникъ Рагеновъ въ дѣлѣ обвиненія Николева старается держаться безпристрастной точки зрѣнія и доискивается болѣе ясныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ, настолько предубѣжденъ маіоръ Вердеръ противъ Николева, какъ человѣка русскаго, и исполнѣ довольствуется для полнаго осужденія его уже добытыми слѣдствіемъ свѣдѣніями⁵⁾. Характерно его присутствіе при первомъ допросѣ, когда Керсторфъ официально заарештауетъ

обращеніе имъ вниманія на искусственное возбужденіе умовъ, на политическія соображенія своихъ единоплеменниковъ исполнѣ подтверждаютъ эту характеристику.

1) Стр. 58, 118, 192, 235, 241, 259, 271.

2) Стр. 237, 294. — Какъ политическій дѣятель, Фр. Юхаузенъ съ замѣчательною, неукротимую настойчивостью отстаивалъ привилегіи своего сословія (les privilèges de sa caste), вельдствіе чего его сограждане удивлялись ему и прославляли его какъ истиннаго представителя тѣхъ идей, которыхъ придерживались высшіе классы населенія со времени покоренія края.

3) Стр. 302—307.

4) Стр. 303: „Frank Johausen était devenu pâle . . . Sa main tremblait en froissant les billets de banque. Soudain ses yeux s'animent. Une joie féroce brille sur son visage, et c'est d'une voix impregnée de haine qu'il s'écrie: „Ce sont là, monsieur Yanof, des billets qui ont été volés . . .“

5) Стр. 260—262. Ихъ разговоръ кончается довольно комично, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно характерно: не будучи въ состояніи разубѣдить Вердера, полковникъ отвѣчаетъ на заключеніе Вердера о виновности Николева: „Et moi je conclus . . . que les Allemands sont toujours des Allemands . . .“, на что маіоръ въ свою очередь возражаетъ: „Comme les Slaves sont toujours des Slaves“.

ему, наконецъ, вмѣшиваться въ допросъ и дѣлать свои неумѣстные замѣчанія ¹⁾. Интересенъ возгласъ, вырвавшійся изъ устъ майора по поводу наказанія Транкеля: онъ поручаетъ высѣчь Транкеля какъ друга и восклицаетъ при этомъ: „Ah! si c'était un Slave!“ — „Ахъ, если бы это былъ славянинъ!“ ²⁾ — Правою рукою Вердера былъ полицейскій Экъ: „этого“, по мнѣнiю Жюль Верна, „не нужно было понуждать къ исполненiю своего долга . . . и даже большаго, когда дѣло касалось преслѣдованiя славянина ³⁾).

Такой же контрастъ встрѣчаемъ мы и въ молодомъ поколѣнiи: смѣлому, но мстительному и сварливому студенту Карлу Гохаузену противопоставляется серьезный, разсудительный, обладающiй развитымъ въ высшей степени чувствомъ долга молодой Иванъ Николевъ ⁴⁾.

По случаю внезапнаго появленiя Вл. Янова Жюль Вернъ замѣчаетъ: „Было бы заблужденiемъ предполагать, что внезапное и неожиданное вмѣшательство В. Янова объявило всѣмъ невинность Д. Николева. Въ городѣ Ригѣ, столь обуреваемомъ германизмомъ, не могло этого случиться. Въ особенности высшiе классы не переносили, чтобы этотъ учитель, этотъ представитель славянскихъ интересовъ былъ освобожденъ отъ

1) Стр. 204, 205, 206, 208, 218, 220, 221.

2) Стр. 122.

3) Стр. 117. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 27) говоритъ авторъ: „Eck, très enclln dans ses fonctions à moins de sévérité envers ses concitoyens de même race qu'envers les Russes de la Livonie“. Признавая въ Экѣ большую способность къ сыску уголовныхъ преступниковъ, Жюль Вернъ замѣчаетъ: „il y déployait d'autant plus d'énergie et de dextérité qu'il s'agissait de reprendre un évadé de Sibérie, livonien moscovite d'origine.“

4) Стр. 155 и 159. Даже по внѣшности былъ Николевъ симпатичнѣе Гохаузена (стр. 155, 159; 44, 45). — На стр. 155 говоритъ Жюль Вернъ: „Il (Карлъ Гохаузенъ) exerçait, par son nom et sa situation (т. е. своимъ внѣшнимъ положенiемъ, какъ сынъ влiятельнаго банкира) une sérieuse influence sur ses camarades“; напротивъ того, Иванъ Николевъ, не обладая богатствомъ, влiялъ на товарищей своими внутренними качествами. Карлъ стоялъ за преобладанiе нѣмцевъ (стр. 154), а Иванъ съ воодушевленiемъ защищалъ славянскiя идеи (стр. 159).

возбужденнаго противъ него обвиненія. Журналы этой партіи съ своею отмѣнною недобросовѣстностью не упустили случая дѣлать оговорки“ 1).

Въ разныхъ мѣстахъ 2) своего разсказа Жюль Вернь главнымъ козыремъ въ рукахъ нѣмцевъ считаетъ ихъ матеріальное благосостояніе. Да уже одно то обстоятельство, что авторъ противопоставляетъ честному, но сравнительно бѣдному учителю богатаго банкира говорить за то, что важнѣе политической является экономическая борьба. Потому весьма знаменательны слова французскаго консула: „Мѣсть-то можно ихъ (т. е. нѣмцевъ) будетъ лишить . . . но что касается земель, то это трудно, чтобы не сказать невозможно 3).“

Какъ уже было раньше сказано, Жюль Вернь почерпаетъ свои свѣдѣнія о Прибалтійскомъ краѣ главнымъ образомъ изъ географіи Реклю, но все же встрѣчаются у него нѣкоторыя отступленія, нѣкоторыя поэтическія вольности. Такъ, на примѣръ, встрѣчаются своеобразныя названія: „Watzjero“ 4) вмѣсто „Virz-järv“; „Fallen“ 5) вмѣсто „Fellin“; „Balliski“ 6) вмѣсто „Baltiyskiy-Port“; — Жюль Вернь говоритъ о существованіи таможи на границѣ Лифляндской губерніи вдоль Чудскаго озера 7), объ отсутствіи желѣзной дороги между Ригою и Петербургомъ 8), а также

1) Стр. 258 и 259: „... ce serait une erreur de croire que cette subite et inattendue intervention de Wladimir Yanof eût proclamé pour tous les esprits l'innocence de Dimitri Nicolof. Dans cette ville de Riga, si infestée de germanisme, il ne pouvait en être ainsi. Les hautes classes, principalement, ne supportaient pas que ce professeur, ce représentant des intérêts slaves, fût quitte de l'accusation portée contre lui. Les journaux du parti ne laissèrent pas de faire des réserves avec leur insigne mauvaise foi.“

2) Стр. 46, 47, 294.

3) Стр. 47.

4) Стр. 13, 15.

5) Стр. 30, 38.

6) Стр. 29.

7) Стр. 9, 10.

8) Стр. 64. Соединеніе съ Петербургомъ черезъ Двинскъ существовало съ 60-хъ годовъ.

между Ригю и Митавою ¹⁾, о телѣгѣ „la télègue, — un chariot bas sans clous, sans ferrures, dont les différentes pièces sont jointes par des cordes“ ²⁾, употребляемой на почтовыхъ станціяхъ, напр., между Ригю и Перновомъ для передвиженія пассажировъ ³⁾ и т. п.

Изъ бытовыхъ особенностей интересно отмѣтить здѣсь разсужденія автора о необычайной вѣрности жениха и невесты, доходящей до того, что они ждутъ другъ друга не годами, но даже десятками лѣтъ, и какъ одну изъ главныхъ причинъ этого Жюль Вернъ приводитъ желаніе жениха и невесты возможно лучше обставить будущую семью въ матеріальномъ отношеніи ⁴⁾. Такъ банковскій служитель Похъ собирается

1) Стр. 64. По крайней мѣрѣ не упоминаетъ Ж. В. о ней. Начали ходить поѣзда во второй половинѣ 60-хъ годовъ.

2) Стр. 64. 65: „... низкая, безъ гвоздей, безъ оковки, различныя части которой были соединены между собою веревками“.

3) Стр. 64: „télègue... à la disposition des touristes.“ На стр. 203 сообщаетъ Николевъ, что онъ возвратился въ Ригу въ телѣгѣ: „J'étais en télègue“.

4) Стр. 55: „On le sait, si la fidélité devait jamais être bannie de ce bas monde, c'est en Livonie qu'elle aurait trouvé son dernier refuge. Là se rencontrent encore ces étonnants fiancés qui ne s'épousent qu'après vingt ou vingt-cinq ans d'une cour assidue. Et, le plus souvent, s'ils attendent pour s'unir, c'est que leur position n'est pas suffisamment faite, et il convient qu'elle le soit.“ Довольно часто случается, что помолвка отстоитъ отъ свадьбы на годъ и даже на нѣсколько лѣтъ, но чтобы промежутки эти доходили до „20—25“ лѣтъ — это чрезчуръ фантастично или, по крайней мѣрѣ, большая, очень большая рѣдкость. Что касается желанія еще до свадьбы возможно лучше устроиться въ матеріальномъ отношеніи, то нѣкоторое подтвержденіе этого мнѣнія относительно нѣмцевъ имѣется, какъ мнѣ кажется, въ научномъ трудѣ проф. Körber'a: „Die Stadt Dorpat (Jurjew) in statistischer und hygienischer Beziehung. Jurjew (Dorpat) 1902.“ Здѣсь, на стр. 88-й напечатано: „Der Deutsche entschliesst sich zur Eingehung einer Ehe erst spät und seltener als der Este, nachdem es ihm gelungen ein sicheres und reichliches Auskommen für sich und seine Familie zu sichern.“ — Но и при отсутствіи матеріальнаго вопроса, при наличности другого внѣшняго затрудненія остаются, по мнѣнію Жюль Верна, особенно въ Лифляндіи, женихъ и невеста другъ другу вѣрны (потверждаетъ онъ это отношеніями между Владимиромъ Яновымъ и Илькой Николевой, оставшимися другъ другу вѣрными и послѣ ссылки перваго). Вотъ

бракосочетаться съ своею невѣстою по прошествіи 25 лѣтъ, дождавнись при нѣкоторой состоятельности невѣсты и для себя 500-рублеваго годового оклада: „Nous voilà donc riches, riches à notre façon“ — „ну вотъ мы богаты, богаты по-своему“ 1). — Далѣе во многихъ мѣстахъ разсказа авторъ отмѣчаетъ большое распространеніе преступленій въ Лифляндской губерніи 2),

почему Жюль Вернь на стр. 56-й называетъ Лифляндію „pays des «âmes soeurs»“ — „краемъ «родственныхъ душъ»“, которыя, не соединившись по волѣ Божіей на этомъ свѣтѣ, сливаются въ вѣчности: „Ce pays n'était-il pas celui des «âmes soeurs»? . . . Ces âmes, trop souvent, ne parviennent pas à se joindre sur la terre, si Dieu n'est pitoyable à leur amour, et, sans jamais se détacher l'une de l'autre, elles se confondent dans l'éternité quand elles n'ont pu s'unir en ce monde.“

1) Стр. 76. — Разсказывая о себѣ Похъ обобщаетъ дѣло и восклицаетъ: „Est-ce que dans notre Livonie, ça ne se passe pas le plus souvent ainsi (т. е, женихъ и невѣста приобрѣтаютъ себѣ сперва въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ средства, а потомъ уже сочетаются бракомъ) pour les pauvres gens?“ (стр. 75). Это обобщеніе не сходится съ мнѣніемъ проф. Körber'a (I. с. стр. 88) относительно эстовъ: „Die Deutschen sind wohlhabend, die meisten Esten unbemittelt. Aus diesem Grunde sucht sich der erwachsene Este möglichst bald eine unentgeltliche Arbeitskraft und findet dieselbe in seiner Frau, er heirathet verhältnissmässig früh und ausgiebig im Vergleich mit dem Deutschen. Aus demselben Grunde muss er sich nach dem Tode seiner Frau zur Eingehung einer 2. Ehe entschlessen, denn sonst würden seine Kinder verkommen, sein Hausstand verfallen. Eine Wirthschafterin zu halten reichen aber die Mittel nicht aus.“ — Интересно еще привести одно мѣсто изъ разсказа, гдѣ Жюль Вернь сообщаетъ, что иногда латышей насильно женятъ, если дѣло касается увеличенія числа семействъ, господа которыхъ имѣютъ право требовать поземельный налогъ — „ces Lettons . . . parfois mariés malgré eux, lorsqu'il s'agit d'accroître le nombre des familles dont les seigneurs ont le droit d'exiger une redevance“ (стр. 112, 113).

2) Стр. 90, 93, 127, 185, 260. Это подтверждается отчасти и мѣстными газетными извѣстіями. Такъ напр. „Neue Dörpt. Ztg.“ за 1878 годъ на основаніи официальныхъ данныхъ пишетъ: „Hat im allgemeinen die Zahl der Verbrechen auch bei uns im Lande zugenommen“. Приводятся только цифры, касающіяся юрьевского уѣзда: въ 1876 году было отмѣчено преступленій и проступковъ — 409, а въ 1877 году — 368; однихъ случаевъ конокрадства было въ 1876 году — 109, а въ 1877 г. — 73 (№ 36). Въ 1877 году въ Ригѣ въ виду частыхъ грабежей и убійствъ были усилены ночные патрули солдатами мѣстнаго гарнизона. („Neue Dörpt. Ztg.“ № 282, 5 XII 77, со словъ рижскаго корреспондента газеты „Голосъ“). Въ

вслѣдствіе чего путешествія довольно-таки опасны, и, правда, устами полицейскаго Эка, высказываетъ мысль, что въ странѣ стало бы спокойнѣе, если корчмарями были бы полицейскіе 1). — Жюль Вернъ также сообщаетъ, что чай, „московскій напитокъ“ — „boisson moscovite“ — употребляется даже бѣдными людьми 2); въ другомъ мѣстѣ говорится: „неизмѣнный чай течетъ въ такомъ изобиліи, что его достаточно было бы, чтобы образовать цѣлую рѣку Балтійскихъ провинцій 3)“. Рядомъ съ этимъ интересно, что Жюль Вернъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о пивѣ 4), объ этой „стихіи нѣмцевъ“ — „Element der Deutschen“, какъ выразился, если не ошибаюсь, одинъ путешественникъ, посѣтившій городъ Юрьевъ въ началѣ XIX вѣка. — Почему-то различаетъ Жюль Вернъ „schnaps“ и „vodka“ 5). — Бѣдственное положеніе крестьянъ, „malheureux moujiks“, не забыто авторомъ 6). — Религіозный вопросъ вовсе не затрогивается въ разсказѣ 7).

№ 61 той же газеты за 1878 годъ по поводу сообщенія объ одномъ грабежѣ, совершенномъ въ 13 верстахъ отъ Риги говорится: „In Riga lassen leider noch immer Raubüberfälle und andere schwere Verbrechen die öffentliche Sicherheit arg bedroht erscheinen.“

1) Стр. 94. — На стр. 93-й онъ считаетъ отмѣну смертной казни причиною увеличенія уголовныхъ преступленій.

2) Стр. 60. — По словамъ Ж. В. богатые пьютъ даже чай, стоящій „cent soixante francs la livre“.

3) Стр. 80: „l'invariable thé, lequel coule si abondamment qu'il suffirait à alimenter tout un fleuve des provinces Baltiques.“ Больше всего замѣчательно, что этотъ „invariable thé“ является, не считая водки, исключительнымъ напиткомъ въ корчмахъ и на постоялыхъ дворахъ при почтовыхъ станціяхъ Прибалтійскаго края!

4) Такой промахъ со стороны Жюля Верна трудно объяснить. Въ Ригѣ въ 1900 году имѣлось 11 пивоваренныхъ заводовъ, 13 пивныхъ складовъ и около 260 пивныхъ лавокъ (Richter's Baltische Verkehrs- u. Adressbücher. I Band. Livland. Riga. 1900. 3. Abth. S. 8 und 9). И въ 1876 году всего этого было, должно быть не мало! Если въ Юрьевѣ въ 1867 году было 5 пивоваренныхъ заводовъ (Neuer Dorpater Kalender f. d. J. 1867. S. 46), то въ Ригѣ въ 1876 году во всякомъ случаѣ было ихъ не меньше.

5) Стр. 90, 107.

6) Стр. 79, 112, 113. — Основываясь на общемъ описаніи крестьянства у Реклю (ср. Реклю т. V, стр. 376 и 377), кончающемся восклицаніемъ: „Dans aucune partie de l'empire le paysan n'a une

Перехожу теперь къ той главѣ разсказа, которая касается города Юрьева и бывшаго дерптскаго университета. Этотъ отдѣлъ разсказа озаглавленъ „A l'université de Dorpat“ ¹⁾ и

moindre part à la propriété!“ Жюль Вернь уже по-своему разрисовываетъ нѣкоторыя подробности: онъ разсказываетъ о попадавшихся путешественникамъ по дорогѣ въ Ревель ничтожныхъ деревушкахъ (misérables hameaux) съ скверными избенками (cabutes de raucvres), въ которыхъ едва можно жить. Крестьяне, народъ крѣпкій, имѣютъ видъ непривлекательный, страдаютъ и отъ жары, и отъ холода, и отъ дождя, и отъ снѣга, во всякое время; пища тоже скверная — „pain d'écorce, noir et pâteux, trempé d'un peu d'huile de chènevis, de la bouillie d'orge et d'avoine, et, si rarement, quelques bouchées de lard ou de boeuf salé!“ „Quelle existence!“ восклицаетъ Ж. В. „Mais ils y sont faits, ils ne savent pas ce que c'est de se plaindre. A quoi bon, d'ailleurs?“ (Стр. 79). Въ другомъ мѣстѣ Ж. В. говоритъ, что крестьяне „прозябаютъ“ („végètent“ — стр. 112), и обращаются нѣмцы съ ними какъ съ рабами (тамъ же). Все же „le peuple n'a jamais pu être germanisé“, и какъ эсты, такъ и латыши „ne cachent point leur antipathie de race pour ceux qui sont leurs maîtres.“ Движеніе въ пользу народа началось, цѣлый рядъ журналовъ въ разныхъ городахъ (городъ Рига почему-то не названъ) защищаютъ его права (стр. 47). Ж. В. говоритъ слегка о „journaux esthes“ (стр. 46), но о латышскихъ газетахъ какъ-то не упоминаетъ.

7) Сообщаются только факты: что нѣмцы обратили мѣстное населеніе сперва въ католичество, а потомъ въ протестантство (стр. 47), и что не особенно рѣдко встрѣчаются люди нѣмецкаго происхожденія, исповѣдующіе православіе (стр. 272). Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ мы находимъ только въ предпоследней главѣ священника Аксіева. Маленькимъ намекомъ на отношенія населенія къ православію во времена введенія реформации можетъ служить вывѣска надъ кабакомъ. Согласно названію „Croix-Rompue“ — „Сломанный Крестъ“ — на вывѣскѣ краснаго цвѣта изображенъ былъ лежащій на землѣ „русскій двойной крестъ“, — „une double croix russe“ —; „sans doute“, прибавляетъ Ж. В., „quelque légende relative à une profanation iconoclaste perdue dans la nuit des temps“ (стр. 88). Чѣмъ руководствовался Ж. В. при выборѣ такого названія для кабака трудно рѣшить; во всякомъ случаѣ оно мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

1) Стр. 152—174. То обстоятельство, что университету удѣляется въ разсказѣ довольно много мѣста, доказываетъ, что Жюлю Верну была извѣстна та важная роль, которую игралъ бывший дерптскій университетъ въ исторіи Прибалтійскаго края, и то значеніе, которое имѣла „unsere Hochschule“ съ своимъ нѣмецкимъ характеромъ въ глазахъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Очень рельефно представлено это значеніе въ рѣчи ревельскаго адвоката Riesenmann'a (впоследствіи перваго ревельскаго городского головы), произнесенной

содержитъ данныя о городѣ, объ университетѣ, а также описаніе сцены, происшедшей во время университетскаго апрѣльскаго празднества въ 1876 г. и имѣющей непосредственную связь съ общимъ ходомъ дѣйствія „драмы въ Ливоніи“.

Жюль Вернь называетъ нашъ городъ исключительно „Dorpat“, не приводитъ главнаго его имени „Дерптъ“ и не

имъ 12-го декабря 1877 года по поводу 75-лѣтней годовщины „unserer Universität“ (см. „Neue Dörptsche Zeitung“, № 291, 15XII77). Упомянувъ о цѣломъ рядѣ выдающихся изслѣдователей, ученыхъ, государственныхъ дѣятелей и воиновъ „im weiten Reich“, которые получили образованіе „in Dorpat“, ораторъ обращаетъ особенное вниманіе на всеобъемлющее значеніе университета „in der engeren Heimath“, т. е. въ Прибалтійскомъ краѣ: „was wären die baltischen Lande ohne ihre Hochschule? da bestätigt sich die Kraft der in Dorpat gepflegten Wissenschaft recht eigentlich als Lebensnerv auf jeglichem Gebiete . . . denken wir uns, dass es die letzten 75 Jahre hindurch an dem lebendigen Quell deutscher (здѣсь разрядка моя) Wissenschaft im eigenen Lande gefehlt habe — so werden wir das unschätzbare Gut, das wir in der Landesuniversität unser eigen nennen, nach Gebühr würdigen. Wir stehen in einer bewegten Zeit, wo die äusseren Grundpfeiler unseres eigenartigen Lebens, einer nach dem anderen, dahinsinken, wo der nivegirende Strom moderner Staatsanschauung manche mit Recht werth gehaltene Besonderheit hinwegspült. Da schaut so mancher, der inmitten jener mächtigen Strömung noch aufrecht steht, aus nach einem Zeichen, das ihm den Weg wiese in den schwellenden Wassern. Hoffend und vertrauend richte er seinen Blick auf unsere Hochschule! So lange uns von dort her der Stern deutscher (здѣсь разрядка моя) Wissenschaft entgegenstrahlt, dürfen wir getrostes Muthes sein. Fest und unwandelbar steht er über jedem Erdenwechsel und zeigt uns die Bahn zur Erkenntniss dessen was wahr, was recht ist. Geschlossen, unbeirrt durch die wechselnden Ereignisse des Tages, lasst uns diese Bahn wandeln, Commilitonen, ob des Alters Silber unser Haupt decke oder der Jugend üppige Locken es schmücken. Der Stern unserer Hochschule aber, er strahle immerdar in unvergänglichem Glanze und sei unser Leitstern in guten, wie in bösen Tagen! „Vivat, crescat, flereat Academia Dorpatensis!“

Конецъ этой рѣчи со словъ „Wir stehen . . .“ находили мы также въ книгѣ „Dorpater Gedenktage — 21. April, 12. December 1802—1902. St. Petersburg 1902“, на стр. 44-й, но, къ сожалѣнію, предложеніе „So lange . . .“, исключенное изъ ковычекъ, передано въ нѣсколько иной формѣ, а слова: „der Stern deutscher Wissenschaft“ почему-то замѣнены словами: „der alte Stern der Wissenschaft“, чѣмъ, разумѣется, составитель книги лишилъ цитату настоящаго его смысла.

упоминаетъ ни о древнемъ названіи „Юрьевъ“ [при описаніи же города Ревеля онъ приводитъ названіе „Колыванъ“] ¹⁾ ни объ эстскомъ „Tartulin“ — словомъ, нѣтъ у Жюль Верна всего того, что имѣется въ его главномъ источникѣ, въ географіи Реклю ²⁾.

„Дорпатъ, одинъ изъ главныхъ городовъ Лифляндіи ³⁾, древній ганзейскій городъ, основанъ русскими въ 1750 ⁴⁾ году. Это такъ принято, хотя иные историки относятъ его основаніе къ знаменитому тысячному году, къ году предполагавшагося свѣтопреставленія ⁵⁾ . . . По словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ можно принять Дорпатъ за городъ современной Греціи, и кажется, что его дома перенесены въ готовомъ видѣ изъ столицы короля Оттона. Дорпатъ не особенно коммерческій, но онъ учащійся (étudiante) городъ ⁶⁾ . . . Все же Дорпатъ не вполне лишенъ торговли вслѣдствіе своего географическаго

1) Стр. 29: „l'ancien Kolyvan des Russes.“

2) Ср. Reclus, томъ V стр. 373 и 381.

3) Стр. 152: „ . . . Dorpat, l'une des principales villes de la Livonie.“

4) Стр. 155: „Dorpat, ancienne cité de la Hanse, a été fondée par les Russes en 1750.“ Цыфра „7“ очевидно опечатка; „50“ можно объяснить словами Реклю, относящимися ко времени вторженія въ край русскихъ: „ . . . dès la première moitié du onzième siècle et y avaient fondé Derpt (Dorpat) et d'autres villes“ (стр. 373).

5) Стр. 155, 156: „Cela est admis, bien que certains historiens veulent faire remonter sa fondation à ce fameux an mil, qui devait voir la fin du monde.“

6) Стр. 156: „Au dire de certains voyageurs, on prendrait Dorpat pour une ville de la Grèce moderne, et il semble que ses maisons aient été apportées toutes faites de la capitale du roi Othon. Dorpat est peu commerçante, mais elle est étudiante . . .“ Здѣсь слово „étudiante“, противопоставленное слову „commerçante“ (занимающійся торговлею) переведено мною словомъ „учащійся“ въ смыслѣ нѣмецкаго слова „Schulstadt“, употребляемаго иногда по отношенію къ городу Юрьеву, какъ обладающему всевозможными учебными заведеніями съ большимъ количествомъ учащихся. Но очень можетъ быть, что Жюль Вернъ подъ „ville étudiante“ подразумѣвалъ главнымъ образомъ „студенческій городъ“, „городъ студентовъ“, („ville d'étudiants“); если обратить вниманіе на слова, слѣдующія за „étudiante“ („ . . . mais elle est étudiante, avec son Université, qui se divise“ и т. д.), то такое предположеніе вполне возможно.

положенія, на перекресткѣ главныхъ дорогъ Балтійскихъ провинцій, въ 200 километрахъ отъ Риги и только въ 130 отъ Петербурга ¹⁾). Впрочемъ, какъ могъ бы онъ забыть, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ ганзейскихъ городовъ? Какъ мало ни развита торговля, сосречена она въ нѣмецкихъ рукахъ. Въ общей сложности эсты, мѣстное населеніе, состоятъ только изъ ремесленниковъ, рабочихъ и прислуги ²⁾). Дорпатъ живописно построенъ на холмѣ, который господствуетъ съ юга надъ теченіемъ Эмбаха ³⁾). Длинныя улицы обслуживаютъ его три участка. Туристы посѣщаютъ его обсерваторію, соборъ, построенный въ византійскомъ стилѣ, и развалины готическаго храма. Они не безъ сожалѣнія покидаютъ аллеи его очень цѣнимаго любителями ботаническаго сада ⁴⁾). Населеніе состояло въ то время преимущественно изъ нѣмцевъ ⁵⁾“.

1) Стр. 157: „Cependant Dorpat n'est pas absolument dépourvue de tout commerce, en conséquence de sa situation géographique, au croisement des principales routes des provinces Baltiques, à deux cents kilomètres de Riga, et cent trente seulement de Pétersbourg.“ Только что приведенное разстояніе между Юрьевомъ и П. гербургомъ (вмѣсто 325,5 верстъ по почтовому тракту или 379 верстъ по желѣзной дорогѣ) взято, какъ оказывается, отъ Pierre Larousse, изъ VI тома его „Grand dictionnaire universel du XIX siècle. Paris“ (Ср. стр. 1124: „environ 130 kilom. S.-O. de Saint-Pétersbourg“).

2) Стр. 157: „D'ailleurs, comment pourrait-elle oublier qu'elle fut une des plus prospères cités de la Hanse? Aussi, ce commerce, si peu développé qu'il soit, est-il concentré entre les mains germaniques. En somme, les Estbes, qui forment la population indigène, ne comprennent que des ouvriers, des manoeuvres ou des domestiques“.

3) Стр. 157: „Dorpat est pittoresquement bâtie sur une colline qui domine au sud le cours de l'Embach.“ Въ этой фразѣ, взятой почти цѣликомъ изъ географіи Реклю (т. V стр. 381), Ж. В., къ сожалѣнію, пропустилъ слѣдующія за bâtie слова: en partie (отчасти), влѣдствіе чего получается невѣрное представленіе о расположеніи города.

4) Стр. 157, 158: „De longues rues desservent ses trois quartiers. Les touristes y visitent son observatoire, sa cathédrale de style grec, les ruines d'une église ogivale. Ils ne quittent pas sans regret les allées de son jardin botanique, très apprécié des amateurs.“

5) Стр. 158: „... l'élément germanique l'emportait alors parmi la population de Dorpat.“

Вотъ и все, что сообщаетъ Жюль Вернъ о Юрьевѣ. Вамъ, мм. гг., не составитъ никакого труда пополнить и исправить пробѣлы и промахи, допущенные авторомъ въ этомъ сообщеніи, а потому обращаемся къ описанію университета.

Если, какъ говоритъ Жюль Вернъ, сомнѣвались насчетъ времени возникновенія „одного изъ прелестнѣйшихъ городовъ Балтійскихъ провинцій“¹⁾, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи что касается „его знаменитаго университета, созданнаго Густавомъ-Адольфомъ въ 1632 году и вновь учрежденнаго въ 1812²⁾ году въ теперешнемъ его видѣ“³⁾. Далѣе говоритъ Жюль Вернъ: „университетъ . . . раздѣленъ на корпораціи или скорѣе на „націи“, не связанные между собою крѣпкими узами братства . . . страсти тамъ столь же живучи между славянскимъ и германскимъ элементами, какъ и между населеніемъ другихъ городовъ Эстоніи, Ливоніи и Курляндіи, вслѣдствіе чего только во время университетскихъ вакацій дѣйствительно царитъ тишина въ городѣ“⁴⁾. Въ немъ было тогда около 900 студентовъ съ 72 профессорами, читавшими свои курсы на нѣмецкомъ языкѣ; бюджетъ, „un budget assez lourd“, равнялся 234 тыс. руб.⁵⁾. Университетская библіотека, „одна изъ болѣе важныхъ и болѣе благоустроенныхъ европейскихъ

1) Стр. 156: „ . . . l'une des plus charmantes des provinces Baltiques.“

2) Стр. 156. Очевидно опечатка вмѣсто „1802“.

3) Тамъ же: „son Université célèbre que Gustave-Adolphe créa en 1632, et dont la réorganisation s'opéra en 1812, telle qu'elle fonctionne aujourd'hui.“

4) Тамъ же: „ . . . Université, qui se divise en corporations ou plutôt en «nations», lesquelles ne sont pas unies par le solide lien de la fraternité . . . les passions y sont aussi vivaces entre l'élément slave et l'élément germanique que parmi la population des autres villes, de l'Esthonie, de la Livonie et de la Courlande. Il s'ensuit donc que la tranquillité ne règne réellement à Dorpat que durant la période des vacances universitaires . . .“ — „Université“ въ началѣ этого цитата значить, по-моему: студенческій міръ университета.

5) Стр. 157.

библиотекъ“¹⁾, содержитъ, по мнѣнію Жюль Верна, около 4 тысячъ²⁾ томовъ.

Нѣмецкое студенчество было въ громадномъ большинствѣ; студентовъ же славянскаго происхожденія насчитывали не болѣе 50 человекъ³⁾. Съ нѣкотораго времени политика или, по крайней мѣрѣ, борьба славянъ съ нѣмцами начала пускать корни въ дернтскомъ студенществѣ. Подавляющее большинство желало сохранить университету традиціи, идеи, существовавшія съ его основанія. Правительство знало, что въ университетѣ пылалъ очагъ сопротивленія стремленіямъ руссификаціи, отъ которой грозила опасность Балтійскимъ провинціямъ⁴⁾. Въ виду всего этого ректоръ опасался безпорядковъ при празднованіи апрѣльской⁵⁾ университетской годовщины въ 1876 году⁶⁾.

1) Тамъ же: „l'une des plus importantes et des plus suivies de l'Europe.“

2) Тамъ же: „A quatre mille près, c'est le chiffre des volumes que renferme la riche bibliothèque . . .“ Очевидно опечатка: пропущено между „quatre“ и „mille“ слово „cent“. Хотя у Реклю обозначено: 230 тысячъ томовъ, но Жюль Вернъ вѣроятно пользовался новѣйшими данными, быть можетъ, данными отчета билейнаго 1902 года; по этому отчету значилось въ библиотекѣ 365517 томовъ вмѣстѣ съ диссертациями; объ этомъ количествѣ, правда, съ нѣкоторою натяжкой, можно выразиться: „à quatre cent mille près.“

3) Стр. 158: „. . . l'élément germanique . . . à cette époque était prédominant . . . Sur les neuf cents étudiants, on en comptait une cinquantaine au plus qui fussent de race slave.“

4) Стр. 164, 165: „ . . . lutte du slavisme et du germanisme, tendait à s'accroître dans le monde des étudiants . . . maintenir à l'Université les traditions, les idées qui dataient de son origine . . . qu'il y avait là un ardent foyer de résistance aux tentatives de russification, dont les provinces Baltiques étaient menacées.“

5) Въ разсказѣ празднество не происходитъ 21-го апрѣля, а приурочено къ 16-му апрѣля. Оказывая предпочтеніе апрѣльскому празднеству передъ декабрьскимъ, Жюль Вернъ имѣлъ въ виду, быть можетъ, отчасти извѣстныя нѣмецко-балтійскія воззрѣнія на апрѣльскую университетскую годовщину. Нѣкоторые балты отрицаютъ даже историческое значеніе 12-го декабря (Ср., напр. слова г-на — ск — въ „Neue Dörptsche Ztg.“, № 286, 9 XII 77, въ I части его „Erinnerungen“: „ . . . während dagegen der 12. Dec. trotz seiner Legalität, keinerlei historische Bedeutung hinterlassen hatte“).

6) Стр. 164. — Профессора, „bien qu'ils fussent tous acquis aux idées aliemandes“ (стр. 165), опасались также безпорядковъ.

Среди студенчества готовились къ нему весьма усердно; въ началѣ главы перечисляются нѣмецкими студентами нѣкоторыя деликатесы и прелести предстоящаго банкета ¹⁾: шуки изъ рѣки Аа, „stroemlings“, пойманные эзельскими рыбаками, „auxquels on les a payés cher“, рябчики, тетерева, ветчина въ разномъ видѣ, „rourogens“ ²⁾ кюммель . . . ; и здѣсь не упоминается о пивѣ ³⁾; Иванъ Николевъ говоритъ о шампанскомъ, которое не позволитъ воспламениться порогу студенческихъ раздоровъ. Нѣмецкая партія открыто заявила, что она не хочетъ допустить къ общему банкету „ces Slavo-moscovito-russes“ ⁴⁾. Ректоръ отлично понимая, какъ пагубно можетъ

1) Стр. 153.

2) Должно быть, хотѣлъ сказать „pirogens“ — пирожки. Студентъ, назвавшій ихъ, немного дальше говоритъ, что еще не бѣли такихъ хорошихъ „gâteaux à la viande.“

3) Отмѣчая и здѣсь этотъ промахъ со стороны Жюля Верна, нельзя не сообщить слѣдующее: Какъ разъ въ 1876 году за мѣсяць до апрѣльскаго праздника появилось въ „Neue Dörptsche Zeitung“ (№ 70, 24III76) письмо „An den Dorpater Chargirten-Convent.“ Въ этомъ письмѣ „Ein Studirender“ сообщаетъ, что до 1850 и 1851 г. грогъ былъ обычнымъ напиткомъ здѣшнихъ студентовъ. Благодаря стараніямъ барона ф. д. Реке, указавшаго на страшный вредъ грога, корпорація Балтика въ 1850 г. впервые замѣнила грогъ пивомъ. Черезъ нѣкоторое время послѣдовали ея примѣры и другія корпораціи. Вотъ и предлагаетъ „Ein Studirender“ отпраздновать общимъ коммершемъ 21-го апрѣля 1876 года исполнившееся 25-лѣтіе со дня введенія пива, какъ главнаго напитка, на студенческихъ празднествахъ, а также помянуть добрымъ словомъ барона ф. д. Реке.

4) Стр. 153. Привожу здѣсь въ оригиналѣ небольшой разговоръ между двумя нѣмецкими студентами, рисующій намъ отношенія нѣмецкихъ студентовъ къ русскимъ: Выслушавъ перечисленіе нѣкоторыхъ заманчивыхъ блюдъ предстоящаго банкета, студентъ Карлъ Юхаузенъ прибавляетъ:

„. . . Grâce à toutes ces bonnes choses nous célébrerons dignement la fête de l'Université . . . Mais à une condition, c'est que cette fête ne soit pas troublée par la présence de ces Slavo-moscovito-russes . . .“

— Non! . . . s'écria Siegfried, pas un de ceux qui commencent à porter trop haut la tête . . .“

— Et auxquels nous saurons la rabaïsser au niveau du ventre! répondit Karl. (Далѣе онъ грозитъ Ивану Николеву и предчув-

отразиться такая открытая борьба на всемъ университетѣ¹⁾, старался отговорить ихъ отъ такого намѣренія, но нѣмцы-студенты стояли на своемъ²⁾. За то сынъ Николева сумѣлъ уговорить своихъ товарищей отнестись хладнокровно къ неприглашенію со стороны нѣмцевъ, отдѣльно отпраздновать знаменательный для университета день, не подавать повода съ своей стороны къ какимъ бы то ни было безпорядкамъ (не входить въ залъ банкета, не отвѣчать русскими пѣснями на нѣмецкія пѣсни), но и дать необходимый отпоръ, если нѣмцы рѣшились бы ихъ задѣть³⁾.

Жюль Вернь рисуетъ намъ и внѣшность дерптскихъ студентовъ 70-хъ годовъ: по его мнѣнію, они носили высокіе сапоги, талья ихъ была туго стянута кожаныиъ кушакомъ, а на головахъ были яркія цвѣтныя шапочки, надѣтыя набе-

стуетъ близость столкновенія съ нимъ) . . . je ne voudrais pas avoir quitté l'Université sans l'avoir réduit à s'humilier devant ces Germains qu'il dédaigne . . .

— Lui et son grand ami Gospodm! ajoute Siegfried, en tendant son poing vers le fond de la cour.

— Gospodm comme tous ceux qui ont la pensée de devenir nos maîtres! . . . s'écria Karl. Ils verront si l'on a si facilement raison de la race germanique! . . . Slave, cela signifie esclave, et nous mettrons ces deux rimes-là au bout des vers de notre *hymne livonien*, et nous le leur ferons chanter . . .

— Chanter en mesure, en *langue allemande*! répliqua Siegfried, tandis que ses compagnons poussaient un „hoch“ formidable.

1) Стр. 165. Здѣсь сказано, что: „l'Université . . . n'était pas à l'abri d'un ukase impérial, en cas qu'elle devint le centre d'une agitation contre le mouvement panslaviste.“

2) Стр. 165: „ . . . le recteur n'avait pu obtenir que Karl Johausen et ses amis rennonçassent à excludre du banquet Jean et ses camarades“ . . . Жюль Вернь задаетъ вопросъ: не лучше ли было бы въ виду возможныхъ столкновеній запретить празднованіе годовщины? Но въ запрещеніи онъ видитъ только поводъ къ большому раздраженію, котораго именно университетское начальство хотѣло избѣжать. При этомъ замѣчаетъ авторъ, что въ университетѣ нельзя ограничиться простыми школьными наказаніями, а пришлось бы прибѣгнуть къ серьезной мѣрѣ, къ исключенію коноводовъ, „aux expulsions, chasser les meneurs, et c'eût été une mesure grave.“

3) Стр. 165, 166.

кренъ 1). Въ 4 часа вечера 16-го апрѣля „la cloche du banquet se fit entendre“, и нѣмцы „plusieurs centaines“ подъ руководствомъ Карла Юхауэна направились черезъ обширный дворъ къ большому амфитеатральному университетскому залу, гдѣ были накрыты многочисленныя столы; вскорѣ дворъ опустѣлъ 2); въ сторонѣ стояли русскіе студенты. Николевъ предложилъ немедленно удалиться, но подъ вліяніемъ пылкаго студента Господина 3) товарищи не соглашались и прогуливались мимо оконъ зала 4). Оживленіе въ залѣ постепенно росло, и разгоряченные виномъ нѣмцы уже начали пускаться по адресу все еще не уходившихъ русскихъ разнаго рода нелестныя замѣчанія. Николевъ вновь попытался увести своихъ товарищей, но тщетно! „Мы хотимъ слышать,“ отвѣтилъ Господинъ, „что осмѣлятся сказать эти пьяные германцы, и если намъ это не понравится, то ты послѣдуешь за нами.“ „Идемъ, Господинъ,“ сказалъ Николевъ, „я хочу, чтобы вы ушли“. — „Подожди“, отвѣтилъ Господинъ, „черезъ нѣсколько минутъ ты не захочешь уйти“ 5). — Въ это время шумъ въ залѣ еще болѣе усилился: чоканіе, крики „hoch“ раздавались изъ открытыхъ оконъ. Наконецъ зазвѣли хоромъ „Gaudeamus“, первая строфа котораго, по мнѣнію Жюля Верна, болѣе подходитъ къ похоронному мотиву. „Это пѣніе равносильно пѣнію „De profundis“ къ десерту,“ замѣчаетъ авторъ 6). Но

1) Стр. 152. Только противъ яркихъ цвѣтовъ шапочекъ нельзя ничего сказать. Но и такія шапочки носили далеко не всѣ студенты: почти половина студенчества находилась внѣ корпорацій. Русскіе студенты не составляли корпораціи въ семидесятыхъ годахъ, а потому также не могли быть въ цвѣтныхъ шапочкахъ.

2) Стр. 167.

3) Кто былъ студентъ Господинъ: русскій или эстъ? На стр. 155: „Gospodin, de même origine que lui (т. е. Николевъ)“, а на стр. 159: „Gospodin appartenait à une riche famille esthonienne de Revel. Впрочемъ слово „esthonienne“ могло быть употреблено въ смыслѣ „изъ Эстляндіи“, т. е. русскій, уроженецъ Эстляндіи, какъ Николевъ былъ русскій, уроженецъ Лифляндіи.

4) Стр. 168.

5) Стр. 169.

6) Стр. 169: Puis un choeur fut entonné à pleine poitrine, —

вотъ чей-то голосъ запѣлъ: „О, Рига, что сдѣлало тебя столь прекрасною? Рабство ливонцевъ! . . . О, если бы мы могли однажды за деньги откупить у нѣмцевъ твой замокъ и заставить ихъ танцовать на раскаленныхъ камняхъ¹⁾!“ Эту пѣсню пѣлъ по-русски Господинъ; затѣмъ запѣлъ онъ съ товарищами „Боже царя храни“²⁾. Вдругъ двери зала распахнулись и около ста студентовъ выбѣжало во дворъ; они окружили ненавистную имъ группу славянъ съ Николевымъ по срединѣ и старались своимъ „Gaudeamus“ заглушить русскій гимнъ, могучая мелодія котораго все же пробивалась наружу³⁾. Боялись общей схватки; уже стояли отдѣльные студенты другъ

ce chant, qui se traîne sur un monotone trois-quatre, si en bonneur dans les universités allemandes: (слѣдуетъ первая строфа „Gaudeamus“). On en conviendra, ces paroles ne sont rien moins que réjouissantes, et ne méritent qu'un air d'enterrement. Autant chanter un *De Profundis* au dessert! Après tout, ce chant est bien dans la note germanique.“ — Изъ этихъ замѣчаній видно, что Жюлю Верну не нравится „Gaudeamus“, и что онъ не зналъ о возможномъ его возникновеніи изъ духовной элегіи 1267 года, которая напечатана Du Méril'емъ въ его „Poésies populaires du moyen-âge. Paris. 1847“, и которую пѣли странствующие ученики монастырскихъ школъ. Авторъ небольшой статьи „Zur Geschichte des Gaudeamus“, помѣщенной въ „A. A. Z.“ и перепечатанной въ „Neue Dörptsche Ztg.“ за 1873 г. (№ 73) знакомитъ насъ съ этою средневѣковою элегіею и считаетъ возможнымъ, что эта въ высшей степени мрачная, печальная пѣсня уже своими первоначальными исполнителями была превращена въ нѣчто подобное нынѣшнему „Gaudeamus“: „Ein ähnliches Schicksal“, прибавляетъ авторъ „hat ja manch ehrwürdiger Hymnus gehabt, der als fröhliches Trinklied die weiteste Verbreitung bei verschiedenen Nationen gefunden hat . . . Doch, wie dem auch sei! Das Gaudeamus wird immer das Festlied der deutschen Studentenschaft in all ihren Parteilungen bleiben!“

1) Стр. 170: „O, Riga, qui t'a faite si belle? . . . L'esclavage des Livoniens! . . . Pussions-nous un jour, avec l'argent, acheter ton château aux Aliemands et les faire danser sur des pierres chauffées!“ Эта латышская пѣсня, въ нѣсколько измѣненномъ и сокращенномъ видѣ, взята изъ географіи Реклю (т. V, стр. 372).

2) Стр. 170: „ . . . Puis, après lui et avec lui, ses camarades firent retentir les airs du refrain de Boje-Tsara-Krani, l'hymne moscovite d'un si grand et si religieux caractère.“

3) Тамъ же: „ . . . Ils entourèrent le groupe slave . . . leur *Gaudeamus igitur*, vociféré, hurlé même, essayait d'étouffer l'hymne russe dont la puissante mélodie perçait malgré leurs efforts.“

противъ друга и готовы были сдѣпиться (такъ, напр., Господинъ съ другомъ Юхаузена, съ Зигфридомъ). Просьбы ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ не имѣли никакого успѣха ¹⁾: нѣмцы, число которыхъ все увеличивалось, наступали, а русскіе, несмотря на свою малочисленность, не отступали ни передъ угрозами, ни передъ оскорбленіями. Но вотъ вышелъ изъ зала со стаканомъ въ рукѣ К. Юхаузенъ и протиснулся въ середину бушевавшихъ студентовъ, гдѣ угрожалъ Господинъ его другу Зигфриду; какъ только Господинъ замѣтилъ Юхаузена, онъ тотчасъ же обратился къ нему, но Николевъ отстранилъ его со словами: „Это меня касается“. — „Ты мнѣ не помѣшаешь“, вскричалъ разгнѣванный Господинъ. — „Я хочу помѣшать,“ сказалъ Николевъ столь рѣшительно, что противорѣчіе было невысказано.

Тогда, обращаясь къ массѣ нѣмецкихъ студентовъ, во всеуслышаніе сказалъ онъ:

„Васъ сотни, а насъ и 50 нѣтъ! Нападите на насъ . . . Мы будемъ защищаться . . . Мы будемъ побѣждены . . . Но вы поступите въ такомъ случаѣ какъ трусы!

Неистовые крики были отвѣтомъ.

Карлъ Юхаузенъ подалъ знакъ, что онъ хочетъ говорить.

„Да,“ сказалъ онъ, „мы были бы трусы! . . . Есть ли кто-нибудь между этими славянами, который принялъ бы на себя все дѣло?“

„Мы всѣ!“ закричали товарищи Ивана.

Но Иванъ Николевъ приблизился и сказалъ:

„Этимъ однимъ буду я, и если Карлъ желаетъ быть лично вызванъ, то я его вызываю . . .“

— Ты? . . . воскликнулъ Карлъ, дѣлая жестъ презрѣнія.

1) Стр. 171: „ . . . le recteur s'était hâté d'intervenir. Quelques-uns des professeurs s'étant joints à lui, parcouraient maintenant la cour à travers les groupes. Ils essayaient de calmer ces jeunes gens prêts à en venir aux mains. Ils n'y arrivaient pas. L'autorité du recteur était méconnue . . . Que pouvait-il d'ailleurs au milieu de ces „germaniques“ dont le nombre grossissait à mesure que se vidait la salle de l'amphithéâtre?“

— Я! отвѣтилъ Иванъ. Выбери двухъ твоихъ друзей. Я уже выбралъ своихъ . . .

— Ты . . . ты хочешь драться со мною? . . .

— Да . . . завтра, если ты сейчасъ не готовъ . . . Сію же минуту, если ты хочешь ¹⁾!

Здѣсь дѣлаетъ Жюль Вернъ маленькое отступленіе на счетъ того, что такого рода вызовы часто практиковались между студентами, и что лучше, если начальство молча ихъ допускаетъ, такъ какъ послѣдствія въ большинствѣ случаевъ ничтожны; но въ данный моментъ можно было опасаться рокового исхода, тѣмъ болѣе что противники сильно были возбуждены другъ противъ друга ²⁾.

Карлъ скрестилъ руки и, посмотрѣвъ на Ивана съ головы до ногъ, сказалъ:

„А! ты даже выбралъ уже своихъ секундантовъ?“

— Вотъ они, отвѣтилъ Иванъ, указавъ на Господина и на другого студента.

— И ты думаешь, что они согласятся?

— Согласимся ли мы! вскрикнулъ Господинъ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣтилъ Карлъ, по одной причинѣ я не соглашусь, Иванъ Николевъ, драться съ тобою! . . .

— Почему, Карлъ?

— А потому, что не дерутся съ сыномъ убійцы! . . . ³⁾“

1) Стр. 173.

2) Стр. 173 и 174: „Il n'est pas rare que les étudiants aient de ces affaires, et mieux vaut que les autorités ferment les yeux, car les conséquences n'en sont jamais très graves. Cette fois, il est vrai, il y avait lieu de craindre que l'issue ne fût fatale, tant les adversaires étaient sous le coup d'une animosité personnelle.“

3) Стр. 174. Какъ университетскій амфитеатральнѣй залъ съ окнами на просторный дворъ, такъ и все происшедшее въ этомъ дворѣ во время апрѣльскаго праздника есть плодъ фантазіи Жюль Верна. Столкновенія между отдѣльными студентами всѣхъ національностей бывали, бываютъ и, должно быть, никогда не переведутся, но такое массовое столкновеніе студентовъ, тѣмъ болѣе въ семидесятыхъ годахъ, никѣмъ не отмѣчено въ университетской жизни Прибалтійскаго края. Балтійское нѣмецкое студенчество слишкомъ осторожно и себѣ на умѣ, вслѣдствіе чего

Этимъ заканчивается глава „A l'Université de Dorpat.“ Мы уже знаемъ, что Иванъ Николевъ немедленно отправился

оно никогда не рѣшилось бы такъ открыто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ не политично выступить противъ русскихъ. Къ тому же, по мнѣнію одного балтійскаго писателя, ихъ обоюдныя отношенія, обострившіяся было со времени закрытія второй „Рутеніи“ (съ 1857 г.), улучшились со второй половины шестидесятыхъ годовъ (см. E. Kraus. Der Dorpater Chargirten-Convent von seiner Gründung bis 1880. Dorpat. 1883, стр. 34, 60). Неисполненіе совѣтовъ и даже просьбъ своего же ректора и своихъ профессоровъ тоже не въ духѣ балтійско-нѣмецкихъ буршей. — Отрицая такимъ образомъ правдоподобность происшествія относительно степени и способа его виѣшняго проявленія, все же нельзя не признать вѣрнымъ изображеніе самой сути, внутренняго мотива всего столкновенія, этого крайняго нерасположенія, чтобы не сказать этой глубокой вражды, нѣмцевъ ко всему русскому, что грозило бы ихъ преобладанію въ университетѣ и вообще въ Прибалтійскомъ краѣ, что могло бы свести на нѣтъ балтійско-нѣмецкое обособленіе. Характерно, напр., желаніе молодого Лохаузена заставить покориться нѣмцамъ не только Ивана Николева и его друга Господина, но и всѣхъ тѣхъ, которые пожела-ли бы властвовать надъ нѣмцами (см. стр. 154: „tous ceux qui ont la pensée de devenir nos maîtres“). — [Едва ли кто сможетъ, положе руку на сердце, усомниться въ существованіи этого нерасположенія. Въ наше время проявляется оно относительно Юрьевскаго университета главнымъ образомъ въ довольно-таки ожесточенномъ походѣ гг. балтовъ противъ „семинаристовъ.“ Такъ, напр., кандидатъ исторіи Карль ф. Фрейманъ (Karl v. Freymann) видитъ между прочимъ въ семинаристахъ исключительныхъ виновниковъ научной забастовки и открыто взываетъ къ нѣмецкимъ, латышскимъ и эстскимъ студентамъ, чтобы они свергли „иго семинаристовъ.“ (Ср. „Düna-Zeitang,“ № 157, 21 VII 905, въ передовой статьѣ „Unter dem Joch der Seminaristen“: „. . . diesen Leuten musste es vorbehalten sein, bis zur unerhörten Lächerlichkeit des wissenschaftlichen Streikes zu gelangen: die Universität Jurjew streikt und die Wissenschaft wartet! . . . Die Studenten der Universität, alle diejenigen, in denen auch nur ein Hauch humanistischen Geistes lebt, diese Studenten, Deutsche, Letten und Esten, fordere ich auf, dem Joch der Seminaristen ein Ende zu machen. Der Wahnsinn des wissenschaftlichen Streikes schreit zum Himmel! Möge nichts nachbieben von der Herrschaft dieser Leute, als der Widerhall des homerischen Gelächters Apolls.“ — Эта статья перепечатана въ юрьевской „Nordlivländische Ztg.“ № 161, 23 VII 905 подъ заглавіемъ „Akademisches“ „въ виду ея какъ разъ для нашего университета знаменательнаго содержанія“ — „angesichts ihres gerade für unsere Universität bedeutsamen Inhalts.“]

въ Ригу. Послѣ признанія Янова онъ вернулся въ Юрьевъ, вызвалъ вторично Карла на дуэль, но тотъ опять отказался; тогда Иванъ далъ ему пощечину, поединокъ состоялся, и Карлъ Юхаузенъ былъ тяжело раненъ.

Такъ вотъ какими рисуетъ Жюль Вернъ „дерптскихъ студентовъ.“ Насколько его описаніе соотвѣтствуетъ истинѣ — это другое дѣло! . . . Впрочемъ, кто будетъ измѣрять историческимъ аршиномъ фигуры Донъ Карлоса или Маріи Стюартъ въ драмахъ Шиллера?! Предоставимъ же и Жюль-вернской фантазіи рисовать по-своему своихъ героевъ, тѣмъ болѣе что и современные журналисты, призванные писать далеко не фантастическія произведенія, часто, по своему усмотрѣнію, изоощряются въ составленіи своего рода „необыкновенныхъ путешествій“ въ область тѣхъ же „дерптскихъ студентовъ.“

І. Змигродскій.

Неизданное письмо Жуковского.

Въ архивѣ Юрьевской мужской гимназіи сохранились два письма В. А. Жуковского къ О. Розенбергеру, бывшему съ 1814 по 1837 г. директоромъ тогдашней Дерптской гимназіи. Одно изъ этихъ писемъ напечатано въ сочиненіи проф. Е. В. Пѣтухова „Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского“¹⁾.

Другое, приводимое ниже, письмо касается, главнымъ образомъ, учителя чистописанія и рисованія тогдашней Дерптской гимназіи, Августа Филиппа Клара.

Уволенный въ отпускъ въ Петербургъ на двѣ недѣли, Клара получилъ здѣсь, благодаря Жуковскому, порученіе скопировать сеніей одну изъ картинъ, находившихся въ кабинетѣ великой княгини Александры Ѳеодоровны, и потомъ награвировать эту картину на мѣди (*in Aquatinta*). Такъ какъ отпускъ былъ кратковременный, то А. Клара обратился черезъ директора Розенбергера къ училищной комиссіи, которая завѣдывала тогда учебными заведеніями округа, съ просьбою продлить отпускъ еще на двѣ недѣли. Это прошеніе Клара поддержалъ своимъ письмомъ къ директору Розенбергеру В. А. Жуковскій.

Письмо это написано на листѣ почтовой бумаги большого формата собственноручно Жуковскимъ. Находится оно въ „Acta des Dorpatischen Gouvernements-Schuldirectorats betreffend

1) Стр. 98—101.

die Oberlehrer und Lehrer des Gymnasiums zu Dorpat“. V. I 1807 — 1827 л. 133.

Вся переписка по поводу этого отпуска помѣщена въ томъ же томѣ вышеназваннаго дѣла на листахъ 132 — 135.

Какъ можно заключить изъ отчета директора Розенбергера ¹⁾, Кларъ удалось воспользоваться представившеюся ему „telle occasion de se faire connaitre“ (удобнымъ случаемъ отличиться) и съ небольшимъ черезъ годъ (24 октября 1825 г.) онъ былъ по Высочайшему повелѣнію назначенъ граверомъ при Императорскомъ Эрмитажѣ.

Такимъ образомъ къ числу дерптскихъ знакомыхъ В. А. Жуковскаго, которымъ онъ, по словамъ проф. Е. В. Пѣтухова ²⁾, „старался оказать возможныя услуги въ Петербургѣ“ надо причислить и этого преподавателя, Ав. Ф. Клару. Кто были упоминаемые въ письмѣ Фреймундъ, Густавъ, Полина и M-me Voisin, къ сожалѣнію, узнать не удалось.

Mon cher et digne ami. ³⁾

J'unis ma priere à celle de Clara. Veuillez bien lui donner votre protection pour qu'il puisse avoir son congé pour un mois. On lui a donné un travail, qu'il ne peut finir, qu'étant ici. C'est un tableau du cabinet de la Grande Duchesse qu'il doit copier, pour le graver apres en aqua tinta. Vous sentez bien qu' une telle occasion de se faire connaitre ne peut pas etre negligée et je vous prie en ami de lui aider a en tirer parti. J'espere cela de votre amitié pour moi. Quant aux 240 roubles — comme cet argeant appartient au petit Freymund, il doit etre payé à la tutelle et je dois recevoir la quittance de la tutelle. Moyez vous

1) Einladungs-Schriften zur Feier des 25jährigen Jubelfestes und der Einweihung des neuerbauten Lehrgebäudes des Gouvernements-Gymnasiums zu Dorpat. Стр. 22.

2) Е. В. Пѣтуховъ, Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Стр. 76, 77.

3) Сохранено правописание подлинника.

le remboursera; parlez sur cet objet avec lui et prenez soin de m'expedier la quittance. Je vous prie aussi de m'envoyer une copie du papier que j'ai donné en mon nom à Freymund. Je dois faire un pareil pour une autre somme, pour la quelle il faudra aussi payer les interets.

J'ai deja escrit à Gustave sur le depot de Pauline, et je l'ai prié de regler la maniere d'expedier à elle le plus facilement sa pension. Pensez à cela. Ne peut on pas arranger en sorte qu'elle recoive le payement sur place. Je Vous prie de m'ecrire la dessus deux mots pour que j'informe de cela Me Voisin [?] ¹⁾.

Je me recommande à votre souvenir et vous prie de croire a l'estime sincere avec le quel je serai toujours

votre tres devoué serviteur

5 Mars 1824.

Joukoffsky.

Переводъ.

Дорогой и достойный другъ!

Къ просьбѣ Клары присоединяю и свою. Посодѣйствуйте ему получить отпускъ на мѣсяцъ. Ему дали работу, которую онъ можетъ окончить только здѣсь. Это — картина изъ кабинета великой княгини, которую онъ долженъ скопировать, чтобы потомъ награвировать на мѣди. Вы прекрасно понимаете, что нельзя упустить такого случая отличиться, и я прошу Васъ, какъ друга, помочь ему воспользоваться этимъ. Разсчитываю на это вслѣдствіе Вашей дружбы ко мнѣ.

Что касается до 240 р., т. к. эти деньги принадлежатъ маленькому Фреймунду, ихъ надо уплатить опека, отъ которой я долженъ получить квитанцію. Мойеръ возвратитъ Вамъ

1) Вопросительный знакъ поставленъ мною, такъ какъ фамилія упоминаемой госпожи написана въ оригиналѣ крайне неразборчиво.

ихъ; переговорите съ нимъ по этому поводу и позаботьтесь о высылкѣ мнѣ квитанціи. Прошу Васъ также прислать мнѣ копію векселя, который я далъ отъ своего имени Фреймунду. Мнѣ надо написать такой же документъ на другую сумму, за которую надо будетъ платить проценты.

Я уже писалъ Густаву насчетъ взноса Полины и просилъ его указать, какимъ образомъ легче всего пересылать ей ея пенсію. Подумайте объ этомъ. Нельзя ли устроить такъ, чтобы она получала пенсію на мѣстѣ.

Напишите мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ, чтобы я могъ сообщить объ этомъ г-жѣ Voisin.

Не забывайте меня и вѣрьте искреннему уваженію, съ которымъ остаюсь навсегда

Вашимъ преданнымъ слугою

5 марта 1824 г.

Жуковскій.

Н. А. Скрябинъ.

Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ, какъ плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта.

Гольдене Ауэ (т. е. Золотой Лугъ), гдѣ по народному выраженію „золото растетъ изъ земли“, есть плодороднѣйшая равнина Германіи, заключеная между горами Гарца и Тюрингіи. Она орошается двумя рѣками: Гельме и Унштрутомъ, изъ которыхъ первая беретъ свое начало въ горахъ Гарца, нѣсколько къ сѣверо-западу отъ г. Нордгаузена, а вторая имѣетъ свои истоки не далеко отъ города Дингелынтэдта въ Тюрингіи. Близъ г. Артерна Гельме впадаетъ въ Унштрутъ. Послѣдній, прорѣзавъ узкую долину въ горахъ Тюрингіи, впадаетъ близъ г. Наумбурга въ рѣку Заале, иритокъ Эльбы.

Въ доисторическія времена, какъ показываютъ геологическія изысканія, мѣсто, занимаемое Гольдене Ауэ, было покрыто сплошь водою и представляло изъ себя озеро. Съ теченіемъ времени Унштрутъ, прорѣзавъ цѣпь тюрингенскихъ горъ, отвелъ воды этого озера въ рѣку Заале и въ Эльбу. Такимъ образомъ явилось довольно обширное пространство непроходимыхъ болотъ, кое-гдѣ покрытое небольшими возвышеніями съ буковыми лѣсами. Но болота въ долинахъ Гельме и Унштрута не просыхали круглый годъ, такъ какъ весною и даже во время большихъ дождей горные ручьи приносили много воды въ эти рѣки, которыя разливались на большое пространство и поддерживали своими водами

грунтовая вода этой мѣстности на значительной высотѣ. Конечно, при такомъ состояніи почвы въ долинахъ рѣкъ Гельме и Унштрута не могло быть и рѣчи объ обработкѣ ея подь посѣвѣ хлѣба.

Приблизительно въ десятомъ вѣкѣ былъ сдѣланъ первый шагъ къ осушенію долины въ верховьяхъ рѣки Гельме. Начало этому культурному предиріятію было положено голландскими монахами, жившими въ монастырѣ Валькенридь, въ 19-ти километрахъ къ сѣверо-западу отъ г. Нордгаузена; въ настоящее время сохранились лишь развалины этого монастыря.

Сначала была осушена искусственно сдѣланными каналами часть долины рѣки Гельме отъ города Герингена до города Брюкена. Эта мѣстность принадлежала и теперь принадлежитъ княжеству Шварцбургъ и графствамъ Штольбергъ и Россла.

Уже въ XI-мъ вѣкѣ эта часть долины рѣки Гельме, получившая названіе „Гольдене Ауэ“, прославилась плодородіемъ своихъ полей и чуднымъ состояніемъ всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, такъ что владѣлецъ одной ея части графъ Бодо ф.-Штольбергъ, принимавшій участіе въ одномъ изъ крестовыхъ походовъ, говорилъ, что „ему Гольдене Ауэ дороже и милѣе, чѣмъ вся обѣтованная земля.“

Затѣмъ, путемъ канализаціи была осушена нижняя часть долины рѣки Гельме съ двумя городами: Зангергаузеномъ и Альштэдтомъ и присоединилась къ Гольдене Ауэ.

Что касается до долины рѣки Унштрута, то ея осушеніе осуществлено лишь недавно, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Здѣсь особенное затрудненіе представила канализація обширной равнины близъ города Артерна. Но при помощи каналовъ, значительныхъ размѣровъ, дамбъ и шлюзовъ удалось, наконецъ, укротить чрезвычайно бурный въ половодьѣ Унштрутъ и заставить его направлять воды туда, гдѣ мельницы и фабрики могутъ использовать его силу для полезныхъ работъ; тогда какъ еще недавно

наводненія отъ разлива Унштрута въ весеннее время или во время большихъ дождей причиняли большія бѣдствія г. Артерну и близлежащимъ деревнямъ.

Въ г. Артернѣ существуетъ цѣлое учрежденіе, называемое Unstrutregulierungs-Gesellschaft, которое непрестанно слѣдитъ за исправностью сооружецій по регулированію теченія Унштрута вблизи города Артерна. Съ директоромъ этого Общества я случайно познакомился на прогулкѣ къ руинамъ замка Саксенбургъ (Sachsenburg) и получилъ отъ него нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о регулированіи теченія Унштрута.

Многіе изъ жителей города Артерна и его окрестностей хорошо помнятъ то время, когда эта мѣстность была бѣднѣйшею частью Германіи. Населеніе деревень близъ Артерна влачило свое жалкое существованіе, питаясь картофелемъ, вырощеннымъ гдѣ-нибудь на пригоркѣ, такъ какъ кругомъ были непроходимыя болота, и эксплуатируя хищническимъ образомъ буковые лѣса, разбросанные кое-гдѣ по холмамъ. Наконецъ, и эти буковые лѣса были уничтожены, и холмы, лишившись растительнаго покрова, постепенно были размыты осадками атмосферы и обратились въ голыя скалы.

Въ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, съ выполнешемъ весьма трудной и сложной культурной задачи — регулированія теченія Унштрута, бѣднѣйшая мѣстность Германіи сдѣлалась неузнаваемой: прежнія болота обратились въ великолѣпныя поля, дающія изъ года въ годъ обильные урожаи ржи, пшеницы, ячменя, овса и особенно сахарной свекловицы; оголенные, каменистыя вершины холмовъ были вновь засажены чудными хвойными лѣсами, разведеніе которыхъ, впрочемъ, потребовало много умѣнія и упорнаго труда со стороны владѣльцевъ, такъ какъ для каждой молодой елочки пришлось продолбить лунку въ камень и наполнить эту лунку землей въ количествѣ, достаточномъ для первоначальнаго роста дерева; затѣмъ, жители этой мѣст-

ности проникли и въ нѣдра холмовъ и нашли тамъ также неисчерпаемыя богатства : минеральныя залежи бураго угля, желѣзной и мѣдной руды, кали, поваренной соли, рѣчного шпата и т. д.; наконецъ, избытокъ сырыхъ продуктовъ и развитіе сельскохозяйственной дѣятельности вызвали къ жизни промышленность обрабатывающую: появились сахарныя и пивоваренныя заводы, солеварни, угольно-брикетныя заводы и фабрики сельскохозяйственныхъ машинъ, сосредоточенныя главнымъ образомъ около г. Артерна. Нельзя пройти молчаемъ также еще двухъ источниковъ матеріальнаго благосостоянія жителей разсматриваемой мѣстности; это два курорта съ солеными ваннами (Soolbäder) въ городахъ Франкенгаузенъ и Артернъ, изъ которыхъ первый уже нѣсколько лѣтъ пользуется извѣстностью, а второй только начинаетъ конкурировать съ первымъ.

Курортъ Франкенгаузенъ имѣетъ то достоинство сравнительно съ другими курортами соленыхъ ваннъ, что расположенъ вблизи лѣса, покрывающаго склоны горъ Киффгойзеръ и доставляющаго много пріятныхъ прогулокъ, въ особенности въ жаркое лѣтнее время.

Отсюда же не трудно совершить двух-трехчасовую прогулку до главной достопримѣчательности не только этого края, но и всей Германіи: до грандіознаго Монумена Обьединенія Германской Имперіи, недавно воздвигнутаго на горахъ Киффгойзеръ надъ развалинами одного весьма стариннаго замка. Этотъ памятникъ гораздо величественнѣе Памятника Побѣды (Siegesdenkmal) въ Нидервальдѣ на Рейнѣ. Онъ представляетъ собою императорскій шатеръ, высѣченный изъ гранита; изъ этого шатра выѣзжаетъ верхомъ на конѣ въ полномъ императорскомъ облаченіи императоръ Вильгельмъ I; его фигура и конь вылиты изъ темной бронзы. Внизу въ пещерѣ высѣченное изъ гранита изображеніе сидящаго въ глубокомъ снѣ императора Фридриха Барбароссы. Такимъ образомъ, монументъ изображаетъ фабулу извѣстнаго народнаго сказанія, что Барбаросса

спитъ глубокимъ сномъ въ пещерѣ и воскреснетъ для объединенія Германской Имперіи, т. е. въ лицѣ Вильгельма I-го пробужденный Барбаросса явился для объединенія Германской Имперіи.

Отъ стариннаго замка Киффгойзеръ осталась полуразрушенная часовня и нѣсколько выше — одна башня, тоже полуразрушенная. Впрочемъ, тамъ и здѣсь попадаются еще небольшіе остатки стѣнъ замка весьма старинной кладки.

Съ площадки у подножія этого монумента, а еще лучше съ вершины самого монумента открывается волшебная картина — видъ почти на всю Гольдене Ауэ: великолѣпныя поля, правильно распланированныя и окрашенныя въ различныя густыя краски; чудныя шоссе, обсаженныя двумя рядами деревьевъ, въ видѣ аллей извиваются по равнинѣ; кое-гдѣ небольшіе пригорки, покрытые темными лѣсами; тамъ и здѣсь разбросанныя деревни съ опрятными домиками и церквами; тамъ и здѣсь поднимаются высокія дымящіяся трубы фабрикъ.

Вся эта чудная панорама Гольдене Ауэ съ вершины Киффгойзеръ не даетъ ли прекраснаго образчика высокой культуры, образчика высокаго просвѣщенія нѣмецкаго народа? А самъ гордый монументъ на горахъ Киффгойзеръ; не свидѣтельствуетъ ли онъ о замѣчательномъ развитіи общественной жизни у нѣмецкой націи, давшемъ возможность различнымъ враждовавшимъ между собою государствамъ, привыкшимъ къ своей самостоятельной жизни, соединиться вновь въ одно цѣлое?

Другой интересной прогулкой изъ Франкенгаузена, требующей одного часа времени въ направленіи къ г. Зондерсгаузену, является посѣщеніе такъ называемой „Пещеры Барбароссы“. Эта пещера находится у деревни Ротлебенъ въ одномъ изъ холмовъ цѣпи Киффгойзеръ. Она была открыта въ 1866 г. однимъ акціонернымъ англійскимъ обществомъ, дѣлавшимъ здѣсь изысканія мѣдной руды. Она замѣчательна своею величиною (въ длину и ширину около 200

метровъ) и своими небольшими озерами съ чрезвычайно прозрачною водою. Пещера освѣщается электричествомъ, но при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ она представляетъ особенно эффектную картину. Посѣщеніе пещеры стоитъ 70 пфенниговъ съ персоны, съ дѣтей 40 пфенниговъ. Посѣтителей бываетъ весьма много, и говорятъ, что баронъ ф. Ротлебенъ, владѣлецъ пещеры, этими сборами поправилъ свое весьма разстроенное состояніе. Почва, въ которой находится эта пещера, извѣстковая и алебастровая, а кое-гдѣ имѣются жилы мѣдной руды.

Франкенгаузенъ съ его окрестностями принадлежитъ теперь князю ф. Шварцбургъ и относится къ княжеству Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ. Въ VIII-мъ вѣкѣ Франкенгаузенъ принадлежалъ монастырю Фульда, затѣмъ перешелъ къ графу ф. Байхлингенъ, а въ 1340 г. графъ Фридрихъ ф. Байхлингенъ продалъ городъ и солеварню графу ф. Шварцбургъ за 6500 марокъ серебра. Въ настоящее время въ Франкенгаузенѣ около 6000 жителей. Въ немъ имѣется замокъ-резиденція князя ф. Шварцбургъ, двѣ церкви — Oberkirche и Unterkirche, реальная школа, народная школа и особенно замѣчательная своимъ комфортомъ и чуднымъ паркомъ больница для дѣтей, нуждающихся для своего лѣченія въ соленыхъ ваннахъ: для худосочныхъ, золотушныхъ, рахитиковъ и т. п. Наконецъ, къ достопримѣчательностямъ Франкенгаузена надо отнести домъ, въ которомъ былъ схваченъ въ 1525 г. знаменитый вождь крестьянъ Томасъ Мюнцеръ послѣ ужасной битвы подъ Франкенгаузеномъ возставшихъ крестьянъ съ ихъ притѣснителями — феодалами.

Съ наиболѣе возвышенныхъ пунктовъ Франкенгаузена открывается живописный видъ на долину рѣки Виппера, которая отдѣляетъ горы Киффгойзеръ отъ отроговъ Тюрингенскихъ горъ. Эта рѣка беретъ свое начало у г. Зондерсгаузена, а у замковъ Саксенбургъ, близъ г. Гельдрунгена, она впадаетъ въ Унштрутъ.

Другой курортъ соленыхъ ваннъ, лежащій совсѣмъ въ

центрѣ Гольдене Ауэ, есть г. Артернъ, по количеству жителей почти равный Франкенгаузену.

Артернъ еще недавно представлялъ собою незначительный городокъ, лежавшій среди болотъ и постоянно подвергавшійся наводненію съ одной стороны Унштрута, а съ другой стороны рѣки Гельме, которая впадаетъ близъ Артерна въ Унштрутъ. Можно сказать, что Артернъ расцвѣлъ вмѣстѣ съ его окрестностями и сдѣлался центромъ Гольдене Ауэ, какъ только былъ укрощенъ бушевавшій по временамъ Унштрутъ, и сила его теченія была распределена при помощи каналовъ для полезныхъ работъ на мельницахъ и фабрикахъ.

Въ Артернѣ большую часть населенія составляютъ крестьяне, имѣющіе ихъ поля въ окрестностяхъ города. Вслѣдствіе этого обстоятельства Артернъ, какъ курортъ, едва-ли имѣетъ будущность, такъ какъ, съ одной стороны, крестьяне Гольдене Ауэ имѣютъ хорошій достатокъ отъ сельскаго хозяйства и мало интересуются сдачей меблированныхъ комнатъ въ наемъ за такую цѣну, которая могла бы конкурировать съ цѣнами другихъ курортовъ, расположенныхъ въ болѣе бѣдныхъ мѣстностяхъ Германіи, съ другой стороны скученныя крестьянскія жилища не способствуютъ особенной чистотѣ воздуха, тѣмъ болѣе, что здѣсь же имѣются помѣщенія для домашнихъ животныхъ, а на маленькихъ дворикахъ непременно собирается и постоянно хранится куча навоза; по кучѣ навоза даже судятъ о богатствѣ крестьянина: „je grösser der Misthaufen, je reicher der Bauer“.

Богатые крестьяне, имѣющіе большіе участки земли, будучи не въ состояніи обрабатывать свои поля собственными силами, даже при помощи сельскохозяйственныхъ машинъ, имѣющихъ здѣсь широкое распространеніе, нанимаютъ рабочихъ, преимущественно поляковъ изъ Россіи.

Послѣднее время въ Артернѣ быстро развивается также обрабатывающая промышленность. Появились сахарные, пиво-

варенные заводы, фабрики сельскохозяйственных машинъ и строятся новыя фабричныя зданія для какихъ-то новыхъ предпріятій.

Центромъ общественной жизни мѣстной интеллигенціи и немногихъ пріѣзжихъ въ лѣтнее время служитъ чудный Курортный Паркъ (Kurpark) съ концертнымъ заломъ, на берегу рѣки Унштрута, лежащій во владѣніяхъ Королевской Солеварни (Königliche Saline). Здѣсь лѣтомъ даются два, три концерта въ недѣлю, или мѣстной музыкальной капеллой, или пріѣзжими оркестрами военной музыки. Въ этомъ же паркѣ расположенъ и Кургаузъ съ солеными ваннами.

Солеварни Артерна занимаютъ площадь десятиль въ десять, двѣнадцать и являются чуть ли не самыми большими солеварнями въ Германіи. Не говоря уже о солеварняхъ Франкенгаузена, которыя послѣднее время потеряли всякое значеніе, вслѣдствіе своихъ небольшихъ размѣровъ, но даже солеварни въ Дюрренбергѣ, Зульцѣ, Зальцунгенѣ и др. по своей величинѣ и по количеству добываемой ими соли уступаютъ солеварнямъ Артерна.

Въ началѣ прошлаго столѣтія соль въ Артернѣ добывалась изъ соленого источника, бьющаго ключемъ на новомъ Артернскомъ кладбищѣ, верстахъ въ двухъ отъ Артерна. Вода этого источника содержитъ лишь около 4 0/0 соли, поэтому она поступала сначала на градильни (Gradierwerke) для испаренія, и затѣмъ сгущенный такимъ образомъ растворъ соли подвергался испаренію въ солеварнѣ. Въ настоящее же время найдены залежи соли въ видѣ весьма сгущеннаго раствора на глубинѣ 30—40 саженой въ самомъ Артернѣ. Этотъ растворъ прямо поступаетъ въ солеварни, поэтому въ градильняхъ въ настоящее время нѣтъ надобности, и онѣ уничтожены.

Прежній соленый источникъ теперь служитъ лишь для ваннъ Кургауза. Вода этого источника идетъ по открытому каналу до Артерна, а черезъ Артернъ проходитъ по трубѣ до Кургауза. Зимой же, когда эта соленая вода не нужна

для ваннъ, она отводится передъ поступленіемъ въ городскую трубу по особому каналу на электрическій заводъ, и ея работа утилизируется для электрическаго освѣщенія въ городѣ; такимъ образомъ незамерзающій соленый растворъ источника смѣняетъ зимою замерзающія воды Унштрута при добываніи электричества, необходимаго для освѣщенія г. Артерна.

Каналь, по которому протекають воды соленого источника, въ свою очередь представляетъ большой научный интересъ для патуралистовъ: берега этого канала, пропитанные солью, обусловили произрастаніе совершенно особой флоры, непохожей на флору сосѣднихъ мѣстъ; такая флора, какъ мпѣ передавали тамошніе естествоиспытатели, имѣется только на солончакахъ донскихъ степей (по Манычу, притоку Дона). Кромѣ того на этихъ солончаковыхъ растеніяхъ появились также различныя насѣкомыя, бабочки, тоже весьма характерныхъ видовъ. Въ самой водѣ живетъ одинъ видъ весьма маленькой рыбки; эти рыбки плавають цѣлыми стаями въ совершенно прозрачной водѣ соленого источника. Такимъ образомъ, около канала соленой воды образовалось особое царство растеній и животныхъ, привлекающее многихъ естествоиспытателей и многія ученическія экскурсіи.

Кромѣ соленыхъ ваннъ въ Артернѣ можно имѣть также ванны съ углекислымъ газомъ, приготовляемымъ искусственно. Въ Артернѣ въ настоящее время нѣтъ градильни, но существуетъ особое помѣщеніе для вдыханія воздуха, насыщенная солью, это — такъ называемый „Inhalatorium“, устроенный по эмскому образцу: соляной растворъ при помощи пульверизаторовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе электричествомъ, разбрызгивается и наполняетъ всю комнату пылью соленой воды. При горловыхъ и грудныхъ заболѣваніяхъ посѣщеніе Inhalatorium'a весьма помогаетъ. Многіе педагоги, какъ я слышалъ, получили здѣсь исцѣленіе отъ послѣдствій сильнаго напряженія дыхательныхъ органовъ при классныхъ занятіяхъ.

Здѣсь имѣется также лѣчебница для дѣтей съ садомъ гораздо меньшихъ размѣровъ и далеко не такъ комфортабельно обставленная, какъ дѣтская лѣчебница въ Франкенгаузенѣ.

Цѣны на соленыя ванны въ Артернѣ гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ курортахъ: 24 ванны стоятъ 16 марокъ, а отдѣльно ванна стоитъ 85 пф.; каждое исцѣщеніе Inhalatorium'a стоитъ 30 пф.

Большимъ недостаткомъ курортовъ Франкенгаузена и Артерна служитъ отсутствіе въ нихъ градиленъ, такъ какъ вдыханіе пульверизованнаго соленаго раствора гораздо пріятнѣе на открытомъ воздухѣ, гдѣ можно пользоваться лѣченіемъ по цѣлымъ днямъ, чѣмъ въ душной комнатѣ, гдѣ съ трудомъ просидишь одинъ часъ въ день. Особенно замѣтно это неудобство для дѣтей, такъ какъ у градиленъ дѣти цѣлый день могутъ играть, пользуясь незамѣтно цѣлебными свойствами воздуха, содержащаго распыленный соленый растворъ, который разносится вѣтромъ съ градилями.

Директоръ солеварни въ Артернѣ, горный совѣтникъ (Bergrat) Воннебергъ, весьма заботящійся о процвѣтаніи курорта, предполагаетъ построить градильню специально для пациентовъ курорта. Благодаря энергіи г-на Воннеберга и его знацію курортнаго дѣла, всѣ учрежденія кургауза содержатся въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, а курортный паркъ непрестанно украшается новыми и новыми произведеніями садоваго искусства. Можетъ быть ему удастся улучшить и квартирный вопросъ въ Артернѣ, если будутъ построены квартиры въ самомъ паркѣ, на берегу Унштрута или нѣсколько выше на откосѣ горы, спускающейся къ Унштруту. Кажется, г. Воннебергъ имѣетъ въ виду постройку такихъ квартиръ въ недалекомъ будущемъ.

Изъ достопримѣчательностей г. Артерна надо указать: старинный замокъ графовъ ф. Мансфельдъ. Этимъ графамъ принадлежалъ Артернъ съ значительною частью окрестностей, а въ настоящее время все это составляетъ

собственность прусской короны. Затѣмъ, старинная церковь св. Vitus'a, старѣйшее зданіе въ Артернѣ, относится къ 8-му вѣку. О г. Артернѣ упоминается уже въ 785 г. — въ Breviarum св. Lullus'a онъ называется Aratora. Наконецъ, въ Артернѣ на Гарцовской улицѣ стоитъ домъ пра-дѣда знаменитаго нѣмецкаго поэта Гёте. Въ 17-мъ столѣтіи этотъ домъ принадлежалъ „подковныхъ и оружейныхъ дѣлъ мастеру“ Гансу Христіану Гёте. Сынъ этого мастера, дѣдъ поэта, родился здѣсь въ 1657 году 7-го сент.; онъ научился портняжному искусству и переселился въ Франкфуртъ на Майнѣ. Домъ Гёте уже давно перешелъ къ другимъ владѣльцамъ. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ передѣланъ и потерялъ свой первоначальный стиль.

Въ Артернѣ имѣется средняя сельскохозяйственная школа, два народныхъ училища съ 35-ью преподавателями, двѣ частныхъ школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, музыкальная школа директора городской капеллы. Въ эту осень предполагается къ открытію еще такъ называемое „Среднее училище“ (Mittelschule), т. е. училище съ новыми языками переходнаго типа къ реальному училищу, по программѣ равное низшимъ и среднимъ классамъ реального училища.

Въ Артернѣ двѣ церкви: одна лютеранская, другая католическая.

Весьма занимательную картину представляетъ Артернѣ въ лѣтніе вечера. Всѣ жители послѣ трудового дня высыпаютъ на улицу: старики и люди пожилые сидятъ у дверей съ своими длинными трубками, старухи и вообще замужнія женщины тоже здѣсь у дверей, или съ маленькими дѣтьми на рукахъ, или съ шитьемъ и вязаньемъ; молодые люди и дѣвушки гуляютъ возлѣ по тротуару, а дѣтвора въ возрастѣ отъ 3 до 12—14 лѣтъ положительно заполняетъ всю улицу, разбившись по группамъ и придумывая все новыя и новыя забавы.

Не только никакой ссоры или драки, но кажется положительно ничто не вноситъ диссонанса въ эту общественную

жизнь города, представляющего собою скорѣе одну большую, дружную семью. Какъ будто каждый старается быть предупредительнымъ къ другимъ, чтобы не испортить этихъ немногихъ минутъ отдыха (время съ 8-ми до 10 часовъ вечера), такъ какъ завтра опять предстоитъ трудовой день, у многихъ уже съ 4-хъ, 5-ти часовъ утра. Даже дѣти шестилѣтняго возраста не имѣютъ столько времени, чтобы пресытиться игрою и начать шалости злокачественнаго характера, потому что съ 7-ми до 11-ти час. утра и съ 2-хъ до 4-хъ послѣ обѣда они должны быть въ училищѣ, а остальное время или заняты заданными въ классѣ работами, или же помогаютъ родителямъ по хозяйству.

Только одинъ мѣсяцъ дѣти не посѣщаютъ школы, но эти каникулы приходится на самое горячее время полевыхъ работъ, и отдыхать приходится имъ еще меньше, чѣмъ въ учебное время, такъ какъ подростки помогаютъ родителямъ въ полевыхъ работахъ, а мелочь должна носить пищу изъ дому на поле, иногда за нѣсколько верстъ.

Такое радушное, предупредительное отношеніе другъ къ другу, такая патріархальность нравовъ высоко-культурныхъ обитателей Артерна образовались не сразу. Вѣдь человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животнаго, что онъ всему долженъ научиться, тогда какъ животное является на свѣтъ уже вполне предопредѣленнымъ и приспособленнымъ инстинктами къ своей несложной жизни. И жители Артерна, какъ и другихъ мѣстъ Германіи, дошли до современнаго культурнаго развитія не вдругъ, а постепенно — благодаря разумно организованному дѣлу народнаго образованія.

Каждый гражданинъ Германской Имперіи, за исключеніемъ очень больныхъ или слабоумныхъ, обязанъ обучаться въ народной школѣ по крайней мѣрѣ восемь лѣтъ — съ 6-ти до 14-ти лѣтняго возраста. Программа этого обязательнаго обученія равняется шести классамъ нашихъ гимназій, не считая, конечно, языковъ, но система обученія въ противоположность нашей преслѣдуетъ вполне опредѣленные прак-

тическія цѣли: предметы изучаются не въ отдѣльности, не для накопленія теоретическихъ знаній для самихъ знаній; нѣтъ, они изучаются въ органической связи, и все обученіе имѣетъ цѣлью дать воспитаннику, съ одной стороны, опытное знаніе природы (Erfahrung), съ другой — умѣніе жить въ обществѣ, обходиться съ людьми (Umgang).

Сто лѣтъ тому назадъ швейцарецъ Песталоцци, знаменитый реформаторъ народнаго обученія, сказалъ, что сообщеніе людямъ знаній безъ умѣнія есть большое зло. Его ученикъ и послѣдователь, знаменитый пѣмецкій философъ-педагогъ Гербартъ пошелъ еще дальше: онъ говоритъ, что и умѣніе еще не достаточно, а необходимо, чтобы обученіе у воспитанника образовало сильную волю и твердый религиозно-нравственный характеръ. Вотъ эти завѣты Песталоцци и Гербарта: обученіемъ дѣлать иодростающее поколѣніе умнѣе, нравственнѣе и человѣчнѣе, заложены въ основу народнаго образованія Германіи.

Воспитаніе дѣтей въ Германіи начинается еще до школьнаго возраста, съ 3-хъ до 6-ти лѣтъ, въ такъ называемыхъ Фрѣбелевскихъ дѣтскихъ садахъ. Здѣсь научаютъ дѣтей играмъ или занятіямъ, имѣющимъ цѣлью дать матеріалъ для развитія дѣтской фантазіи, но не въ отвлеченномъ направленіи, что приводитъ лишь къ дурнымъ шалостямъ, а въ практическомъ направленіи: эти игры готовятъ дѣтей къ школьному занятію мѣрой, счетомъ, формой предметовъ, цвѣтами, видами растений, животныхъ и т. д. Первые классы народной школы являются естественнымъ продолженіемъ Фрѣбелевскихъ дѣтскихъ садовъ.

Въ настоящее время особенно хорошо поставлено это дѣло, въ духѣ Фрѣбеля, въ Америкѣ и въ Англии, гдѣ дѣтскіе сады находятся въ рукахъ государства и существуютъ въ видѣ приготовительныхъ классовъ при народной школѣ.

Въ Германіи это дѣло составляетъ пока предпріятія коммерческаго характера. Но, тѣмъ не менѣе, идея дѣтскихъ садовъ ученика Песталоцци Фрѣбеля зародилась здѣсь въ Германіи, не далеко отъ Гольдене Ауэ, въ горахъ Тюрингіи. Здѣсь родился Фридрихъ Фрѣбель въ деревнѣ Обервейсбахъ на р. Шварцѣ (близъ Рудольфштадта), гдѣ его отецъ былъ пасторомъ. Здѣсь же сначала въ Гризгаймѣ, близъ Ильменау, а затѣмъ въ Кайльгау, близъ Рудольфштадта, Фрѣбель имѣлъ начальныя школы для дѣтей (съ 1816 по 1825). Здѣсь же въ Бланкенбургѣ (въ Тюрингіи) Фрѣбель основалъ впервые въ 1840 г. дѣтскій садъ въ его собственномъ смыслѣ. Въ 1851 г. послѣдовало со стороны прусскаго министерства запрещеніе Фрѣбелевскихъ дѣтскихъ садовъ въ провинціяхъ Пруссіи, мотивированное тѣмъ, что они способствуютъ развитію атеизма. Впрочемъ, слѣдующій 1852 г. принесъ Фрѣбелю вполне заслуженный триумфъ на общемъ съѣздѣ нѣмецкихъ учителей въ г. Готѣ, привѣтствовавшемъ Фрѣбеля, какъ своего гостя, съ большимъ энтузіазмомъ.

Послѣдніе годы своей жизни Фрѣбель жилъ въ замкѣ Маріенталь въ тюрингенскомъ курортѣ Либенштѣйнѣ; этотъ замокъ предоставилъ въ распоряженіе Фрѣбеля почитатель послѣдняго герцогъ ф. Саксенъ-Мейнингенъ.

Въ 1852 г., 17 іюля, борецъ за улучшеніе челоѣчества путемъ воспитанія молодого поколѣнія испустилъ свой духъ со словами: „Я христіанинъ“. Его тѣло похоронено на кладбищѣ близлежащей къ Либенштѣйну деревни Швайна, и на могилѣ водруженъ каменный памятникъ, который представляетъ кубъ, цилиндръ и шаръ — геометрическія формы, составляющія содержапія главныхъ игръ Фрѣбеля (Eröbelsche Spielgaben).

Я остановился здѣсь нѣсколько подробно на развитіи дѣла воспитанія дѣтей до-школьнаго возраста лишь потому, что оно зародилось въ Тюрингіи, вблизи Гольдене Ауэ,

составляющей главный предмет настоящей статьи. Излагать подробно сущность системъ Песталоцки и Гербарта, для школьнаго обученія народа, я воздержусь въ настоящее время, а посвящу имъ особую статью, въ которой придется указать еще на труды ихъ знаменитаго предшественника въ дѣлѣ народнаго обученія-воспитанія, нашего собрата-славянина Амоса Коменскаго, который уже за двѣсти лѣтъ до Песталоцки и Гербарта далъ прочныя основанія натуральному методу нагляднаго обученія-воспитанія.

Имя Коменскаго наряду съ Песталоцки и Гербартомъ, пользуется въ настоящее время большимъ почетомъ у нѣмецкихъ педагоговъ. Такъ, на примѣръ, на трудовые пфенниги, собранные въ видѣ добровольныхъ пожертвованій нѣмецкими народными учителями, въ Лейпцигѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, воздвигнута величайшая въ мірѣ Педагогическая Библіотека имени Амоса Коменскаго. Въ Берлинѣ для изученія этого „Колумба воспитательнаго обученія“, въ 1891 г., основано „Международное Общество Коменскаго“, издающее свой „Ежемѣсячникъ“ (Monatshefte). У насъ же въ Россіи знаменитый славянскій педагогъ многимъ изъ интеллигенціи не знакомъ даже по имени.

Я позволю себѣ только сказать нѣсколько словъ о Гербартѣ, который начинаетъ снова такъ сильно волновать умы нѣмецкихъ учителей и педагогическіе труды котораго выдвинули и развернули во всю ширь громадное значеніе математическихъ знаній для воспитательнаго обученія народа.

Уже у Песталоцки и Фрѣбеля большое значеніе имѣетъ наглядное представленіе математическихъ идей: мѣры, счета, формы предметовъ, гармоніи формъ и комбинаціи данныхъ предметовъ.

У Гербарта, въ его педагогикѣ, играютъ роль не только эти элементы математическихъ знаній, но еще болѣе его математико-психологическія изслѣдованія, раскрывающія

тотъ жизненный ритмъ души человѣка, съ которымъ въ мѣрномъ созвучіи должно находиться школьное обученіе, дабы не сдѣлаться беспочвеннымъ.

Мало того, все философское міровоззрѣніе Гербарта, не вмѣщавшееся ни въ рамки матеріализма-детерминизма, ни въ рамки отвлеченнаго идеализма, имѣло чисто математическія основанія и вытекало изъ его глубокаго пониманія сущности математическихъ знаній. Онъ не увлекался ни въ сторону детерминизма, ни въ сторону отвлеченнаго идеализма. Ему были слишкомъ ясны противорѣчія и того, и другого съ обыденными фактами, съ окружающею дѣйствительностію. Въ особенности въ его объясненіяхъ эстетическихъ стремленій человѣка сказывается въ немъ математикъ-недетерминистъ: красота, по его опредѣленію, вызывающая въ насъ произвольное и безкорыстное удовольствіе, зависитъ отъ формы предмета, а не отъ его содержанія, или же она зависитъ отъ отношенія предмета къ другимъ предметамъ; въ музыкѣ удалось отыскать тѣ численныя отношенія, которыя по неизвѣстной причинѣ доставляютъ намъ удовольствіе; подобный же ритмъ долженъ существовать и для всякаго изъ другихъ искусствъ. Этика по Гербарту составляетъ часть эстетики, и, слѣдовательно, въ ней тоже возникаетъ вопросъ о мѣрномъ ритмѣ нравственныхъ поступковъ.

Наконецъ, въ своей вступительной лекціи въ курсъ педагогики въ Гёттингенскомъ университетѣ Гербартъ опредѣленно говоритъ, что „поэзія и математика суть главнѣйшія орудія воспитательнаго обученія, потому что послѣднее лежитъ въ предѣлахъ развитія фантазіи и образованія твердаго характера.“

Всѣ эти воззрѣнія Гербарта, какъ философскія такъ и педагогическія, съ теоретической стороны находятъ себѣ оправданія въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Московской математической школы, о которыхъ я опубликовалъ уже нѣ-

сколько статей на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ 1). Общее направленіе всей философской системы Гербарта заключается въ понятіи ритмологическаго идеализма, столь законченно обработаннаго трудами Московской математической школы. И ритмологическая монадологія Н. В. Бугаева можетъ считаться въ нѣкоторомъ родѣ дальнѣйшей обработкой и усовершенствованіемъ теоріи реаловъ Гербарта.

Гербартъ въ своихъ сочиненіяхъ по метафизикѣ еще въ началѣ XIX столѣтія подходилъ къ понятію о прерывной математической законмѣрности 2) и повидимому чувствовалъ, что въ ней заключается возможность примирить нѣкоторыя антиноміи дѣйствительнаго міра, но окончательную обработку этотъ вопросъ о прерывной законмѣрности получилъ лишь въ концѣ XIX столѣтія въ трудахъ Московской математической школы и въ особенности въ трудахъ главы этой школы Н. В. Бугаева.

Нѣсколько страницъ 3) сочиненій Гербарта по метафизикѣ посвящены между прочимъ критикѣ стремленій французскаго химика Бертолле въ сочиненіи „Statique chimique“ механизировать химическія явленія и подогнать ихъ подъ шаблоны математическаго анализа. Мнѣ лично особенно дороги эти страницы, такъ какъ мнѣ самому пришлось

1) Die Mathematik als Grundlage der Kritik wissenschaftlich-philosophischer Weltanschauung. Jurjew. 1902.

Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія. 2-ое изд. Юрьевъ. 1904.

Ueber die Entwicklung der hõheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur- und Geisteswissenschaften. Vierteljahrsschrift für wiss. Philos. und Sociol. Bd. XXVIII. H. 1. 1904.

Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы. Юрьевъ. 1905.

N. W. Bugajew und die idealistische Probleme der Moskauer mathematischen Schule. Vierteljahrsschrift für wiss. Philos. und Sociol. Bd. XXIX, H. 3. 1905.

2) См. J. F. Herbart's sämthliche Werke, herausgegeben v. Hartenstein. Bd. IV. 3-er Absch. Leipzig. 1851.

3) Ibid. стр. 468—473.

подвергнуть критикѣ не только означенныя попытки Бертолле, но и попытки современныхъ физико-химиковъ, заключающіяся въ навязываніи химическимъ явленіямъ несвойственной имъ или, по крайней мѣрѣ, несущественной для нихъ непрерывной закономѣрности. Къ этой критикѣ привели меня мои изслѣдованія ¹⁾ о совпаденіи методовъ структурной теоріи химіи и символической теоріи инвариантовъ, обнаружившія съ полною очевидностью громадное значеніе аритмологическихъ методовъ математики для изслѣдованія химическихъ свойствъ матеріи.

Послѣ этихъ весьма краткихъ указаній главнѣйшихъ реформаторовъ современнаго обученія - воспитанія германскаго народа, поднявшихъ на значительную высоту какъ матеріальное благосостояніе такъ и развитіе общественности этого народа, мы вернемся снова къ добродушнымъ жителямъ Артерна, которыхъ мы оставили мирно наслаждающимися немногими минутами вечерняго отдыха послѣ трудового дня.

Въ воскресный день городъ Артернъ совершенно преображается и имѣетъ дѣйствительно праздничный видъ. Обыкновенно на воскресенье, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, упадаетъ годичный праздникъ какого-нибудь общества — фѣрэйна (Fest): общества добровольныхъ пожарныхъ, общества гимнастическаго, общества стрѣлковъ, общества воиновъ, пѣвческаго общества и т. д. Въ такомъ случаѣ, уже въ пять часовъ утра, члены фѣрэйна въ своихъ особыхъ костюмахъ съ различными значками и знаменемъ общества торжественно проходятъ по всѣмъ улицамъ города, предшествуемые оркестромъ музыки, которая играетъ маршъ или другую пьесу, сочиненную въ честь общества. Это торжественное шествіе называется „Grosse Reveille“ (Большая Заря).

1) См. „О совпаденіи методовъ формальной химіи и символической теоріи инвариантовъ“. Журналъ Русскаго Физ.-Хим. Общества. Т. 33, вып. 4. СПб. 1901.

Конечно, русскому человѣку не особенно пріятно, когда такое шествіе проходитъ въ пять часовъ утра подъ окнами и потревожитъ столь рано его крѣпкій російскій сонъ. Нѣмцы же почти всѣ на ногахъ и готовятся примкнуть къ этому шествію. Особенно молодежь приходитъ въ энтузіазмъ, и каждый подростокъ мечтаетъ, когда настанетъ его время сдѣлаться членомъ того или другого общества. Еще то обстоятельство поражаетъ русскаго человѣка, что при такихъ шествіяхъ собирается иногда толпа въ одну, двѣ тысячи человѣкъ, и, не смотря на полное отсутствіе полиціи, не происходитъ рѣшительно никакого безпорядка.

Совершивъ утреннее шествіе, члены общества расходятся по домамъ. Затѣмъ, къ часу или къ двумъ часамъ дня снова собираются въ саду одного изъ ресторановъ, по большей части въ просторномъ саду при „Домѣ Стрѣлковъ“ (Schützenhaus). Надо замѣтить, что даже въ небольшихъ городахъ Германіи имѣются такіе „Дома Стрѣлковъ“ съ тиромъ для стрѣльбы въ цѣль. Въ нихъ обыкновенно по извѣстнымъ днямъ недѣли собираются члены общества стрѣлковъ и часа два упражняются въ стрѣльбѣ изъ ружей въ цѣль.

Въ ресторанномъ саду собравшіеся члены общества проводятъ время съ двухъ часовъ дня до восьми вечера за кружкой пива, при чемъ играетъ оркестръ музыки и въ паузахъ кто-нибудь изъ членовъ говоритъ рѣчь на тему, приличествующую торжеству, или на безчисленныя нѣмецко-патріотическія темы. Здѣсь же присутствуютъ семьи членовъ общества, сидяція за особыми столами, при чемъ дамы и здѣсь не выпускаютъ изъ рукъ какой-нибудь ручной работы. Съ 8 до 12 часовъ устраиваются танцы, конечно, неизмѣнный вальсъ, въ обширномъ танцевальномъ залѣ, и этимъ заканчивается годичное торжество общества.

Кромѣ указанныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли пріятнаго времяпрепровожденія или физическаго упражненія, существуютъ въ Германіи также многія общества, преслѣ-

дующія цѣли научныя и педагогическія. Почти каждый нѣмецъ является любителемъ какой-нибудь отрасли знанія: одинъ фотографъ, другой коллекціонеръ растеній, третій коллекціонеръ насѣкомыхъ, четвертый занимается геологіей и палеонтологіей и т. д. Въ особенности нѣмецкіе народные учителя большіе любители составлять коллекціи по естественной исторіи.

Подобные любители той или другой отрасли знанія тоже образуютъ общества и часто устраиваютъ съѣзды для обмѣна мыслей и для сношеній по обмѣну дубликатовъ ихъ коллекцій. Нѣтъ ничего удивительнаго, что естествознаніе стоитъ такъ высоко въ Германіи, когда многія тысячи труженниковъ собираютъ усердно естествоисторическій матеріалъ по всѣмъ уголкамъ Германской Имперіи.

Мой квартирный хозяинъ г. Вагнеръ, имѣющій въ Артернѣ небольшую торговлю колоніальными товарами, состоитъ членомъ вольнаго пожарнаго общества и былъ даже продолжительное время предсѣдателемъ этого общества, съ другой стороны, онъ большой любитель составлять коллекціи бабочекъ и имѣетъ уже въ своихъ коллекціяхъ нѣсколько тысячъ различныхъ экземпляровъ. Онъ собираетъ бабочекъ вездѣ на прогулкахъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, что дѣлаетъ даже прогулку съ нимъ нѣсколько скучною, такъ какъ при ловлѣ бабочекъ почтенный натуралистъ-любитель ничего не видитъ и не слышитъ, кромѣ предмета своей страсти. Мало того, г. Вагнеръ собираетъ древесныхъ червей всякаго рода и въ особенно устроенныхъ банкахъ заботливо откармливаетъ ихъ для того, чтобы выведенныхъ изъ нихъ такимъ образомъ бабочекъ приколотъ въ ящикъ своихъ коллекцій. Вслѣдствіе этихъ своихъ занятій г. Вагнеръ состоитъ въ сношеніи по обмѣну дубликатами со многими натуралистами всѣхъ странъ свѣта и уже избранъ дѣйствительнымъ членомъ одного энтомологическаго общества.

Народные учителя образуютъ тоже фѣрейны мѣстаго

характера или же болѣе обширные союзы народных учителей всей Пруссіи, Саксоніи и т. д. Кромѣ того, дѣятельность различныхъ учительскихъ фѣрѣйновъ въ Германіи объединяется съѣздами, назначаемыми періодически въ различныхъ городахъ Германіи. Этою осенью предстоитъ такой общій съѣздъ, кажется, въ г. Дрезденѣ. Особенно любопытны фѣрѣйны народныхъ учителей въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ по близости большого города, какъ на примѣръ въ княжествѣ Штольбергъ. Тогда учителя нѣсколькихъ деревень составляютъ фѣрѣйнъ и избираютъ мѣстомъ своихъ собраній какой-нибудь деревенскій ресторанъ, лежащій приблизительно въ центрѣ всего района. Въ княжествѣ Штольбергъ такимъ мѣстомъ засѣданій учительскаго кружка служитъ отель-ресторанъ Ауэрбергъ, расположенный уединенно и весьма живописно въ горахъ, близъ вершины *Josephshöhe* въ пяти верстахъ отъ г. Штольберга. Сюда сходятся разъ въ мѣсяцъ учителя изъ г. Штольберга (всего ихъ семь) и учителя изъ близлежащихъ деревень; время проводятъ за неизмѣнной кружкой пива въ бесѣдахъ о своемъ дѣлѣ, при чемъ одинъ изъ членовъ кружка дѣлаетъ рефератъ по предмету своихъ педагогическихъ занятій и наблюденій. Надо, конечно, имѣть большую любовь къ своему дѣлу, чтобы въ бурную осеннюю погоду, въ вечернее время, послѣ пяти, шести уроковъ въ училищѣ предпринимать еще прогулку за пять верстъ на засѣданіе учительскаго кружка.

Народные учителя Пруссіи, кромѣ означенныхъ добровольныхъ ежемѣсячныхъ собраній, имѣютъ обязательное собраніе, одинъ разъ въ годъ для каждаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ пасторовъ, несущаго обязанности уѣзднаго школьнаго инспектора (*Kreis-schulinspektor*). На такое засѣданіе кто-нибудь изъ учителей получаетъ отъ уѣзднаго школьнаго инспектора порученіе разработать какой-либо вопросъ по педагогикѣ и сдѣлать о немъ докладъ. На примѣръ, въ одномъ изъ такихъ за-

сѣданій былъ заслушанъ и подвергался обсужденію докладъ о преподаваніи Закона Божія по способу формальныхъ ступеней Гербарта-Циллера.

Замѣчу здѣсь кстати, что народное образованіе въ значительной части Германіи, въ особенности въ деревняхъ и въ небольшихъ городахъ, находится подъ контролемъ духовенства въ слѣдующей послѣдовательности: мѣстный школьный инспекторъ (Ortsschulinspektor), это — мѣстный пасторъ; уѣздный школьный инспекторъ (Kreisschulinspektor), это — пасторъ уѣзднаго города; далѣе идетъ окружная комиссія духовныхъ и школьныхъ дѣлъ; наконецъ, министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (сюда же относятся и медицинскія дѣла), называемое Kultusministerium; въ этихъ двухъ послѣднихъ инстанціяхъ большимъ вліяніемъ пользуются различные заслуженные пасторы (Kirchenräte).

Эта опека со стороны духовенства надъ народной школой, по отзыву нѣмецкихъ учителей, является значительнымъ бременемъ, тормозящимъ нѣкоторыя благія начинанія нѣмецкихъ педагоговъ. Въ частности по отношенію къ педагогической системѣ Гербарта, эта опека значительно затормозила введеніе послѣдней въ школы Германіи, и лишь послѣднее десятилѣтіе система Гербарта начинаетъ проникать въ нѣмецкія народныя школы, хотя еще далеко не въ чистомъ видѣ ¹⁾. Но, можетъ быть, контроль народнаго образованія со стороны весьма просвѣщенныхъ лютеранскихъ пасторовъ, которые, всѣ безъ исключенія, имѣютъ высшее

1) Особенно сильно расходятся съ системою Гербарта программы первыхъ двухъ лѣтъ народной школы: по Гербарту полагается въ первый годъ (съ дѣтьми 6-ти лѣтнаго возраста) разучивать сказки Гримма, а во второй годъ — приключенія Робинзона. Пасторы же требуютъ съ самаго начала преподавать рассказы изъ Священной Исторіи, конечно, въ доступной для дѣтей формѣ. Одинъ народный учитель вслѣдствіе этого велъ съ своимъ сыномъ домашнее обученіе по Гербарту въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ, а затѣмъ опредѣлилъ мальчика въ школу и такимъ образомъ сдѣлалъ обходъ предписаній школьнаго начальства.

образованіе, полученное въ университетскихъ богословскихъ факультетахъ, предохраняетъ народныхъ учителей отъ излишнихъ увлеченій педагогическими теоріями. Надо прибавить, впрочемъ, что пасторы, стоя близко къ дѣлу народнаго обученія, во всякомъ случаѣ имѣютъ основательныя педагогическія свѣдѣнія, а нѣкоторые изъ нихъ даже выбились на пасторское поприще изъ тѣхъ же народныхъ учителей. Напримѣръ, мѣстный, онъ же и уѣздный, никольный инспекторъ въ г. Штольбергѣ былъ раньше народнымъ учителемъ, затѣмъ выдержалъ экзаменъ на учителя среднихъ училищъ (Mittelschule), посѣщалъ университетскіе курсы по богословскимъ наукамъ и, наконецъ, сдалъ экзаменъ на должность пастора; штольбергская консисторія пригласила его на открывшуюся въ ней вакансію пастора, имѣя въ виду именно его прошлую педагогическую дѣятельность въ качествѣ народнаго учителя, дабы поручить ему завѣдываніе школъ штольбергскаго княжества.

Не смотря на указанную опеку народнаго образованія со стороны пасторовъ, народные учителя имѣютъ возможность болѣе или менѣе примѣнять педагогическія теоріи, которыя они находятъ цѣлесообразными, такъ какъ училищные инспектора не входятъ во всѣ детали преподаванія. Напримѣръ, нѣкоторые учителя на такъ называемыхъ урокахъ нагляднаго обученія (Anschauungsunterricht), между прочимъ, разучиваютъ съ дѣтьми сказки Гримма, слѣдуя педагогической системѣ Гербарта. Наконецъ, подъ давленіемъ педагогическихъ обществъ и въ особенности подъ давленіемъ педагогическихъ съѣздовъ, министерство должно непрестанно уступать требованію времени, и вслѣдствіе этого послѣдніе берлинскіе учебные планы¹⁾ для народныхъ училищъ уже составлены подъ явнымъ вліяніемъ системы Гербарта.

Научные фѣрэйны, гимнастическіе и другіе фѣрэйны,

1) Grundlehrplan der Berliner Gemeindeschulen. Dritte Auflage. (см. въ § 3 „Das Lehrverfahren“). Breslau. 1903.

преслѣдующіе цѣли физическаго развитія или просто цѣли пріятнаго времяпрепровожденія, какъ было уже выше сказано, весьма распространены во всей Германіи. Эти союзы лицъ, имѣющихъ какіе-либо общіе интересы, несомнѣнно способствуютъ замѣчательному развитію общественности въ Германской Имперіи. Заложенные воспитательнымъ обученіемъ въ народной школѣ начала умѣнія обращаться съ людьми, жить общественной жизнью (Umgang) получаютъ свое полное развитіе и законченность въ этихъ фѣрѣйнахъ.

Кромѣ народныхъ училищъ во всѣхъ болѣе или менѣе культурныхъ центрахъ Германіи имѣются еще такъ называемыя Fortbildungsschule, посѣщеніе которыхъ обязательно въ теченіе трехъ и даже четырехъ лѣтъ для всѣхъ подмастерьевъ (Gesellen) всякаго ремесла. Въ этихъ школахъ (въ большихъ городахъ онѣ раздѣляются по спеціальностямъ) сообщаются чисто практическія свѣдѣнія о современномъ положеніи того или другого ремесла въ Германіи, о законахъ, касающихся этого ремесла, а также сообщаются вспомогательныя научныя знанія, необходимыя въ практикѣ того или другого ремесла. Уроки въ этихъ школахъ даются въ вечерніе часы, дабы они не препятствовали подмастерьямъ въ исполненіи ихъ прямыхъ обязанностей по мѣсту ихъ службы.

Вышеупомянутые добровольные фѣрѣйны можно причислить тоже къ разряду Fortbildungsschule, такъ какъ въ нихъ гражданинъ послѣ народной школы продолжаетъ учиться величайшему искусству — жить съ другими людьми общественной жизнью, вырабатывать практически, самую жизнь тѣ условія, которыя дѣлаютъ возможной общественную, а затѣмъ и государственную жизнь людей. Эти условія, этотъ ритмъ общественной жизни обладаетъ такою сложностью, что не вкладывается со всѣми своими деталями ни въ какую формулу, ни въ какую теорію. Только эмпирическій, индуктивный методъ отъ частнаго къ общему, отъ индивидуальности къ универсальности можетъ дать соціальному вопросу рѣшеніе, имѣющее твердую почву. Этотъ

методъ и заложенъ въ основу народнаго образованія Германіи, благодаря трудамъ великихъ реформаторовъ народнаго обученія: Амоса Коменскаго, Песталоцци и Гербарта.

Укажу еще одну характерную черту жителей не только Артерна, но и всѣхъ мѣстечекъ и городовъ Германіи, это — страсть къ небольшимъ загороднымъ прогулкамъ (*Ausflug ins Freie*) на чистый воздухъ, по возможности же въ лѣсъ. Такія прогулки совершаются всякій разъ, какъ только выпадетъ свободное время, напримѣръ въ воскресный день. Для подобныхъ прогулокъ имѣются всѣ удобства: вездѣ чудныя шоссе, усаженные по обѣ стороны тѣнистыми деревьями, хорошіе загородные рестораны, расположенные гдѣ-нибудь въ живописной мѣстности, въ лѣсу или въ паркѣ. Обыкновенно на прогулку выходятъ всею семьей и малыхъ дѣтей везутъ въ дѣтскихъ коляскахъ. Въ ресторанахъ по большей части требуется только пиво или кофе, а сѣстные продукты въ видѣ самыхъ разнообразныхъ бутербродовъ приносятся изъ дому.

Вблизи самого Артерна имѣется такое мѣсто для загородной прогулки — гора Вейнбергъ, съ сѣверной стороны города, защищающая Артернъ отъ холодныхъ вѣтровъ. Здѣсь имѣется хоропій ресторанъ, и по воскреснымъ днямъ играетъ музыка. Больше интереса представляютъ прогулки изъ Артерна, требующіе нѣсколькихъ часовъ ходьбы: въ г. Гельдрунгенъ, къ замку Саксенбургъ, въ деревни — Гехофенъ, Донндорфъ, въ гг. Вихе, Мемлебенъ и Росслебенъ, въ г. Франкенгаузенъ, въ г. Альштэдтъ, въ гг. Зангергаузенъ и Вальгаузенъ; впрочемъ, для этихъ прогулокъ можно также воспользоваться желѣзной дорогой. Нѣсколько дальше расположены: Киффгойзеръ, замокъ Ротенбургъ, г. Россла, г. Кельбра, деревня Штольбергъ-Ротлебероде, и наконецъ краса и гордость Нижняго Гарца — г. Штольбергъ, резиденція владѣтельнаго князя ф. Штольбергъ. Изъ мѣстъ, лежащихъ ближе къ Артерну, особенно живописно расположены: замокъ Саксенбургъ, часть котораго реставрирована

и сдается подъ ресторанъ, и замокъ въ г. Алынтэдтѣ, принадлежащій въ настоящее время великому герцогу ф. Саксенъ-Вэймаръ; этотъ замокъ служитъ послѣднему въ качествѣ охотничьяго замка (Jagdschloss).

По пути къ замку Саксенбургъ и къ г. Алыптэдтѣ приходится миновать много небольшихъ, но прекрасно устроенныхъ, на городской ладъ — съ мощеными улицами и тротуарами, деревень. Характерно здѣсь то, что въ каждой деревнѣ непремѣнно есть церковь и школа, хотя могли бы нѣсколько деревень имѣть одну церковь и одну школу, такъ какъ разстояніе въ одну, двѣ версты по хорошему шоссе не представляетъ затрудненій для сообщенія, даже въ дурную погоду. Вслѣдствіе своего хорошаго достатка жители этихъ деревень позволяютъ себѣ такую роскошь, какъ имѣть особую церковь для прихода въ нѣсколько десятковъ дворовъ и особую школу для двухъ, трехъ десятковъ дѣтей.

Хорошіи проповѣдникъ и хорошіи учителя составляютъ гордость каждой деревни, и одна деревня соперничаетъ въ этомъ дѣлѣ передъ другою, назначая хорошіе оклады пастору и учителю. Мнѣ говорили въ Артернѣ, что бывали случаи, когда лютеранскіе суперинтенденты (епископы) изъ небогатыхъ мѣстностей переходили въ деревенскіе пасторы въ Гольдене Ауэ. Кромѣ того, пасторы и народные учителя въ деревняхъ пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ. Богатый крестьянинъ считаетъ за величайшее счастье для себя, если удастся пристроить хоть одну изъ своихъ дочерей, выдавъ ее замужъ за пастора или учителя. Учительская и пасторская должность являются также идеаломъ всѣхъ мечтаній крестьянъ-юношей, желающихъ оставить отцовскіе пенаты и продолжать свое образованіе дальше за предѣлами народной школы.

Вообще, благодаря народному образованію, къ которому ближе всего стоятъ и въ которомъ имѣютъ много общихъ интересовъ пасторы, учителя и крестьяне, въ результатѣ

получается то, что эти три сословія въ Германіи тѣсно объединены между собою и образуютъ такъ называемый „троственный союзъ“ (Breibund), съ которымъ приходится считаться всѣмъ другимъ силамъ Германской Имперіи.

Самою излюбленною прогулкою не только для жителей Артерна, но и для всего окрестнаго населенія служить путешествіе, требующее цѣлый день времени, къ Памятнику Киффгойзеръ.

Къ этому памятнику отъ Артерна можно дойти и пѣшкомъ, кратчайшимъ путемъ черезъ деревню Тилледа, что потребуетъ въ одинъ копецъ часа три времени, при скорой ходьбѣ. Но обыкновенно соединяютъ прогулку къ памятнику Киффгойзеръ съ посѣщеніемъ курорта Франкенгаузена, и въ такомъ случаѣ лучше доѣхать по желѣзной дорогѣ до Франкенгаузена и оттуда подняться на Киффгойзеръ, а на обратномъ пути посѣтить еще Пещеру Барбароссы. Если соберется человѣкъ 10—12 знакомыхъ, то лучше всего нанять экипажъ, въ видѣ омнибуса, на цѣлый день за 20—23 марки.

Весьма крупное культурно-историческое событіе изображаетъ символически Памятникъ Киффгойзеръ, и его колоссальные размѣры прекрасно гармонируютъ со значеніемъ этого событія.

Особенно удачно выбрано мѣсто для символическаго представленія высокаго развитія общественности у нѣмецкой націи, закончившемся ея объединеніемъ въ одно государство. Для знающаго хотя немного исторію далекаго прошлаго этого края, гдѣ столь много было пролито слезъ и крови въ междуусобныхъ распряхъ, въ силу контраста, особенно рельефно вырисовывается теперешнее высокое развитіе какъ матеріальнаго благосостоянія такъ и общественной жизни у нѣмецкаго народа, наглядными доказательствами, чего, съ одной стороны, служитъ растилающаяся передъ Памятникомъ Киффгойзеръ — Гольдене Ауэ, а съ другой — самъ Памятникъ Объединенія германскихъ народностей.

Далекое прошлое Тюрингена, междуусобіе феодаловъ котораго и рабское состояніе ихъ сельскаго населенія такъ живо передаются нѣмецкими народными сказаніями (Sage), и контрастъ этого прошлаго съ настоящимъ экономическимъ и государственнымъ строемъ объединенной Германской Имперіи невольно возникаютъ въ душѣ каждаго, при видѣ двухъ человѣческихъ изображеній на памятникѣ Киффгойзеръ : сидящаго въ пещерѣ, въ глубокомъ снѣ, Фридриха Барбароссы, пробужденіе котораго народъ ждалъ многія столѣтія въ упованіи, что любимый императоръ освободитъ его отъ рабства, нищеты и произвола феодаловъ, и величественную фигуру разбуженнаго культурными силами нѣмецкаго народа Фридриха Барбароссы — въ видѣ Императора Вильгельма I.

Если даже на иностранца Памятникъ Киффгойзеръ и вся окружающая его обстановка производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе, то вполне понятны чувство восторга и безграничный энтузіазмъ нѣмецкихъ гражданъ, во всякое время года, даже зимою, стекающихся къ этому безмолвному великану, свидѣтельствующему столь наглядно о величайшемъ твореніи нѣмецкаго гениа и его культуры — объ объединеніи многихъ автономныхъ германскихъ государствъ въ одно стройное цѣлое.

Жители Артерна даже по нѣскольку разъ въ годъ посѣщаютъ памятникъ Киффгойзеръ, дабы получить высокое наслажденіе въ удовлетвореніи чувства національной гордости.

Именно стремленіе удовлетворить чувству національной гордости влечетъ сюда каждаго нѣмца. А это чувство сильно развито у него пиколою. Уже въ начальной школѣ, благодаря системѣ воспитательнаго обученія, нѣмецъ получаетъ возможность не только изучить, но и пережить всѣ историческія событія родной земли, научается входить въ духовное общеніе съ тѣми историческими лицами (по Гербарту — *Umgang und Theilnahme*), которыя участвовали въ этихъ событіяхъ. Вслѣдствіе этого Памятникъ Кифф-

гойзеръ вызываетъ въ душѣ нѣмца весь контрастъ прежняго и настоящаго состояшя его дорогого отечества, наглядно изображаетъ ему все торжество его родной культуры надъ всѣми превратностями судьбы его родины.

Читателю этого скромнаго очерка плодовъ воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта станетъ еще понятнѣе вся разница, весь контрастъ прежняго и настоящаго состояшя описываемыхъ мною мѣстъ, если ко всему вышесказанному присоединить краткій очеркъ далекаго прошлаго главныхъ городовъ и мѣстечекъ на пространствѣ Гольдене Ауэ. Въ этомъ послѣднемъ очеркѣ, къ изложенію котораго я сейчасъ же приступаю, придется коснуться между прочимъ и развитія школьнаго дѣла въ Гольдене Ауэ въ теченіе періодовъ средней и новой исторіи.

Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ въ эпоху среднихъ вѣковъ. Школы въ Росслебенѣ, Донндорфѣ и Пфортѣ.

Городъ Артернъ приобрѣлъ значеніе лишь послѣднее время, благодаря канализаціи грандіозныхъ размѣровъ въ его окрестностяхъ и быстро растущему развитію его промышленности. Онъ не имѣетъ почти никакого историческаго значенія ни въ средше, ни въ новые вѣка, хотя принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Гольдене Ауэ.

Наиболѣе крупное историческое значеніе имѣли четыре города: Альштэдтъ, Вальгаузенъ, Тилледа и Мемлебенъ, въ которыхъ находились замки-дворцы (Pfalz) саксонскихъ и франконскихъ императоровъ.

Городъ Альштэдтъ съ его древнѣйшимъ замкомъ, живописно расположеннымъ на высокой горѣ, былъ любимѣйшимъ мѣстомъ пребывающаго императора Оттона II уже съ 974 года. Здѣсь, въ этомъ замкѣ, рѣшались весьма

многія важныя дѣла, и многіе историческіе документы перво-степенной важности отсюда имѣютъ свое происхожденіе. Въ настоящее время Альштэдтъ, какъ было уже выше сказано, принадлежитъ великому герцогу ф. Саксенъ-Веймаръ и служитъ для послѣдняго мѣстомъ пребыванія во время охоты въ богатыхъ вновь посаженными лѣсами окрестностяхъ города. Новая часть замка выстроена лишь въ XVIII столѣтіи.

Замокъ расположенъ на довольно высокой горѣ падъ городомъ. Изъ него открывается чудный видъ на самый городъ, а также на среднюю и южную часть Гольдене Ауэ.

На концѣ юго-западной части города находятся остатки Вишпрехтовой часовни, которая перестроена въ жилой домъ. Колокольная этой церкви еще сохранилась и служитъ украшеніемъ города. Эта колокольная имѣетъ то историческое значеніе, что изъ ея звонарныхъ оконъ въ 1525 г. держалъ къ народу свои горячія рѣчи, призывая къ возстанію противъ притѣснителей-феодаловъ, знаменитый предводитель крестьянъ священникъ Томасъ Мюнцеръ. Крестьянская война, вспыхнувшая вслѣдствіе пропаганды Мюнцера и его сотрудниковъ, въ этомъ же году охватила не только Гольдене Ауэ, но всю Тюрингію, Франконію, Саксонію, Баварію, Эльзасъ и Лотарингію. Въ Альштэдтъ Мюнцеръ имѣлъ собственную типографію для распространенія своихъ сочиненій и воззваній. Но когда его дѣятельность уже произвела значительное возбужденіе среди крестьянъ, то ему пришлось въ ночь убѣжать изъ Альштэдта и искать убѣжища въ г. Мюльгаузенѣ у верховьевъ Унштрута, гдѣ онъ соединился съ другимъ вождемъ народа Пфейферомъ. Отсюда — изъ Мюльгаузена началось возстаніе тюрингенскихъ крестьянъ, кончившееся весьма трагически у города Франкенгаузена.

Городъ Вальгаузенъ былъ основанъ императоромъ Оттономъ I-мъ, который имѣлъ здѣсь въ выстроенномъ имъ дворцѣ свою резиденцію, съ нѣкоторыми перерывами,

съ 950 г. по 961 г. Меньше продолжительно жили здѣсь императоры: Оттонъ II, Оттонъ III, Генрихъ II, Конрадъ II, Генрихъ III и Генрихъ IV.

Деревня Тилледа упоминается въ историческихъ документахъ уже въ девятомъ вѣкѣ. Въ концѣ десятаго вѣка императоръ Оттонъ II предназначилъ Тилледу вмѣстѣ съ Нордгаузеномъ для вдовьяго наслѣдства своей супруги Теоѳаніи. Здѣсь имѣли свои резиденціи императоры: Конрадъ II въ 1036 г., Генрихъ III въ 1041 г. и Генрихъ VI въ 1194. Уже въ 976 г. это мѣстечко обладало правомъ чеканить свою монету и имѣть рынки. Въ 1718 г. Тилледа была совершенно уничтожена пожаромъ, и ея многія историческія достопримѣчательности исчезли.

Для охраны императорскихъ замковъ-дворцовъ въ Тилледѣ и Вальгаузенѣ служили укрѣпленные замки Киффгойзеръ: верхній замокъ (Oberburg) и нижній замокъ (Unterbург). Время постройки этихъ укрѣпленій не извѣстно; нѣкоторые склонны относить ихъ къ глубокой древности. Эти замки были разграблены въ 1076 г. саксонцами и тюрингенцами, а затѣмъ въ 1118 г., послѣ трехлѣтней осады, были снова разграблены тюрингенцами подъ предводительствомъ ландграфа Людвига. При императорѣ Рудольфѣ Габсбургскомъ Киффгойзеръ является императорскимъ замкомъ, и въ 1281 г. былъ подаренъ императоромъ графу Фридриху фонъ Бэйхлингенъ. Около половины XIV столѣтія Киффгойзеръ переходитъ уже къ графамъ фонъ Шварцбургъ и въ ихъ владѣніи находится по настоящее время.

Уже въ началѣ XVI-го вѣка замки Киффгойзеръ являются какъ развалины. Около этого времени сложилось народное сказаніе о томъ, что Императоръ Фридрихъ Барбаросса сидитъ гдѣ-то въ пещерѣ въ горахъ Киффгойзеръ въ глубокомъ снѣ. Поводомъ этого сказанія послужило то обстоятельство, что смерть Фридриха Барбароссы, тонувшаго въ 1190 г. во время третьяго крестоваго похода,

долго оставалась неизвѣстной въ Сѣверной Германіи. Въ 1262 г. и 1284 г. появлялись лица, выдававшія себя за Фридриха Барбароссу, и находили приверженцевъ изъ народа. Одного изъ нихъ — Тило Калиго императоръ Рудольфъ приказалъ сжечь.

Въ 1546 г. въ развалинахъ замковъ Киффгойзеръ появился снова Барбаросса, и народъ сталъ массами стекаться къ нему. Это былъ одинъ сумасшедшій портной изъ г. Лангензальца, по имени Леопольдъ. Когда паломничество народа къ новому Барбароссѣ стало слишкомъ ужъ велико, графъ Гюнтеръ ф. Шварцбургъ велѣлъ поймать сумасшедшаго и посадить его въ заточеніе. Народъ же думалъ, что исчезнувшій императоръ снова ушелъ въ свою пещеру.

Для окрестныхъ жителей Киффгойзеръ служить предсказателемъ погоды: если его вершина покрыта туманомъ, то будетъ дурная погода. (Wenn steht Kaiser Friedrich ohne Hut, ist das Wetter schön und gut; ist er mit dem Hut zu sehn, wird das Wetter nicht bestehn).

Наконецъ, четвертый императорскій пфальць былъ въ городѣ Мемленѣ, расположенномъ у нижняго теченія Унштрута. Этотъ городъ упоминается уже въ восьмомъ вѣкѣ въ Breviarum'ѣ святого Lullus'a, гдѣ онъ называется „Mimelebo“.

Здѣсь сначала устроили свою резиденцію саксонскіе герцоги, а затѣмъ и саксонскіе императоры избирали этотъ городъ своимъ мѣстопробываніемъ, вѣроятно вслѣдствіе спокойнаго живописнаго положенія города и вслѣдствіе удобныхъ для охоты его окрестностей. Этимъ мѣстомъ помѣчены многіе историческіе документы, подписанные императоромъ Генрихомъ I Птицеловомъ и его сыномъ императоромъ Оттономъ I. Здѣсь же умерли эти два императора: первый умеръ 2 іюля 936 г. и погребенъ въ Кведлинбургѣ, а второй 7 мая 973 г. и погребенъ въ Магдебургѣ.

Императрица Матильда, супруга Генриха I-го, по-

строила здѣсь монастырь Бенедиктинцевъ, который былъ обращенъ императоромъ Оттономъ II-мъ и его супругой Теофаніей въ аббатство. Этотъ монастырь былъ посвященъ Св. Троицѣ и Дѣвѣ Маріи.

Въ этомъ монастырѣ императоръ Оттонъ I предполагалъ отпраздновать Троицынъ День и прибылъ въ Мемлебенъ въ воскресенье за недѣлю до Троицы, но во вторникъ онъ умеръ отъ удара.

Монахи этого монастыря вскорѣ же начали вести веселую жизнь, такъ что его аббатъ Рейнгардтъ въ 1016 былъ даже отставленъ отъ должности.

Монастырь имѣлъ весьма много имѣній. Когда съ реформаціей монастырь опустѣлъ, то курфюрстъ Мориць въ 1551 г. приписалъ монастырскія имѣнія къ княжескому училищу Шулпфорта (Schulpforta) у г. Наумбурга, за которымъ они числятся и по сіе время.

Отъ императорскаго дворца въ Мемлебенѣ остались лишь развалины стѣнъ, къ которымъ можно пройти черезъ особыя ворота. Отъ монастыря же остался лишь одинъ домъ, въ которомъ жилъ послѣдній настоятель монастыря Вольфгангъ Краке съ двумя монахами, не пожелавшими его покинуть; впрочемъ, вскорѣ одинъ изъ монаховъ обнаружилъ желаніе жениться и долженъ былъ покинуть монастырское зданіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь, стояла прежде монастырская лекторія.

Противъ Мемлебена, по другую сторону Унштрута, на горѣ весьма живописно расположенъ замокъ Вендельштѣйнъ, который когда-то служилъ защитою императорскаго пфальца въ Мемлебенѣ, подобно тому какъ Киффгойзеръ защищалъ пфальць Тилледу. Этотъ замокъ былъ выстроенъ графами ф. Вэймаръ около 1332 года. Затѣмъ, онъ перешелъ во владѣніе дворянъ ф. Гельдрунгенъ, а отъ нихъ къ графамъ ф. Кверфуртъ. Съ начала XV в. по XVII в. замкомъ владѣла дворянская фамилія ф. Витцлебенъ. Въ это время замокъ былъ ограбленъ два раза:

одинъ разъ въ такъ называемую „братскую войну“, другой разъ въ тридцатилѣтнюю войну — въ 1637 г. былъ взятъ шведами послѣ четырехдневной блокады. Въ настоящее время Вендельштейнъ принадлежитъ прусскому правительству.

Въ разстояніи полчаса ходьбы отъ Мемлебена, вверхъ по Унштруту, расположена деревня Росслебенъ, уже давно славящаяся своей школой.

Тамъ, гдѣ теперь школа, въ 1192 г. былъ выстроень графомъ Людвигомъ ф. Виппра и его супругой Матильдой женскій монастырь. Затѣмъ, въ началѣ XV в. этотъ монастырь перешель во владѣніе дворянъ Витцлебенъ ф. Вендельштейнъ. Въ 1525 г., во время крестьянской войны, монастырь былъ разрушенъ возставшимъ народомъ, и погибло много интересныхъ историческихъ документовъ.

Съ наступленіемъ реформаціи, находившіяся въ монастырѣ 12 монахинь съ настоятельницей Варварой ф. Витцлебенъ оставили монастырь. Тогда Генрихъ Витцлебенъ ф. Вендельштейнъ въ 1554 г. основалъ въ монастырскихъ здаціяхъ съ разрѣшенія курфюрста Августа училище съ 18 мальчиками. Школьные правила были выработаны знаменитымъ ректоромъ княжескаго училища въ Мэйссенѣ Георгомъ Фабриціусомъ. Первымъ ректоромъ былъ назначенъ Исаакъ Фаустъ.

Школа въ Росслебенѣ сначала быстро процвѣла и расширилась, но вскорѣ должна была испытать рядъ ударовъ судьбы. Въ 1597 г. она была закрыта вслѣдствіе свирѣпствовавшей въ тѣхъ мѣстахъ эпидеміи. Затѣмъ, она много пострадала и даже была приведена въ бездѣятельное состояніе въ тридцатилѣтнюю войну. Наконецъ, 2-го апрѣля 1686 г., вслѣдствіе неосторожнаго обращенія одной изъ ея прислугъ съ огнемъ, въ немъ произошелъ пожаръ, который уничтожилъ не только училище, но почти всю деревню и одну изъ лучшихъ церквей Тюрингіи. Только въ 1742 г. школа стала снова функціонировать съ однимъ учителемъ и четырьмя учениками. Вслѣдствіе своего быстрого раз-

витія она вскорѣ получила хорошо устроенное зданіе, въ которомъ школа помѣщается и въ настоящее время.

Въ разстояніи одного часа ходьбы отъ Росслебена расположена деревня Донндорфъ, принадлежащая дворянскому роду ф. Вертернъ. Здѣсь также имѣется весьма древнее воспитательное заведеніе, которое помѣщается въ монастырскомъ зданіи. Этотъ монастырь былъ основанъ въ 1250 г. графинею ф. Кефернбургъ, съ разрѣшенія императора Конрада, и предназначался для монахинь изъ дворянъ. Въ 1561 г. умерла послѣдняя монахиня Фелицита Гакина, и монастырское зданіе было приспособлено для воспитательнаго учрежденія старшіями трехъ братьевъ: Христофора, Георга и Генриха ф. Вертернъ.

Воспитательное заведеніе Донндорфа сначала предназначалось только для живущихъ въ немъ мальчиковъ до 13-ти лѣтняго возраста, которые получали бесплатно квартиру, пищу и обученіе. Нѣсколько позже туда стали принимать и приходящихъ за извѣстную плату.

Въ 1803 г. обергофрихтеръ ф. Вертернъ завѣщаль школъ 30 тысячъ талеровъ; проценты съ этого капитала предназначались для найма новыхъ учителей и учрежденія шести бесплатныхъ ученическихъ мѣстъ. Двоюродная сестра умершаго положила капиталъ, проценты съ котораго частью (400 талеровъ) шли на школу въ Донндорфъ и частью на восемь стипендій для мѣстныхъ уроженцевъ, желавшихъ поступить въ Лейпцигскій университетъ.

Школѣ въ Донндорфѣ, кромѣ многихъ капиталовъ, принадлежало прекрасное имѣніе и большой лѣсъ. Но въ прежнія времена она не однократно подвергалась разграбленію во время войнъ, особенно въ тридцатилѣтнюю войну, а въ 1710 г. сильно потерпѣла отъ случившагося въ ней пожара.

Монастырская церковь около ста лѣтъ простояла въ разрушенномъ видѣ, а въ 1754 г. была снова отдѣлана и освящена. Въ деревнѣ имѣется еще кромѣ того и другая церковь.

Наконецъ, остановимся еще на одномъ мѣстѣ, имѣющемъ историческое значеніе.

Цѣпь горъ, идущая вдоль рѣки Виппера и называемая Гайнлайте (Die Hainlaite), даетъ при впадѣніи Виппера въ Унштрутъ съ противоположащею по другую сторону Унштрута цѣпью горъ Шмюкке (Die Schmücke) узкій проходъ. Черезъ этотъ проходъ шла въ прежнее время весьма важная для торговыхъ сношеній съ Тюрингіей дорога изъ Эрфурта въ Магдебургъ, и проходъ поэтому назывался Тюрингенскими Воротами (Thüringer Pforte).

Надъ Тюрингенскими Воротами на склонахъ горъ Гайнлайте возвышаются развалины двухъ замковъ Саксенбургъ. Верхній замокъ (Oberburg), впрочемъ, послѣднее время реставрированъ и въ немъ помѣщается ресторанъ, весьма хорошо посѣщаемый потому, что отсюда открывается великолѣпный видъ съ одной стороны на Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ, а съ другой — на всю группу тюрингенскихъ горъ: въ дали на горизонтѣ видны вершины Вартбургъ, Инзельбергъ и другія.

Верхній замокъ былъ выстроенъ вѣроятно въ началѣ VI-го вѣка во время войны саксонцевъ и франковъ съ тюрингенскимъ королемъ Германфридомъ и служилъ пограничною крѣпостью для Саксонцевъ. Унштрутъ былъ границей между владѣніями саксонцевъ и тюрингенцевъ.

Въ XI-мъ вѣкѣ замокъ принадлежалъ графу Отто ф. Орламюнде, сдѣлавшемуся въ 1062 г. маркграфомъ Тюрингіи, который далъ его въ приданое своей дочери Адельгейдѣ, вышедшей замужъ за графа Альбрехта ф. Балленштэдтъ. Потомству послѣдняго замокъ принадлежалъ еще въ 1320 г. Затѣмъ, являются графы ф. Гогенштэйнъ какъ совладѣльцы этого замка, а въ 1353 г. замокъ переходитъ къ графу Германну ф. Бэйхлингенъ.

Всѣ эти владѣльцы держали здѣсь старость (Voigte), которымъ было подчинено все населеніе замка. Бли-

зость замка къ важному торговому тракту соблазняла старость заниматься грабежомъ идущихъ по дорогѣ транспортовъ, и такимъ образомъ замокъ Саксенбургъ сдѣлался однимъ изъ многихъ въ то время въ Тюрингii „разбойничьихъ замковъ“ (Raubschloss). Хотя въ 1234 г. ландграфъ Генрихъ Распе разрушилъ этотъ замокъ, тѣмъ не менѣе послѣ реставраціи разбойничій промыселъ послѣдняго продолжалъ процвѣтать. Въ 1249 г. Генрихъ Свѣтлѣйшій, заключивъ въ Вайссенфельзѣ съ тюрингенскими сословіями (thüringische Stände) договоръ, опредѣлилъ по этому договору, чтобы разбойничьи замки Саксенбургъ и Витценбургъ (близъ Мемлебена) были разрушены. Затѣмъ, въ 1290 г. между шестьюдесятью замками, разрушенными императоромъ Рудольфомъ Габсбургскимъ съ цѣлью прекращенія ихъ междуусобиць, находился также и замокъ Саксенбургъ. Но вскорѣ, во время войны ландграфа Альбрехта Негоднаго (Albrecht der Unartige) съ своими сыновьями Фридрихомъ и Дитцманомъ, замокъ Саксенбургъ является снова военною крѣпостью.

Въ XV-мъ столѣтіи оба замка Саксенбургъ принадлежали герцогамъ саксонскимъ. Въ 1561 г. герцогъ Іоаннъ Фридрихъ подарилъ верхній замокъ вмѣстѣ съ деревнею Канневурфъ, лежащею вблизи на самомъ берегу Виппера, Гансу ф. Бенделобенъ. И въ настоящее время верхній замокъ принадлежитъ къ дворянскому имѣнію Канневурфъ. Нижній замокъ съ деревнями Саксенбургъ, Горслебенъ, Гриффштэдтъ, Бильцингслебенъ, Бюхель и Этцлебенъ уже съ 1507 г. составляетъ собственность курфюршества саксонскаго. Въ 1785 г. совершилъ восхожденіе на гору къ замку Саксенбургъ курфюрстъ, а въ послѣдствіи король саксонскій Фридрихъ Августъ.

Весь этотъ очеркъ историческихъ событій на пространствѣ теперешней Гольдене Ауэ, весь этотъ калейдоскопъ мелкихъ и болѣе крупныхъ феодаловъ, находившихся между собою въ постоянныхъ распряхъ, даетъ уже нѣкоторое пред-

ставленіе о страшныхъ угнетеніяхъ, какимъ подвергался простой народъ, подвластный этимъ феодаламъ. И дѣйствительно, вся тягость непрерывно тянувшихся междуусобныхъ войнъ феодаловъ ложилась тяжкимъ бременемъ на крестьянское населеніе. Вѣдь послѣднее изъ своей среды поставляло воиновъ подъ рыцарскія знамена, оно же платило крупныя подати для содержанія этихъ воиновъ и покрывало почти всѣ расходы по веденію междуусобныхъ рыцарскихъ войнъ. А въ концѣ концовъ крестьянское же имущество подвергалось разграбленію какъ со стороны чужихъ, такъ зачастую и своихъ войскъ.

Угнетеніе крестьянъ еще болѣе усилилось къ концу XIV вѣка, когда въ жизнь дворянства стало проникать стремленіе къ роскоши.

Роскошь проникла въ рыцарскіе замки изъ большихъ городовъ. Послѣдніе въ это время достигли своего замѣчательнаго процвѣтанія вслѣдствіе развитія торговли. Ярмарки, сеймы и княжескіе съѣзды давали городамъ между прочимъ случаи показывать богатство и роскошь своихъ гражданъ. Такъ какъ запросы духовной жизни были весьма ничтожны, то всѣ средства тратились на внѣшній блескъ, роскошь нарядовъ, шляпъ, плащей, на украшенія изъ золота, жемчуга и. т. д. Особенно блистали своими нарядами изъ бархата, дамаса и атласа, съ обшивками изъ соболя и горноста — горожанки.

Рыцари, пріѣзжавшіе въ города съ своими семьями, вполнѣ естественно стали стремиться не только сравняться съ бюргерами роскошью нарядовъ, но даже старались перещеголять ихъ. За всю роскошь дворянскихъ фамилій крестьяне были единственными плательщиками. Такъ какъ дворянскія имѣнія давали сравнительно малые доходы, то приходилось или притѣснять крестьянъ несообразными оброками и податями, или продавать и закладывать имѣнія евреямъ, монастырямъ и горожанамъ. Такимъ образомъ многіе дворянскіе роды пришли въ окончательное разстройство.

Изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія окончательно потрясло мощь и денежные средства рыцарей, потому что укрѣпленіе замка стало стоить гораздо дороже, чѣмъ раньше.

Наконецъ, вслѣдствіе земскаго мира и имперскихъ законовъ, ограничившихъ распри и грабежи рыцарей, рыцарство потеряло главный источникъ своихъ доходовъ — грабежъ богатыхъ городовъ и селеній.

Всѣ эти обстоятельства заставили постепенно дворянъ заняться наукой, а также сельскимъ хозяйствомъ на раціональныхъ началахъ. Впрочемъ, такихъ благоразумныхъ дворянъ сначала было весьма немного. Большинство же продолжало все сильнѣе выколачивать оброки и подати изъ своихъ крестьянъ, для удовлетворенія своихъ все болѣе и болѣе растущихъ стремленій къ роскоши и наслажденіямъ.

Отстаивать свои права крестьянину не было никакой возможности, потому что суды обыкновенно держали сторону дворянъ. Въ особенности введеніе римскаго права вредно отозвалось на крестьянъ. Съ конца XV в. при дворахъ и въ судахъ государей доктора правъ судили по римскому праву, совсѣмъ не зная и игнорируя древнее германское право и германскіе обычаи. Они обращали, исходя изъ римскихъ правоотношеній, не только отдѣльныхъ лицъ, но даже цѣлыя общества изъ свободнаго въ несвободное состояніе.

Поэтъ-сатирикъ Т. Мурнеръ въ стихотвореніи „Плутовская пошлина“ такъ характеризуетъ юристовъ того времени:

Es ist ein Volk, das seyndt Juristen,
wie seyndt mir das so sölliche Christen!
Sie thunt das Recht so spitzig bügen
und können's wo man will hinfügen —
Barnach wirt Recht fälschlich Oknrecht;
das machet manchen armen Knecht 1).

1) Вотъ каковъ народъ эти юристы; мнѣ кажется, что они плохіе христіане! Они хитро гнутъ право и могутъ примѣнить его, гдѣ угодно — черезъ эту ихъ фальшь право дѣлается неправомъ; и это многихъ сдѣлало рабами.

Всѣ изложенныя мною здѣсь въ краткихъ чертахъ причины чрезвычайно тяжелаго положенія нѣмецкихъ крестьянъ въ средніе вѣка подготовили великое народное движеніе къ началу XVI столѣтія, закончившееся крестьянской войной и Лютеранской реформаціей. Эти послѣднія событія сдѣлали переломъ всего феодальнаго строя Германіи: они заставили феодаловъ уважать человѣческія права крестьянъ и заботиться объ ихъ образованіи. Съ этого времени тамъ и здѣсь начинаютъ устраиваться школы для народа. Къ этому же времени относится появленіе первыхъ школъ въ Гольдене Ауэ: въ Росслебенѣ и Донндорфѣ, а также — школы Шульпфорта у Наумбурга, такъ сказать у самаго преддверья Гольдене Ауэ.

Курфюрстъ Морицъ уже въ 1541 г., вступивъ въ управленіе, рѣшилъ употребить всѣ освободившіяся вслѣдствіе реформации монастырскія имѣнія на обученіе бѣдныхъ дѣтей — „zu eigner unterhaltung der schulen, ler- und kinderschule, das armer leute kinder wol gezogen und gelernet werden“.

21 мая 1543 г. курфюрстъ издалъ указъ объ основаніи трехъ училищъ для воспитанія и обученія дѣтей своихъ подданныхъ: въ Мейссенѣ для 70 воспитанниковъ, въ Мерзебургѣ для 60 и въ монастырѣ Пфорта для 100, но были открыты лишь школы въ Мейссенѣ и въ Пфортѣ, а вмѣсто школы въ Мерзебургѣ была открыта, въ 1550 г., школа въ опустѣвшемъ Августинскомъ монастырѣ города Гримма.

Эти три княжескихъ школы имѣли впослѣдствіи большее значеніе для развитія школьнаго дѣла не только въ Саксоніи, но и во всей Германіи: по ихъ образцу были организованы, во второй половинѣ XVI в., во всей протестантской Германіи подобныя же училища, и Саксонія въ теченіи двухъ столѣтій считалась главою просвѣтительнаго движенія всей Германіи.

Сначала въ Шульпфортѣ было пять учителей, а въ другихъ — по четыре въ каждой. Одинъ учитель со степенью магистра назывался ректоромъ, затѣмъ было три бакалавра

и одинъ канторъ. Всѣ учителя были богословы и не имѣли права жениться. Они были обязаны шесть лѣтъ преподавать въ школѣ, а затѣмъ получали пасторскія мѣста. Ректоръ получалъ 150 гульденовъ, каждый бакалавръ по 100, а канторъ 50. Квартыры и столъ были даровые. Хозяйственная часть находилась въ рукахъ особаго прокуратора. Для наблюденія же за учебною частью одинъ или два раза въ годъ пріѣзжали ревизоры изъ Лейпцигскаго университета. Образъ жизни воспитанниковъ былъ подобенъ монастырскому. Пища была сначала хороша, но по мѣрѣ увеличенія числа воспитанниковъ начинаютъ раздаваться жалобы на недостаточность питанія, не прекращающіяся даже въ началѣ XIX в.

Воспитаніе было крайне суровое, и примѣнялись весьма разнообразныя наказанія. Въ 25 лѣтъ директорства Фабриціуса изъ Мэйссенской школы было исключено 80 учениковъ. Въ первые пятьдесятъ лѣтъ ея существованія 60 учениковъ не выдержали строгаго режима и тайно убѣжали изъ школы.

Ученіе шло главнымъ образомъ по составленному еще въ 1528 г. Меланхтономъ плану, съ присоединеніемъ греческаго и еврейскаго языковъ. Главная цѣль училищъ состояла въ изученіи латинскаго языка и въ образованіи добрыхъ нравовъ у воспитанниковъ.

Реализмъ Коменскаго съ сильнымъ оттѣнкомъ пѣтизма, оживившій лютеранство, долго не могъ проникнуть въ княжескія школы, хотя какъ мы увидимъ дальше онъ сильно укрѣпился вблизи — въ саксонскихъ герцогствахъ Готѣ и Вэйссенфельзѣ. Княжескія школы долго оставались вѣрными ортодоксальному лютеранству. Наконецъ, въ 1728 г. онѣ были реформированы, и въ ихъ преподаваніе были введены реальные предметы. Съ этого времени княжескія школы начинаютъ выпускать выдающихся дѣятелей Германіи, которые дали сильный толчекъ развитію нѣмецкой литературы, науки и общественности. Изъ Мэйссенской

школы вышли, напимѣрь: Хр. Геллертъ, К. Гертнеръ, Г. Рабнеръ, I. Г. Шлегель, Лессингъ; изъ Шульпфурты вышли: братья I. E. и I. A. Шлегель, Клопштокъ, Эрнести.

Нѣкоторые главнѣйшіе моменты означенныхъ двухъ событій: крестьянской войны и реформаціи разыгрались именно въ Гольдене Ауэ и въ мѣстахъ, къ ней близко лежащихъ.

Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ въ эпоху крестьянской и тридцатилѣтней войны.

На рубежѣ Гольдене Ауэ, у подножія Гарца — въ Штольбергѣ, родился въ 1490 г. (по нѣкоторымъ даннымъ въ 1493 г.) самый выдающійся вождь крестьянъ Томасъ Мюнцеръ. Онъ рано лишился отца, и существуетъ даже сказаніе, что графы ф. Штольбергъ приказали по неизвѣстной причинѣ повѣсить его отца, бывшего чело-вѣкомъ зажиточнымъ. Объ этомъ фактѣ рассказывалъ, между прочимъ, Меланхтонъ, другъ Лютера.

Мюнцеръ получилъ университетское образованіе, вѣроятно въ Виттенбергѣ и Лейпцигѣ, и достигъ степени доктора. Даже его противникъ Меланхтонъ говорилъ, что Мюнцеръ весьма искусно пользуется священнымъ писаніемъ. Послѣдній могъ при всякомъ случаѣ подкрѣплять сказанное библейскими текстами.

Мюнцеръ началъ свою реформаторскую дѣятельность совершенно независимо и гораздо раньше Лютера и другихъ вождей реформаціи. Онъ сразу отдѣлился отъ государственной церкви и вступилъ съ нею въ борьбу. Еще до Лютера онъ считалъ библію единственнымъ источникомъ познанія и религіознаго ученія, а поэтому полагалъ, что признаніе римскаго папы непогрѣшимымъ главою видимой

церкви и весь строй католичества противорѣчить библейскому идеалу христовой церкви.

Мюнцеръ еще въ бытность свою учителемъ латинской школы въ Ашерслебенѣ, а затѣмъ въ Галлѣ, основаль тайное общество противъ Эрнста II, архіепископа магдебургскаго и примаса Германіи, умершаго въ Галлѣ 3-го августа 1513 г. Это общество имѣло цѣлью преобразование духовенства.

Сдѣлавшись въ 1515 г. священникомъ женскаго монастыря въ Фрозѣ близъ Ашерслебена, Мюнцеръ въ отправленіи своихъ обязанностей сталъ отступать отъ обрядовъ и догматовъ римской церкви.

Особенно же энергично сталъ выступать Мюнцеръ въ своихъ проповѣдяхъ противъ роскоши, изнѣженности и распущенности духовенства, въ бытность свою проповѣдникомъ Цвикауской церкви Богоматери. Въ это время Мюнцеръ былъ въ восторгѣ отъ Лютера. Онъ рассчитываль, что виттенбергскій профессоръ, дѣйствуя подъ покровительствомъ могущественнаго государя, будетъ имѣть большой успѣхъ, чѣмъ онъ самъ, въ своемъ незначительномъ положеніи.

Вскорѣ, однако, Мюнцеръ замѣтилъ, что Лютеръ не дѣлаетъ всего, что было безусловно необходимо для созданія истинно христіанскаго государства. Мюнцеръ полагаль, что для этого необходимо было совершенно разрушить старую церковь и уничтожить всѣ существующія государственныя отношенія. Онъ замѣтилъ непослѣдовательность Лютера. И дѣйствительно Лютеръ, отрекшись совершенно отъ римской церкви, продолжалъ однако держаться многихъ догматовъ ея и церковныхъ преданій. А что касается свѣтскихъ властей и вообще государственнаго строя, то Лютеръ не только не старался ихъ реформировать, но даже опирался на нихъ въ своей борьбѣ съ латинскимъ духовенствомъ и съ другими реформаторами. Послѣднюю же борьбу Лютеръ велъ съ ужасною нетерпимостью. „Противъ ихъ скверностей и обмана, говорилъ онъ гласно, я допускаю всякія мѣры для спасенія души“.

Лютеръ отказывалъ своимъ противникамъ въ свободѣ слова и печати. Противъ своего коллеги, виттенбергскаго профессора Карльштадта, а также противъ Мюнцера онъ яростно взывалъ къ полиціи и склонялъ правительства за-прещать и истреблять ихъ сочиненія, а также изгонять не только самихъ авторовъ, но и лицъ, печатавшихъ ихъ сочиненія.

Іенскій проповѣдникъ Мартинъ Рейнгардтъ, выступившій въ защиту Карльштадта, по настоянію Лютера, былъ изгнанъ изъ Іены. Со слезами простился Рейнгардтъ съ своею кафедрою и прихожанами и отправился съ женою и дѣтьми въ Нюрнбергъ. Но Лютеръ и здѣсь не оставилъ его въ покоѣ, продолжая подговаривать знакомыхъ совѣтниковъ выслать Рейнгардта изъ города. По настоянію Лютера Карльштадтъ былъ изгнанъ изъ саксонскихъ владѣній и отправился въ одно время съ Мюнцеромъ на верхшій Рейнъ въ Страсбургъ и Базель.

Вскорѣ Лютеру пришлось услышать, что лучшіе люди верхне-рейнскихъ странъ, самъ Цвингли и страсбургцы приняли религіозныя воззрѣнія Карльштадта; это извѣстіе привело Лютера въ страшную ярость.

Разочаровавшись въ Лютерѣ, Мюнцеръ сталъ искать утѣшенія въ чтеніи средневѣковыхъ мистиковъ. Это еще болѣе разжигало его воображеніе и давало преобладаніе чувственности надъ его обширнымъ умомъ. Проповѣди его стали дышать еще большимъ энтузіазмомъ. Содержаніе одной проповѣди въ Штольбергѣ, гдѣ Мюнцеръ не имѣлъ никакой оффиціальной должности, „заставило многихъ разсудительныхъ людей призадуматься“.

По воззрѣніямъ Мюнцера церковная реформація должна была превратиться въ національную революцію, но онъ пока не высказывалъ этого прямо. Онъ не приписывалъ большого значенія отрицанію папской власти, индульгенцій, чистилища, заупокойныхъ обѣденъ и т. д., но требовалъ полнаго разрыва съ римскою церковью и основанія чистой церкви истинныхъ дѣтей божіихъ. Онъ упрекалъ Лютера,

что для послѣдняго вѣра все, а дѣла ничто, и что Лютеръ оставляетъ народъ въ прежнихъ грѣхахъ и мертвой, бездѣятельной вѣрѣ, противной евангелію болѣе, чѣмъ папизмъ.

Лютеръ самъ писалъ впослѣдствіи: „Это ученіе объ оправданіи вѣрою заслуживаетъ сердечной благодарности, по немъ должно исправиться и жить благочестиво; къ сожалѣнію, выходитъ наоборотъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Прежде людьми владѣлъ одинъ дьяволъ, а теперь цѣлыхъ семь. Люди стали скупѣе, хитрѣе, себялюбивѣе, немилосерднѣе, развратнѣе, наглѣе и злѣе, чѣмъ при папствѣ“.

Недостатокъ ученія Лютера — слабое развитіе самодѣятельнаго элемента въ немъ и чрезмѣрное возвеличеніе пассивныхъ добродѣтелей, по моему мнѣнію, былъ лишь гораздо позже исправленъ трудами знаменитыхъ реформаторовъ школьнаго дѣла: Коменскимъ, Песталоцци и Гербартомъ. Эти педагоги, благодаря своей разработкѣ натуральнаго метода обученія-воспитанія, создали для людей возможность самостоятельно и самодѣятельно проводить въ жизнь евангельскіе идеалы, создали для людей возможность имѣть а к т и в н о е христіанство, ритмъ котораго согласовался бы въполнѣ съ дѣйствительностью, съ обыденною жизнью.

Отчасти вслѣдствіе своихъ занятій мистицизмомъ, отчасти вслѣдствіе желанія найти опору для своихъ реформаторскихъ стремленій, Мюнцеръ сошелся съ одною цвикаускою сектою мистиковъ. Надо замѣтить, въ Тюрингіи въ теченіе всего XV в. обнаруживалась склонность къ фанатизму и мистицизму. Секта бичевальщиковъ удержалась здѣсь долѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Ничто не могло уничтожить эту секту, ни преслѣдованія этихъ христовыхъ братьевъ, ни сжиганіе ихъ живьемъ на кострахъ въ гг. Нордгаузенѣ, Ашерслебенѣ и Зондерсгаузенѣ. Какъ только эти гоненія прекратились въ началѣ XVI вѣка, мистицизмъ запылалъ еще съ большею силою, чѣмъ прежде.

Главою новаго братства мистиковъ въ Цвикау былъ ткачъ Никласъ Шторхъ. По примѣру Спасителя, онъ окру-

жилъ себя двѣнадцатью апостолами и семидесятью учениками. Даже такіе выдающіеся богословы, какъ Меланхтонъ и Карльштадтъ, увлеклись духомъ цвикаускихъ пророковъ.

Мюнцеръ, примкнувъ къ Никласу Шторху и его братіи, подготовилъ уже все, чтобы произвести въ Цвикау переворотъ, какъ вдругъ городскимъ магистратомъ были приняты рѣшительныя мѣры: наиболѣе буйные изъ братіи были посажены въ тюрьму, и Мюнцеру пришлось бѣжать въ Богемію, колыбель ученія мистиковъ-таборитовъ.

Здѣсь онъ отважно выступилъ съ воззваніемъ, напечатаннымъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ подъ заглавіемъ „Протестъ“. Но его слова не произвели никакого впечатлѣнія, и онъ вернулся въ родную Тюрингію.

Въ 1522 г. Мюнцеръ сдѣлался проповѣдникомъ въ Альштѣдтѣ. Здѣсь онъ приказалъ отправлять богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ и говорить проповѣди на темы, взятые изъ всѣхъ библейскихъ книгъ. Къ нему стали стекаться какъ на богомолье изъ гг. Эйслебена, Маннсфельда, Зондерсгаузена, Франкенгаузена, Кверфурта, Галле, Аперслебена и др. Народу нравились его рѣзкія поученія противъ духовенства и свѣтскихъ владѣльцевъ.

Мюнцеръ рассчитывалъ одно время склонить нѣкоторыхъ государей къ распространенію его ученія; такъ онъ неоднократно убѣждалъ въ этомъ курфюрста саксонскаго Фридриха Мудраго и герцога саксонскаго Іоанна. „Драгоцѣнные и любезнѣйшіе правители, писалъ онъ имъ, если вы видите и понимаете бѣдствія христіанства, то вами должно овладѣть такое же рвеніе, какъ царемъ Іиуемъ (книга царей 4, 9, 10). Поэтому долженъ возстать новый Данииль и показать вамъ откровеніе, и пророкъ этотъ долженъ, какъ учить Моисей (Пятикн. 20), стоять во главѣ народа. Онъ примирить гнѣвъ государя и негодующаго народа. Господь говоритъ: Я пришелъ не съ миромъ, а съ мечемъ. Но на что вамъ мечъ? На то, чтобы истреблять и удалять злыхъ, препятствующихъ евангелію; вотъ что вы должны

дѣлать, чтобы служить Богу 1)“. Но увидѣвъ, что государи обнаруживаютъ мало сочувствія, Мюнцеръ обратился къ народу.

Въ Алынтэдтѣ было основано Мюнцеромъ тайное общество, обязавшееся торжественною клятвою основать царство Божіе, царство братскаго равенства, свободы и радости. Отъ имени этого общества были посланы довѣренные люди во всѣ концы Германіи. Въ то же время Мюнцеръ издавалъ многія воззванія и сочиненія политическаго характера съ религіознымъ оттѣнкомъ: онъ возвѣщалъ наступленіе новаго гражданственно-счастливаго времени, гдѣ не будетъ ни тирановъ, ни барщины, ни мертваго поклоненія буквѣ закона, ни духовнаго рабства, ни сословныхъ кастъ, гдѣ церковь и государство сольются въ царство свободныхъ и святыхъ.

Мюнцеръ въ своихъ устныхъ проповѣдяхъ былъ весьма краснорѣчивъ, хотя не такой замѣчательный ораторъ, какъ Лютеръ. Рѣчь Мюнцера не была такъ ясна и образна, какъ у великаго реформатора, но зато обладала другимъ достоинствомъ: она была вдохновенна, была полна пророческаго пыла, увлекавшаго и самого оратора, и народъ. Кромѣ того, Мюнцеръ, какъ и Лютеръ, умѣлъ выковывать изъ текстовъ священнаго писанія громовыя стрѣлы противъ существующаго порядка въ сферахъ духовныхъ и свѣтскихъ, противъ угнетателей бѣднаго люда.

Послѣ одной изъ пламенныхъ проповѣдей Мюнцера противъ „идолопоклонства иконопочитанія“, народъ, прійдя въ сильное возбужденіе, направился къ Меллербахской часовнѣ близъ Алынтэдта, пользовавшейся большимъ почитаніемъ у богомольцевъ, разбилъ иконы и сжегъ самую часовню.

Фридрихъ и Іоаннъ Саксонскіе прибыли лично въ Альштэдтъ, чтобы познакомиться съ характеромъ проповѣдей Мюнцера.

1) Циммерманъ. Исторія крестьянской войны. Изд. журнала „Дѣло“. 1868.

По ихъ приказанію Мюнцеръ произнесъ въ замкѣ, въ ихъ присутствіи свою проповѣдь. Онъ смѣло сталъ убѣждать ихъ истребить идолослуженіе и ввести силою евангеліе. Далѣе, онъ говорилъ, что слѣдуетъ убивать безбожныхъ правителей, священниковъ и монаховъ, называющихъ святое евангеліе ересью и ссылался при этомъ на изреченія Христа (Лук. 19, Матв. 18, Апост. Павелъ I Коринѳ. 5). Безбожники не имѣютъ права жить, говорилъ онъ; развѣ только избранные захотятъ пощадить ихъ (2. Моис. 23); если государи не истребляютъ безбожниковъ, то Богъ отыметъ у нихъ мечъ. Вся община имѣетъ силу меча, который хочетъ править самъ, и ему дана вся власть на небѣ и на землѣ. Земля полна тщеславными лицомѣрами, и нѣтъ ни одного смѣлаго человѣка, который рѣшился бы высказать истину. Государи и господа — главные лихоимцы, воры и грабители... Они деруть шкуру съ бѣднаго поселянина, работника и со всѣхъ, кто подъ ихъ властью. Если кто воспротивится, то отправляютъ на висѣлицу, при чемъ докторъ Враль приговариваетъ: аминь! „Господа, говорилъ Мюнцеръ, сами возставаютъ противъ себя народъ. Они не хотятъ устранить причину мятежа; чего же добраго ожидать? О любезные господа, какъ славно Господь переколотитъ желѣзной палкой старые горшки! Я теперь же говорю, что непременно взбунтуюсь. Прощайте!“

Не смотря на эту проповѣдь, не смотря на особое посланіе Лютера и жалобы Фридриха ф. Вицлебена, графа ф. Мансфельда и др., добродушный курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый ничего не предпринималъ противъ Мюнцера. Тогда герцогъ саксонскій Георгъ рѣшительно потребовалъ выдачи Мюнцера и грозилъ, что самъ расправится съ нимъ, если курфюрстъ ничего не сдѣлаетъ. 16 августа 1524 г. курфюрстъ издалъ алыштэдскому совѣту строгое повелѣніе удалить проповѣдника изъ города.

Мюнцеръ бѣжалъ въ сосѣдній имперскій городъ Мюль-

гаузенъ. Лютеръ успѣшилъ предупредить и мюльгаузенскій городской совѣтъ противъ проповѣдей Мюнцера.

Въ Мюльгаузенѣ въ это время дѣйствовалъ другой реформаторъ — Генрихъ Пфейферъ, бывший монахъ изъ монастыря Рейфенштэйна, близъ Мюльгаузена. Проповѣди Пфейфера сильно дѣйствовали на менѣе знатныхъ гражданъ и на простой народъ, находившійся подъ сильнымъ гнетомъ аристократіи, управлявшей городомъ. Эти проповѣди были религіозно-политическаго характера и были направлены прежде всего противъ городского устройства. Въ концѣ концовъ, городской магистратъ долженъ былъ уступить и вошелъ съ простыми гражданами въ особый договоръ, предоставлявшій послѣднимъ участіе въ управленіи городомъ. Но, впрочемъ, борьба партій стараго и новаго порядка не прекратилась: 25 сентября 1524 г. приверженцы городского совѣта снова возстали. Поводомъ этого переворота послужило, кажется, прибытіе Мюнцера. Простой народъ — крестьяне были на сторонѣ Мюнцера, но граждане города мало его почитали. Велѣдствіе этого произошелъ расколъ въ низшихъ классахъ; аристократія воспользовалась имъ и изгнала сначала Мюнцера, а потомъ и Пфейфера.

Оба проповѣдника перенесли свою дѣятельность въ Верхнюю Швабію, но въ декабрѣ этого года Пфейферъ снова вернулся въ Мюльгаузенъ, а Мюнцеръ прибылъ туда же весною слѣдующаго 1525 г. Къ 17 марта они приготовили здѣсь окончательное паденіе городского дворянства и составили новый городской совѣтъ, находившійся подъ ихъ сильнымъ вліяніемъ.

Мюнцеръ сталъ смотрѣть на Мюльгаузенъ какъ на исходный пунктъ, откуда подготовляемое имъ народное возстаніе должно было распространиться во всѣ стороны. Для этой цѣли онъ все время поддерживалъ связь съ Франконіей, Швабіей и всей Тюрингіей, гдѣ имъ были посѣяны идеи свободы, равенства, приводившія въ сильное движеніе умы подвластныхъ классовъ.

Волненіе стало дѣйствительно распространяться изъ Мюльгаузена во всѣ стороны — въ графства Гогенштѣйнъ, Штольбергъ, Мансфельдъ, Бѣйхлингенъ, Эрфуртъ, Шварцбургъ, Альтенбургъ, Мейсенъ, Кобургъ, Шмалькальденъ, Эйсенахъ и въ другія сосѣднія мѣстности, около пространства, занимаемаго теперешней Гольдене Ауэ.

Въ апрѣлѣ этого года Лютеръ уже составлялъ планъ, какъ бы остановить это движеніе, которое при успѣхѣ могло бы уничтожить все его дѣло. Онъ рѣшился подѣйствовать на народъ авторитетомъ своей личности и силою своихъ словъ. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ путешествіе въ Мансфельдъ, въ свой родной городъ Эйсlebenъ ¹⁾, въ Штольбергъ ²⁾, Нордгаузенъ, Эрфуртъ, Веймаръ, Орламюнде, Іену и вездѣ убѣждалъ народъ повиноваться властямъ и заботиться о своемъ духовномъ развитіи, въ смыслѣ истиннаго евангельскаго ученія. Онъ предостерегалъ народъ отъ прельщешій „кровожаднаго пророка“ и его пословъ.

Во время этого путешествія Лютеру пришлось, съ глубокою горечью въ сердцѣ, убѣдиться, что его еще недавно столь могущественное вліяніе на народъ пало и что Мюнцеръ сдѣлался новымъ кумиромъ народа. Лютеръ еще не вернулся въ Виттенбергъ, а факелъ Мюнцера горѣлъ уже въ Веймарѣ, Лейпцигѣ и Торгау, въ Рудныхъ горахъ и въ Фойтландѣ.

Уже въ апрѣлѣ 1525 г. значительное количество возставшихъ крестьянъ собралось въ Аурахъ, между Киссинге-

1) Здѣсь родился Лютеръ — 10-го нояб. 1483 г., здѣсь же онъ скончался — 18-го февр. 1546 г., и его тѣло было перевезено въ Виттенбергъ для погребенія въ замковой церкви.

2) Въ г. Штольбергѣ, на горѣ, поднимающейся надъ городомъ, стоитъ такъ называемый „букъ Лютера“ (die Lutherhuche) съ надписью на доскѣ, гласящей, что Лютеръ въ 1525 г. посѣтилъ г. Штольбергъ и въ своей проповѣди сравнилъ его съ птицею: замокъ — голова птицы, продольная улица — туловище и хвостъ, боковыя улицы — крылья. Такой видъ имѣетъ г. Штольбергъ, если смотрѣть на него отъ этого бука.

номъ и Гаммельбургомъ. Вскорѣ возстаніе захватило крестьянъ, подвластныхъ монастырю Фульда. Повостанцы нападали на монастыри, грабили ихъ, разоряли также дворцы и замки свѣтскихъ владѣльцевъ. Нѣкоторые изъ рыцарей, желая сохранить свое имущество и не имѣя возможности сопротивляться, вступали въ братство крестьянъ. Бюргеры города Фульды также примкнули къ братству. Главнымъ начальникомъ фульдской банды былъ часовщикъ Гансъ Далькобтъ, послѣ него шли начальники Генне Вильке, Гансъ Кугель и Гансъ ф.-Роне.

Послѣ взятія города Фульды вскорѣ присоединился къ братству г. Герсфельдъ, выдержавшій предварительно продолжительную осаду. Одна часть банды тогда отдѣлилась — подъ предводительствомъ Михаила Сакса, Мельхіора и Ганса Шиппелей; она заняла Фахъ на Веррѣ. Къ этой второй бандѣ присоединились крестьяне духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ изъ округовъ Зальцунгена, Брѣйтенберга, Герстунгена и Крейцбурга. Даже около Вартбурга, гдѣ Лютеръ еще такъ недавно, во время десятиимѣсячнаго добровольнаго заключенія, переводомъ библіи положилъ начало своей реформы, почти все крестьянское населеніе — около 8000 — возстало и присоединилось къ братству. Повостанцы двинулись изъ г. Фаха вверхъ по р. Веррѣ, сожгли дѣвичьи монастыри Фрауензе и Фрауенбрайтунгенъ, разграбили женскія обители Аллендорфъ и Герренбрайтунгенъ, присоединили гг. Зальцунгенъ и Шмалькальденъ, и въ Вальпургиевъ день расположились лагеремъ у нижнихъ воротъ г. Мэйнингена, который уже присоединился къ верхнефранконскому братству, собравшемуся въ Бильдгаузенъ. Такъ какъ послѣднее братство не пожелало присоединиться къ тюрингенцамъ, то они отправились назадъ къ Эйзенаху и Мюльгаузену.

Подобно сейчасъ описанному, въ разныхъ мѣстахъ центральной и южной Германіи — отъ Гарца до Вюрцбурга появились лагеря возставшихъ крестьянъ, грабившіе и разо-

равшіе гнѣзда духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ, такъ долго угнетавшихъ ихъ.

Когда такимъ образомъ броженіе подвластныхъ дворянству элементовъ достигло уже значительной степени, когда приверженцы Мюнцера напрягали всѣ свои силы, чтобы поддержать возстаніе и придать ему еще большую силу, самъ Мюнцеръ, казалось, совершенно спокойно жилъ въ Мюльгаузенѣ. Онъ въ тихомолку отливалъ, въ тамошнемъ францисканскомъ монастырѣ, тяжелыя орудія и старался увеличить и укрѣпить свою партію изъ мюльгаузенскихъ крестьянъ, которые должны были сыграть роль его тѣлохранителей. Своими письмами за подписью „Томасъ Мюнцеръ, Божій воинъ противъ безбожниковъ“, онъ поддерживалъ связь со всѣми лагерями возставшихъ крестьянъ.

Мюнцеръ хорошо понималъ, что еще не время начинать общее движеніе. Онъ выжидалъ болѣе благоприятной минуты, когда возстаніе получитъ еще большую силу черезъ присоединеніе опытныхъ въ военномъ дѣлѣ горцевъ и верхнихъ швабовъ, когда предводители возстанія получаютъ больше опытности въ организаціи своихъ отрядовъ. Пфейферъ, напротивъ того, рѣшилъ, что насталъ удобный моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій и, не смотря ни на какія возраженія Мюнцера, заявилъ, что онъ самъ начинаетъ все дѣло. Мюнцеру пришлось послѣдовать за нимъ, дабы не поизвести раскола, и это рѣшеніе стало для него роковымъ: все его грандіозное предпріятіе вскорѣ же рушилось, благодаря одному этому неудачному шагу.

Сначала Пфейферъ двинулся съ товарищами къ Эйфельду, разоряя на пути церкви, монастыри, дворянскія помѣстья. Онъ вскорѣ возвратился въ Мюльгаузенъ съ богатою добычею.

Чтобы не потерять вліянія, Мюнцеръ тоже предпринялъ экспедицію. Въ это время въ Лангезальцѣ произошло волненіе, и Мюнцеръ, 26 апрѣля, со своими тѣлохранителями въ числѣ 400 человекъ, съ бѣлымъ знаменемъ съ изобра-

жепемъ радуги, отправился туда на помощь своей братіи. Крестьяне одержали побѣду и послѣ обильнаго угощенія у городскихъ воротъ отправились подъ предводительствомъ Мюнцера къ Тунгеда. Затѣмъ двинулись черезъ Гейлигенштадтъ къ Эйхсфельду.

Въ это же время Пфейферъ со своимъ отрядомъ дѣйствовалъ въ другихъ мѣстахъ: онъ разрушилъ замки Шлотгеймъ, Биссингенъ, Альменгаузенъ, Зеебахъ, Арнсбергъ и другіе.

Въ короткій срокъ, съ 30 апрѣля по 12 мая, все пространство теперешней Гольдене Ауэ — отъ графства Штольбергъ до впаденія Унштрута въ р. Заале, „въ силу священной войны“, было присоединено къ братству. Такой же участи подверглись монастыри Валькенридь, Ильфельдъ, Фолькероде, Балленштэдтъ, Нордгаузенъ, Зангергаузенъ, Кельбра, Михельштэйнъ, Ильзенбургъ, Гиммельпфорте, Трубигкъ, Вассерлееръ, Шовенъ со всѣми своими капиталами и запасами. Въ графствѣ Мансфельдъ крестьяне ворвались въ монастыри Зиттихенбахъ, Роде, Виммельбургъ и Эйслебенъ и сожгли ихъ кельи.

„Тайныя подземелья и кельи“, говоритъ Циммерманъ (т. 3, стр. 355), „выстроенныя на горѣ, гдѣ по преданію уже столько вѣковъ спитъ очарованный императоръ Барбаросса, также озарились свѣтомъ факеловъ, спугнувшимъ стаи поселившихся тутъ вороновъ; казалось близокъ тотъ роковой часъ, когда проснется отъ заколдованнаго сна старый императоръ, и всѣ нѣмцы, свободные, безъ различія званій и состояній, соберутся вокругъ одного главы!“

„Но именно этого-то и боялись нѣмецкіе князья и господа; они всѣми силами старались воспрепятствовать объединенію Германіи. Во главѣ всѣхъ ихъ, на этомъ прищѣ, стоялъ ландграфъ Филиппъ Гессенскій.“

Послѣдній собралъ въ Альсфельдѣ всѣхъ своихъ вассаловъ и отряды принадлежавшихъ ему городовъ на совѣщаніе. Когда всѣ поклялись быть вѣрными ему, Филиппъ смѣло

выступилъ сначала противъ фульдскаго лагеря возставшихъ крестьянъ. 3 мая Филиппъ со своимъ войскомъ стоялъ уже подъ Фрауенбергомъ. Хотя крестьяне укрѣпили Фрауенбергъ, заняли замокъ и городъ, но ландграфъ при помощи своей артиллеріи быстро взялъ замокъ и сталъ такъ жестоко обстрѣливать городъ, что жители города сами отворили городскія ворота. Крестьяне въ большинствѣ разбѣжались во всѣ стороны. Начальники ихъ Гансъ Дольгоптъ, Генне Вильке и Іоганнъ Кугель были пойманы, по приказанію ландграфа обезглавлены, и головы ихъ на кольяхъ были выставлены при входѣ въ замокъ.

Съ этихъ поръ аббатъ и конвентъ, дворянство и вся страна сдѣлались подвластными ландграфу Гессенскому, тогда какъ прежде ландграфы были ленниками аббатовъ. Кромѣ того, въ видѣ контрибуціи были наложены 4000 золотыхъ, и 15000 — за военныя издержки.

Филиппъ отправился далѣе къ Фаху и Фриденвальду, овладѣвъ по дорогѣ Шмалькальденомъ. Небольшія банды крестьянъ вездѣ отступали передъ нимъ, но не соединялись въ одно цѣлое.

„Недостатокъ національнаго чувства“, говоритъ Циммерманъ (т. 3, стр. 358), „давнишній порокъ германцевъ сказался и здѣсь: каждый считалъ себя швабомъ, франконцемъ или тюрингенцемъ, различали даже верхне- и нижне-швабовъ, верхне- и нижне-франконцевъ. Всѣ они были чужды другъ другу, всѣ смотрѣли съ недовѣріемъ другъ на друга“. Такъ говоритъ почтенный нѣмецкій историкъ въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Слѣдовательно и тогда еще не было увѣренности, что этотъ порокъ разьединенности и непріязненныхъ отношеній составныхъ частей германской націи вскорѣ устранился, благодаря единой школѣ съ натуральною системою воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта. Черезъ какихъ-нибудь 15 лѣтъ — въ 1871 г. объединеніе германской націи при помощи народной школы было

уже совершившимся фактомъ; и символическій образъ этого величайшаго историческаго событія — Памятникъ Киффгойзеръ теперь гордо возвышается надъ Гольдене Ауэ

Отъ г. Фаха ландграфъ двинулся сначала къ Мюльгаузену, но вскорѣ повернулъ къ Киффгойзеру — къ г. Франкенгаузену, при чемъ у г. Эйзенаха къ нему присоединился еще герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій со своимъ войскомъ.

Въ г. Франкенгаузенѣ крестьяне его окрестностей расположились лагеремъ вмѣстѣ съ шварцбургцами и мансфельдцами. Они вели переговоры съ графомъ Альбрехтомъ ф. Мансфельдъ, который ихъ обманывалъ различными обѣщаніями, дабы выиграть время до прибытія союзныхъ войскъ. Графъ же Эрнстъ ф. Мансфельдъ, жившій въ г. Гельдрунгенѣ, наоборотъ, открыто подавлялъ всякія притязанія своихъ крестьянъ, такъ что послѣдніе обратились къ Мюнцеру съ просьбой помочь имъ противъ „гельдрунгенскаго тирана“.

Мюнцеръ съ 300 своихъ тѣлохранителей и немногими орудіями двинулся къ Франкенгаузену. Пфейферъ не хотѣлъ присоединиться къ нему, такъ какъ увлекался своими предпріятіями.

Собравъ всѣхъ возставшихъ крестьянъ на горѣ противъ Франкенгаузена, на одномъ изъ отроговъ цѣпи Киффгойзеръ, носящемъ по сіе время названіе „горы битвы“, Мюнцеръ окружилъ лагерь рвомъ и обозными повозками, за которыми были поставлены 8 орудій. Всего въ его лагерьъ было около 8000 крестьянъ, но это былъ все народъ робкій, забитый тяжелыми полевыми работами. У нихъ не было также опытнаго руководителя въ военномъ дѣлѣ. А въ концѣ концовъ, обнаружился еще и недостатокъ въ порохѣ, такъ какъ швейцарецъ, посланный съ 900 гульденами въ Нюрнбергъ для покупки пороха, скрылся вмѣстѣ съ деньгами.

15 мая союзные князья: ландграфъ Гессенскій, герцоги Брауншвейгскій и Саксонскій, графы ф. Мансфельдъ, имѣя 2600 конницы, 6000 пѣхоты и отличную артиллерію, подошли

къ Франкенгаузену. Къ нимъ долженъ былъ вскорѣ присоединиться еще новый курфюрстъ Саксонскій Иоаннъ съ 800 конныхъ и 2400 пѣшихъ воиновъ.

Сначала союзники попытались избѣжать кровопролитія и послали для переговоровъ — графа Вольфгагена ф. Штольбергъ, Каспара ф. Рюксlebenъ и Ганса ф. Вертерна. Но крестьяне послѣ нѣкоторыхъ колебаній отказались выдать своихъ предводителей и смириться. Тогда грянула артиллерія союзниковъ, и не смотря на то, что еще незадолго передъ этимъ вдохновенная рѣчь Мюнцера возбудила мужество и ярость робкихъ и забитыхъ крестьянъ, лагерь инсургентовъ впалъ сразу въ панику, и всѣ бросились бѣжать, кто куда могъ. Союзные войска преслѣдовали крестьянъ и убивали немилосердно. Было убито до 5000 человекъ. Кромѣ того, князя приказали привести 300 крестьянъ, взятыхъ въ плѣнъ, на площадь и, не смотря на горячія просьбы женъ и матерей послѣднихъ, повелѣли всѣхъ ихъ казнить.

Самъ Мюнцеръ тоже бѣжалъ въ Франкенгаузенъ и скрылся въ одномъ домѣ у Нордгаузенскихъ воротъ. Для того, чтобы не быть узнаннымъ онъ переодѣлся, перевязалъ голову и легъ въ постель. По окончаніи рѣзни, одинъ дворянинъ Отто ф. Эббе предполагалъ расположиться въ этомъ домѣ и послалъ туда своего слугу осмотрѣть его.

Слуга, найдя тамъ Мюнцера, спросилъ его, кто онъ. Послѣдній отвѣчалъ, что онъ очень страдаетъ отъ лихорадки и уже давно лежитъ въ постели. Послѣ такого отвѣта слуга сталъ искать себѣ поживы и осмотрѣлъ карманы платья Мюнцера. Найденное въ карманѣ мюнцеровой одежды письмо графа Альбрехта ф. Мансфельдъ къ крестьянамъ выдало Мюнцера.

На первомъ допросѣ князей Мюнцеръ говорилъ о духѣ, наставлявшемъ его съ ранней юности, о духѣ, который приказывалъ ему жертвовать отдѣльными личностями ради великаго дѣла, для спасенія всего человѣчества.

Князя приговорили Мюнцера къ пыткамъ, которая была

совершена въ присутствіи князей, но не вызвала у него никакихъ важныхъ признаій. Затѣмъ его отправили для заключенія въ подземелье въ замокъ Гельдрунгенъ. Черезъ нѣсколько дней его снова подвергли жесточайшей пыткѣ въ присутствіи герцога Георга и графовъ, при чемъ силы оставили Мюнцера, и онъ сдѣлалъ нѣкоторыя признанія, которыя однако не раскрывали всего его дѣла.

Изъ Франкенгаузена союзники отправились въ центръ всего возстанія — въ Мюльгаузенъ. 19 мая Мюльгаузенъ былъ осажденъ съ трехъ сторонъ. Вскорѣ князьямъ удалось пробить брешь въ стѣнѣ и начать штурмъ города. Пфейферъ со своими сподвижниками храбро бился противъ непріятели, но когда увидѣлъ, что перевѣсъ беретъ непріятель и партія горожанъ желаетъ сдаться на милость непріятели, то онъ бѣжалъ въ ночь на 24 мая, съ 400 приверженцами, тайно изъ города. Граждане города вынесли ключи союзнымъ князьямъ. Послѣдніе вступили въ городъ и предали казни бургомистра со многими бюргерами безъ всякаго суда. Городскія укрѣпленія были сравнены съ землею, и на городъ наложена ежегодная подать по 300 гульденовъ каждому изъ князей. Кромѣ того, союзниками было взято все вооруженіе, лошади, сокровища изъ городского казначейства и 40000 гульденовъ контрибуціи.

Всю грубость нравовъ тогдашняго времени прекрасно иллюстрируетъ одинъ фактъ, имѣвшій мѣсто въ княжескомъ лагерѣ подъ Мюльгаузеномъ: одинъ рыцарь публично, ставъ на колѣни, просилъ несчастную беременную, убитую страшнымъ горемъ жену Мюнцера сдѣлаться его любовницей. Самъ Лютеръ сказалъ тогда, что онъ опасался того и другого исхода междуусобицы: если крестьяне станутъ господствовать, говорилъ онъ, самъ дьяволъ будетъ аббатомъ, если же подобные тираны будутъ побѣдителями, то вѣдьма сдѣлается аббатиссой¹⁾.

1) Циммерманъ. Исторія крестьян. в. т. 3. стр. 373.

Пфейферъ со своей дружиной изъ Мюльгаузена отправился для соединенія съ верхнефранконскими крестьянами. Его замыселъ угадали князья и послали въ догоню рыцаря Вольфа ф. Энде съ отрядомъ конницы. Около Эйзенаха рыцарь настигъ бѣглецовъ и разбилъ ихъ на голову. Пфейферъ съ 92 приверженцами былъ взятъ въ плѣнъ, привезенъ въ мюльгаузенскій лагерь и здѣсь казненъ вмѣстѣ съ другими плѣнными.

Мюнцера тоже привезли изъ Гельдрунгена въ мюльгаузенскій лагерь и здѣсь отрубили ему голову.

Передъ казнью Мюнцеръ не иотерялъ присутствія духа: собравъ свои послѣднія силы, онъ громко и ясно говорилъ своимъ мучителямъ о своемъ сознаніи, что началъ дѣло слишкомъ великое, несоразмѣрное съ его силами. Потомъ, обратившись къ князьямъ, увѣщевалъ ихъ не поступать такъ жестоко съ бѣдными людьми, ихъ подданными, чтобы не навлечь на себя вновь подобнаго несчастія.

Голова Мюнцера была выставлена по дорогѣ въ Шадебургъ, а голова Пфейфера — въ ущельи по дорогѣ въ Больштэдтъ.

Послѣ трагической кончины Мюнцера освободительное движеніе въ острой формѣ вскорѣ прекратилось. Реформа же Лютера продолжала пускать все болѣе и болѣе глубокіе корни въ различныхъ мѣстахъ Германіи.

Особенный успѣхъ реформаціи Лютера, сравнительно съ другими реформами католичества, надо приписать, съ одной стороны, мирному, но неукоснительному проведенію строго ограниченныхъ и довольно умѣренныхъ новаторскихъ идей великаго проповѣдника, а съ другой стороны, этотъ успѣхъ надо приписать организаціи школьнаго дѣла въ духѣ новаго ученія, которому положилъ прочныя основанія самъ Лютеръ. Не говоря уже о томъ, что Лютеръ создалъ въ Виттенбергскомъ университетѣ цѣлую научную школу, разработавшую и обосновавшую его реформаторскія начинанія, слѣдуетъ обратить вниманіе на цѣлый рядъ его посланій, проповѣдей,

рѣчей, содержащихъ самыя горячіе призывы обратиться къ школьному дѣлу для надлежащаго воспитанія новыхъ поколѣній, для надлежащаго устройства семьи. Въ хорошемъ семейномъ порядкѣ Лютеръ видѣлъ основаніе хорошаго управленія народомъ и дѣйствительнаго народнаго счастья; источникомъ же всѣхъ несчастій онъ считалъ дурное воспитаніе. „Ничто не приноситъ большаго вреда христіанству“, говоритъ онъ, „какъ нерадѣніе о воспитаніи дѣтей“. „Каждому честному человѣку крайне необходимо болѣе радѣть о душѣ, нежели о плоти своего дитяти, и почитать ее за драгоценное, вѣчное сокровище, которое ему Богомъ поручено охранять отъ похищенія и умерщвленія дьяволомъ, міромъ и плотію. Ибо въ этомъ отъ него, по смерти и въ день страшнаго суда, потребуется весьма строгій отчетъ. Отчего, полагаешь ты, произойдутъ страшныя вопли и сѣтованія тѣхъ, которые будутъ восклицать (Лука 23, 29): Блаженны неплодные, и утробы неродившіе и сосцы непитавшіе? Безъ сомнѣнія потому, что они своихъ дѣтей не возвратили Богу, отъ котораго они получили ихъ на храненіе.“ Съ какою восторженною похвалою Лютеръ отзывался о должности учителя: „Я знаю, что это дѣло, послѣ проповѣдническаго, есть наиболѣе полезное, высшее и лучшее, и я даже не знаю, которое изъ этихъ двухъ лучше. Ибо не легко укрощать старыхъ собакъ, старыхъ плутовъ дѣлать благочестивыми, чему однако посвящены всѣ труды проповѣдника, и приходится ему много напрасно трудиться; тогда какъ юныя деревья можно лучше воспитывать, и они болѣе гибкіе, хотя, конечно, нѣкоторые при этомъ ломаются. Да будетъ же одна высшая добродѣтель на землѣ, а именно добросовѣстное воспитаніе дѣтей чужихъ людей, ей весьма немногіе, даже почти никто не слѣдуетъ относительно своихъ собственныхъ.“

Во второй половинѣ XVI вѣка наступила католическая реакція, и протестантизму съ первыми проблесками новѣйшей индивидуалистической культуры пришлось выдер-

жать жесточайшую борьбу противъ возстановленія католичества и романизма. Эта борьба шла параллельно съ политическими распрями отдѣльныхъ феодаловъ противъ императоровъ Габсбургскаго дома, стремившихся къ абсолютизму въ своемъ управленіи страню. Междуособная религіозно-политическая брань германскихъ народностей втянула въ войну также многія сосѣднія державы и составила самый ужасный періодъ исторіи Германіи, называемый эпохой тридцатилѣтней войны.

Войска въ означенный періодъ представляли собою ни больше, ни меньше какъ шайки разбойниковъ, грабившія повсюду мирныхъ жителей. Огрубѣніе нравовъ, кровожадность, развратъ царствовали въ городахъ и селахъ. „Страна“, говоритъ Раумеръ ¹⁾, „была опустошена, разграблена, безлюдна, сдѣлалась пустыней, годной лишь для волковъ и лютыхъ звѣрей. О школахъ и учителяхъ почти не было и помину.“

На кровавыхъ страницахъ исторіи этого періода, среди всѣхъ ужасовъ и мрака проявленій общественно-государственной жизни этого времени, свѣтлыми штрихами являются лишь реформы школьнаго дѣла, предпринятія изгнанникомъ изъ Богеміи за религіозныя убѣжденія — Амсомъ Коменскимъ, а также различныя просвѣтительныя начинанія короля шведскаго Густава Адольфа, его канцлера Оксенштёрна и генераль-губернатора Ливоніи Іоанна Скитте, перваго канцлера Дерптскаго Университета.

Первый періодъ войны — чешко-пфальцскій продолжался съ 1618 по 1623 г. Поводомъ къ войнѣ послужилъ отказъ чеховъ-протестантовъ признать Фердинанда II; они избрали въ свои короли курфюрста пфальцскаго Фридриха и при поддержкѣ нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ князей начали борьбу съ Фердинандомъ II. Въ теченіи всего этого періода видную роль игралъ одинъ изъ владѣльцевъ Голь-

1) Раумеръ. Исторія воспитанія и обученія. Педагогическій Сборникъ за 1875 г. кн. 12. стран. 117.

дене Ауэ — графъ Эрнстъ ф. Мансфельдъ, прибывшій сюда со своимъ войскомъ. При Бѣлой горѣ чешское войско было разбито (1620 г.), и чехи лишились религіозной свободы; ихъ земля была присоединена къ Габсбургской коронѣ. Послѣ этого во главѣ протестантскихъ войскъ стали графъ Эрнстъ ф. Мансфельдъ, герцогъ Христіанъ Брауншвейгскій и маркграфъ Георгъ-Фридрихъ ф. Баденъ-Дурлахскій. При Вислохѣ графъ ф. Мансфельдъ нанесъ католическимъ войскамъ сильное пораженіе (1622 г.), но два другихъ полководца были разбиты католиками. Послѣднимъ на помощь пришли еще испанскія войска, и весь Пфальцъ былъ занятъ войсками католической лиги. Фридрихъ былъ лишенъ титула курфюрста, и послѣдній былъ переданъ Максимилиану Баварскому.

Во второй періодъ войны — нижпесаксонско-датскій, съ 1625 по 1629 г., сильно стѣсненные императоромъ и лигистами, протестантскіе князья завели сношенія со Швеціей, Даніей, Англіей и Нидерландами. Но принялъ участіе въ войнѣ только Христіанъ IV, король датскій. Начальство надъ войскомъ было распредѣлено между королемъ и графомъ ф. Мансфельдъ. Войска непріятеля были иодъ начальствомъ знаменитыхъ полководцевъ Тилли и Валленштэйна. Мансфельдъ былъ разбитъ при Дессаускомъ мосту (25 апр. 1626 г.), а король — при Луттерѣ (27 авг. 1626 г.). Послѣ этого императоръ Фердинандъ II предполагалъ занять вольные ганзейскіе города и утвердиться на Балтійскомъ морѣ, но этому предпріятію его сталъ мѣшать Густавъ Адольфъ. Наконецъ, въ 1629 г., король Христіанъ IV заключилъ миръ въ Любекѣ, и къ нему отошли назадъ всѣ его земли, занятія непріателемъ.

Третій — шведскій періодъ войны — продолжался съ 1630 по 1635 г. Густавъ Адольфъ сначала разбилъ на голову войска лигистовъ, бывшія подъ начальствомъ Тилли, при Брайтенфельдѣ въ 1631 г., а затѣмъ нанесъ пораженіе имперскимъ войскамъ, бывшимъ подъ начальствомъ Валлен-

штэйна, при Люценѣ въ 1632 г., гдѣ и самъ палъ геройской смертью.

Послѣ смерти Густава Адольфа руководителемъ протестантскаго союза сдѣлался его канцлеръ Аксель Оксенштіерна; но вскорѣ курфюрсты Саксонскій и Бранденбургскій заключили съ императоромъ Пражскій миръ (1635 г.), за ними послѣдовали и другіе нѣмецкіе князья. Тогда на помощь шведамъ противъ Габсбурговъ выступаетъ Франція, и четвертый періодъ войны называется французско-шведскимъ (1635—1648).

Шведскіе войска подъ предводительствомъ Іоанна Баннёра напали на измѣнившаго лютеранству курфюрста Саксонскаго и разбили его войско при г. Виттштокѣ (1636 г.). Затѣмъ, шведы, опустошивъ Саксонію и сѣверную часть Тюрингіи, заняли г. Эрфуртъ. Когда же противъ Баннёра выступилъ эрцгерцогъ Фердинандъ Галласъ съ имперскими войсками, то Баннёръ отступилъ въ Померанію (1637 г.). Черезъ два года эрцгерцогъ былъ принужденъ вывести войска изъ сѣверной Германіи, а Баннёръ преслѣдовалъ его и при Хемницѣ (1639 г.) нанесъ ему сильное пораженіе. Послѣ этой битвы шведы сдѣлали опустошительный набѣгъ на Богемію и затѣмъ вернулись въ Саксонію, гдѣ они лишились своего полководца: Баннёръ умеръ въ 1641 г. Начальство перешло къ Торстенсону. Послѣдній вторгся въ Моравію и Силезію, а затѣмъ въ 1642 г. разбилъ въ Саксоніи имперскія войска, подъ начальствомъ Пикколомини, и вторгся снова въ Моравію, имѣя въ виду идти на Вѣну, но былъ отозванъ на сѣверъ, гдѣ возобновилась война съ датчанами. Въ 1644 г. Торстенсонъ снова явился на югъ, разбилъ эрцгерцога Галласа при Ютербокѣ и снова вторгся въ Моравію и Богемію, имѣя въ виду идти на Вѣну, но здѣсь по болѣзни принужденъ былъ передать командованіе войскомъ Врангелю.

Западная протестантская армія находилась сначала подъ начальствомъ гротгерцога Бернгарда ф. Вэймаръ, который разбилъ имперскія войска въ 1638 г. при Рейнфельденѣ.

По смерти Бернгарда въ 1639 г. его армія перешла на французскую службу подъ начальство Гебріана. Послѣдній разбилъ имперскія войска подъ Кемпеномъ (1642). Когда умеръ Гебріанъ, начальство перешло къ знаменитому полководцу Тюренну, который, соединившись съ Врангелемъ, совершилъ опустошительное вторженіе въ южную Германію — въ Баварію и Вюртембергъ. Наконецъ, Вестфальскій миръ положилъ конецъ этимъ ужаснымъ кровопролитіямъ, непрерывно тянувшимся въ теченіе тридцати лѣтъ.

Экономическое положеніе всей Германіи еще долгое время послѣ войны было ужаснымъ, тѣмъ болѣе, что непріятельскія войска еще долго послѣ 1648 г. оставались на германской территоріи.

Мы знаемъ уже, что школы въ Росслебенѣ и Донндорфѣ много претерпѣли во время только что описанной войны. „Сильно пострадала“, говоритъ Раумеръ ¹⁾, „отъ войны и Шульпфорта. Проповѣдникъ Клаубель пробрался туда 2-го августа 1632 г. прямо сквозъ ряды войскъ Валленштэйна. Въ томъ же году, вслѣдствіе непріязненныхъ военныхъ дѣйствій, были распущены всѣ ученики тамошняго алумната. Въ слѣдующемъ году они вернулись туда обратно. Въ 1636 г. ихъ вторично распустили по причинѣ непріятельскихъ вторженій. Въ 1637 г., когда фельдмаршалъ Лесли расположился зимнимъ лагеремъ вблизи Шульпфорта, ученики снова разбрелись и находились внѣ стѣнъ своего заведенія цѣлыхъ семнадцать недѣль, потому что не было возможности добыть съѣстныхъ припасовъ, какъ для нихъ такъ и для учителей. 18 февраля 1639 г., злосчастные ученики алумната, а равно и ихъ учителя, были разогнаны конницею шведскаго фельдмаршала Баннёра. Шульпфортскому законоучителю, вернувшемуся 23-го февраля на старое пепелище съ пятью учениками, пришлось, вмѣстѣ съ ними, питаться до новой жатвы хлѣбомъ изъ овсяной муки.

1) Раумеръ. Исторія воспитанія и обученія. стр. 119.

16 апрѣля 1641 г., ученики, числомъ всего 12, снова были разогнаны во всѣ стороны солдатами вѣймарскаго герцога Бернгарда, состоявшими подъ командою генерала Розе. „Въ день Страшнаго Суда, Богъ взыщетъ съ генерала и его солдатъ,“ пишетъ тамошній проповѣдникъ Безольдъ, „уже за одно то, что они затынутыми вокругъ шеи веревками задушили двухъ учениковъ алумната.“ Бѣжавшій въ это время Безольдъ вернулся въ Шулъпфурту 21-го мая лишь съ двумя учениками. Въ 1643 г. приходился столѣтній юбилей этого училища. Но все подверглось такому страшному, благодаря войнамъ, разоренію, что только одиннадцати мальчикамъ удалось отпраздновать, впрочемъ весьма жалкимъ образомъ, память учрежденія училища.“

Король Густавъ Адольфъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ успѣха протестантизма въ борьбѣ съ латинствомъ въ тридцатилѣтнюю войну, былъ просвѣщеннѣйшимъ монархомъ своего времени. Онъ понималъ, что новые религіозно-нравственные идеалы слѣдуетъ защищать не однимъ только оружіемъ, но также, и главнымъ образомъ, организаціей школьнаго дѣла, соотвѣтствующей духу этихъ идеаловъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что только черезъ обученіе-воспитаніе возможно привить народу всю мощь новыхъ культурныхъ стремленій. Даже во время своего многотруднаго похода въ самый центръ Германіи, когда ему приходилось напрягать всѣ силы своего военнаго генія въ борьбѣ противъ знаменитѣйшихъ полководцевъ того времени Тилли и Валленштэйна, Густавъ Адольфъ ни на минуту не упускалъ изъ виду своихъ культурныхъ цѣлей и вездѣ, гдѣ могъ, оказывалъ поддержку протестантскимъ школамъ. Такъ напримѣръ, онъ поддержалъ въ г. Фридбергѣ совсѣмъ близившуюся къ своему окончательному паденію протестантскую школу, а въ г. Швайнфуртѣ онъ подарилъ жителямъ семнадцать деревень съ тѣмъ, чтобы извѣстная часть доходовъ была употреблена „на основаніе гимназіи во славу Имени Божія и на пользу обучающагося юно-

шества 1)“. У себя — въ Швеци, Густавъ Адольфъ положилъ много труда на поднятіе народнаго обученія, между прочимъ, имъ былъ возстановленъ Упсальскій университетъ. Результатомъ даннаго Густавомъ Адольфомъ импульса было то, что въ 1638 г., послѣ его смерти, шведскія государственныя сословія пригласили отца воспитательнаго обученія Амоса Коменскаго, имя котораго уже гремѣло во всей Европѣ, для реорганизаціи шведскихъ школъ.

Многимъ — въ смыслѣ просвѣщенія — обязанъ Густаву Адольфу и нашъ Прибалтійскій край. Когда въ 1625 г. Ливонія перешла отъ Польши въ шведскія владѣнія, то она представляла вслѣдствіе продолжительной шведско-польской войны весьма печальную картину полного упадка земледѣлія, промышленности, торговли, а также просвѣщенія и нравственности — картину, вполнѣ гармонировавшую съ культурнымъ состояніемъ Германіи въ періодъ тридцатилѣтней войны. Густавъ Адольфъ назначилъ генераль-губернаторомъ Ливоніи одного изъ самыхъ выдающихся своихъ государственныхъ людей І. Скитте, который и иредпринялъ реорганизацію управленія страной и насажденіе въ ней просвѣщенія. Дерптъ по мысли самого короля былъ избранъ какъ центръ судебный и церковно-административный, съ одной стороны, и какъ центръ просвѣтительный — съ другой. 13-го октября 1630 г. была основана здѣсь „королевская гимназія“, имѣвшая скорѣе типъ высшаго учебнаго заведенія, а 30-го іюня 1632 г. Густавъ Адольфъ въ лагерѣ подъ Нюрнбергомъ подписалъ декретъ о преобразованіи этой гимназіи въ Дерптскій университетъ.

Конечно, это крайне поразительный фактъ, что могущественный шведскій монархъ въ такое время, когда вся Западная Европа была объята заревомъ кровопролитнѣйшихъ войнъ, ни на минуту не упускалъ изъ виду задачъ народнаго просвѣщенія, но еще болѣе поразительно то обстоя-

1) Раумеръ. Исторія воспитанія и обученія. стр. 118 и 120.

тельство, что изъ среды угнетеннаго, погрязшаго въ бѣдности и въ ужасномъ нравственномъ огрубѣннн народа вышелъ великій мастеръ педагогическаго дѣла Амосъ Коменскій. Онъ появился въ Моравіи — именно въ той части Европы, которая особенно сильно пострадала въ первый періодъ тридцатилѣтней войны, и его дѣятельность почти сполна падаетъ на всю эпоху этого тридцатилѣтняго кровопролитія.

г. Штольбергъ въ Гарцѣ,
Августъ 1905 г.

В. Алексѣевъ.

О развитіи дѣла воспитательнаго обученія въ трудахъ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта.

Амосъ Коменскій родился въ Комнѣ въ Моравіи въ 1592 г. Онъ очень рано лишился своихъ родителей. Его опекуны мало обращали вниманіе на его воспитаніе и образованіе. Только впослѣдствіи, уже въ юношескомъ возрастѣ, онъ обучался въ Герборнѣ (герцогство Нассау), гдѣ его учителемъ былъ извѣстный богословъ-реформаторъ Альштэдтъ.

Въ 1614 г., вернувшись въ свое отечество, Коменскій получилъ мѣсто ректора школы въ Преровѣ, а въ 1618 г. онъ сдѣлался пасторомъ въ г. Фульнекѣ, но продолжалъ и здѣсь педагогическую дѣятельность, въ особенности по составленію учебниковъ. Въ 1621 г. въ эти мѣста вторглись испанцы и стали сильно тѣснить протестантское населеніе. Въ 1624 г. всѣ протестантскіе пасторы были удалены изъ австрійскихъ владѣній. Коменскій лишился своей должности, но проживалъ еще нѣкоторое время въ Богемскихъ горахъ у одного барона. Въ 1626 г. было обнародовано повелѣніе, чтобы всѣ лица некаатолическаго вѣроисповѣданія оставили страну; тогда изъ одной только Богеміи выселилось тридцать тысячъ семействъ. Коменскій, переходя границу Польши вмѣстѣ со своими спутниками, палъ на колѣни и, проливая обильныя слезы, молилъ Бога, чтобы Онъ, Милосердый, не отворотился окончательно отъ Моравіи и Богеміи, но сохранилъ

въ нихъ для будущихъ лучшихъ временъ силы Святого Своего Слова. Въ это время имъ овладѣла и никогда уже больше его не покидала мысль, что родному народу, при возвращеніи лучшихъ временъ, надо будетъ помочь учреждеиемъ школъ, основанныхъ на новыхъ болѣе совершенныхъ началахъ.

Въ Польшѣ Коменскій преподавалъ латинскій языкъ въ г. Лисснѣ (Lissne) и написалъ здѣсь прославившій его повсюду учебникъ латинскаго языка „Отверстая дверь языковъ“ (*Jana linguarum reserata*), который былъ переведенъ на всѣ европейскіе и нѣкоторые восточные языки¹⁾.

Во время своихъ скитаній и укрывательства въ горахъ Богеміи, Коменскій написалъ цѣлый рядъ аскетическихъ и мистическихъ богословныхъ трактатовъ, изъ которыхъ самый замѣчательный „Лабиринтъ свѣта и рай сердца“. Въ этомъ сочиненіи Коменскій въ яркихъ краскахъ рисуетъ плачевное состояніе Европы въ то время: вездѣ смущеніе и разстройство, фальшь и обманъ, страхъ и нищета; вездѣ, благодаря религиознымъ войнамъ, разбиты въ дребезги старыя формы государства, церкви и школы; вся Германія грозитъ впасть въ состояніе полного нравственнаго одичанія. Преисполненною ядомъ сатирою громить здѣсь Коменскій власти и военное сословіе, рыцарей и публицистовъ, въ особенности же духовныхъ лицъ и ученыхъ, блуждающихъ по ложнымъ путямъ. Дневной грабежъ и кастовая замкнутость знатныхъ, роскошь богатыхъ, недоступность и безсердечіе правителей, „которымъ ихъ совѣтники курятъ еиміамъ и подставляютъ очки съ разноцвѣтными стеклами“ — все это даетъ матеріалъ его ѣдкимъ насмѣшкамъ.

1) Вскорѣ онъ издалъ еще введеніе къ этому руководству — „*Vestibulum*“, въ которомъ онъ полагаетъ начало предметному изученію латинскаго языка и высказываетъ сожалѣніе, что не могъ снабдить свое изданіе изображеніями предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Онъ говоритъ, что намѣренъ дать „наставленія, ведущія къ мудрости, и руководство все понимать и знать, во всемъ поступать надлежащимъ образомъ и обо всемъ правильно говорить, вдобавокъ еще на латинскомъ языкѣ“.

Съ чистою, безграничною любовью къ своему отечеству Коменскій умѣлъ соединять благородный, идейный космополитизмъ; эта его особенность ярко выдѣляется во всей его дѣятельности. Онъ называетъ братьями не только тѣхъ, которые ирываютъ Имя Христа, но и „всѣхъ потомковъ Адама“, всѣхъ людей, живущихъ на земной поверхности. „Почему не быть всѣмъ людямъ“, спрашиваетъ онъ, „въ согласіи между собою? Вѣдь одна и та же мать-земля носитъ и кормитъ насъ, одно и то же небо покрываетъ насъ, тоже самое солнце и всѣ звѣзды свѣтятъ намъ, одинъ и тотъ же воздухъ обвѣваетъ и оживляетъ насъ, одно и тоже дыханіе жизни согрѣваетъ насъ всѣхъ. Мы всѣ — сочлены одного міра, что же препятствуетъ намъ собраться въ одно сообщество, подъ одни и тѣ же законы? И не желаемъ ли мы всѣ одного и того же, именно — лучшаго? Что же препятствуетъ намъ надѣяться, что мы въ будущемъ составимъ одно благоустроенное сообщество, связанное одною наукою, одними законами и одною религіею? Развѣ Богъ не сотворилъ всѣхъ людей изъ одного и того же вещества, развѣ Онъ не наложилъ на всѣхъ одной и той же печати — Своего Образа? Если міръ своею внѣшнею природою представляетъ одно цѣлое, то почему же не быть ему такимъ и въ духовномъ отношеніи? Вѣдь всѣмъ людямъ присуща ихъ общая природа, вѣдь вездѣ мы находимъ одинаково дѣйствующія силы чувствъ, разумнаго мышленія, воли и желанія, одно и тоже дѣйствованіе и страданіе, и всѣми нами управляется одинъ и тотъ же Богъ!“

Вотъ эти-то идеалы религіозной нравственности и челоуѣчности, эти идеалы мира и единенія людей служили конечною цѣлью всѣхъ педагогическихъ трудовъ Коменскаго и его философскихъ изысканій. Вся его педагогическая дѣятельность была направлена къ тому, чтобы создать однообразный и общій методъ, который далъ бы возможность у различныхъ народовъ организовать одинаковое обученіе. Такимъ образомъ онъ рассчитывалъ достигнуть болѣе лег-

каго взаимнаго пониманія различныхъ народовъ между собою и проложить надежный путь къ миру и единенію между различными націями и различными религіями.

Эти идеалы побудили Коменскаго принять участіе въ коллоквиумѣ, созванномъ въ Торнѣ для объединенія различныхъ вѣроисповѣданій, и составить воззваніе къ князьямъ и къ церквамъ съ призывомъ къ примиренію „во Христѣ-Миротворцѣ“. Онъ возлагалъ также много надеждъ на конференцію представителей различныхъ державъ, которая состоялась въ Оснабрюккѣ въ 1643 г.

Доходя такимъ образомъ до крайнихъ утопій въ своихъ идейныхъ стремленіяхъ, Коменскій однако не впалъ въ безпочвенный универсализмъ и космополитизмъ, какъ это часто случалось съ прежними общественными дѣятелями и теперь нерѣдко бываетъ.

Коменскій прекрасно понималъ, что практически къ его идеаламъ можно подойти только путемъ отъ частнаго къ общему, только индуктивно, наблюдая окружающую природу, окружающихъ людей и дѣлая лишь весьма осторожныя обобщенія. Онъ понималъ, что ритмъ дѣйствительной жизни постижимъ, во всѣхъ его тонкостяхъ, лишь путемъ наблюденія отдѣльныхъ фактовъ физическихъ и общественныхъ. Эти размысленія привели его къ истиннымъ естественнымъ основамъ нѣсколькаго дѣла, изложеннымъ въ его различныхъ дидактическихъ и методологическихъ сочиненіяхъ. Они же привели его и къ философскимъ трактатамъ: „Физика“ и „Предтеча всемудрости“ (*Pansophiae prodromus*). Наконецъ, эти же стремленія къ натуральному методу обученія заставили его уже въ преклонномъ возрастѣ издать знаменитый „Міръ въ картинкахъ“ (*Orbis pictus*), знакомящій дѣтей съ предметами посредствомъ наглядныхъ изображеній¹⁾, и „Школьные драмы“ (*Schola ludus*) для представленія на нѣсколькой сценѣ.

1) Этотъ трудъ положилъ прочныя основанія для дальнѣйшаго

Въ 1638 г. Коменскій былъ приглашенъ для реорганизаціи народнаго образованія въ Швеціи, но онъ не послѣдовалъ этому приглашенію. Въ 1640 г. онъ принялъ однако приглашеніе нѣкоторыхъ его друзей пріѣхать въ Англію для основанія коллегіи ученыхъ съ цѣлью распространенія просвѣщенія, но въ 1642 г. начались въ Англіи народныя волненія, и Коменскій переѣхалъ въ Швецію, гдѣ имѣлъ совѣщанія съ знаменитыми сотрудниками короля Густава Адольфа — съ Акселемъ Оксенштёрна и Иоанномъ Ските.

Коменскій сообщаетъ, что Оксенштёрна, этотъ сѣверный орелъ, экзаменовалъ его строже, нежели какой бы то ни было ученый. „Уже въ молодости моей я замѣтилъ“, говорилъ Коменскому великій канцлеръ¹⁾, „что обычный методъ преподаванія и ученія имѣетъ въ себѣ нѣчто насильственное; но никакъ не могъ открыть и уяснить себѣ, въ чемъ именно кроется ошибка. Когда же, наконецъ, славной памяти мой король отправилъ меня посломъ въ Германію, то я много толковалъ объ этомъ вопросѣ съ нѣкоторыми компетентными лицами. Когда же я узналъ, что Ратихій²⁾ измыслилъ и трудится надъ проведеніемъ новаго метода обученія, я не находилъ себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока лично не повидался съ этимъ человѣкомъ, который, однако, вмѣсто бесѣды со мною, далъ мнѣ прочитать объемистую книгу *in quarto*. Я тѣмъ не менѣе одолѣлъ этотъ утомительный трудъ; но, прочитавши книгу отъ доски до доски, усмотрѣлъ, что Ратихій, правда, весьма удачно разоблачилъ несовершенства и слабыя стороны школъ, но за то, цѣлебныя средства, предлагаемыя имъ противъ этого

развитія нагляднаго обученія, которое особенно детально было разработано знаменитымъ Песталоцци. *Orbis pictus* былъ переведенъ на русскій языкъ и изданъ три раза въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв.

1) См. Раумеръ. Исторія воспитанія и обученія. *Ibid.* стр. 127.

2) Ратихій былъ предшественникомъ Коменскаго и вообще былъ пионеромъ въ дѣлѣ организаціи преподаванія по натуральному методу.

зла, показались мнѣ далеко недостаточными. То же, что вы предлагаете, построено на болѣе прочныхъ основаніяхъ“. Коменскій сказалъ канцлеру, что онъ въ настоящее время занятъ еще кое-чѣмъ совсѣмъ новымъ. На это канцлеръ отвѣтилъ: „Я знаю, что вы замышляете нѣчто великое, ибо я читалъ вашъ „*Prodromus pansophiae*“, но объ этомъ мы поговоримъ завтра“. На слѣдующій день Оксенштиерна рѣзко высказалъ Коменскому свое мнѣніе объ этомъ сочиненіи и раскритиковалъ приводимыя въ немъ великія надежды на будущее, спросивъ предварительно Коменскаго, пожелаетъ ли онъ выслушать возраженія на его мысли.

Затѣмъ, шведское правительство поручило Коменскому составить систематическое изложеніе изобрѣтеннаго имъ метода. Коменскій четыре года проработалъ надъ составленіемъ учебниковъ по его методу, проживая въ прусскомъ городѣ Эльбингѣ, на берегу Балтійскаго моря. Въ 1646 г. онъ пріѣхалъ снова въ Швецію и представилъ свой трудъ. Его трудъ былъ тщательно провѣренъ особыми комиссарами и допущенъ къ напечатанію. Въ 1648 г. онъ былъ призванъ „общиною“ въ Лисну для занятія должности епископа; здѣсь онъ напечаталъ свой многолѣтній трудъ подъ заглавіемъ „*Novissima linguarum methodus*“.

Въ 1650 г. Коменскій, по приглашенію князя Рагоцкаго, поѣхалъ въ Венгрію и Трансильванію, гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ устраивалъ школу въ мѣстечкѣ Патакѣ. Въ 1654 г. Коменскій вернуля въ Лисну и прожилъ здѣсь до 1656 г., когда поляки въ войнѣ со шведами сожгли Лисну, при чемъ Коменскій лишился своего дома, бібліотеки и почти всѣхъ своихъ рукописей. Послѣ этого онъ велъ нѣкоторое время скитальческую жизнь въ сѣверной Германіи и наконецъ достигъ Амстердама. Здѣсь Коменскій жилъ до самой своей смерти въ 1670 г. (15-го ноября), зарабатывая себѣ средства къ жизни обученіемъ дѣтей богатыхъ купцовъ. Здѣсь онъ издалъ въ 1657 г. всѣ свои педагогическія сочиненія на иждивеніе Лаврентія де Геера, подѣ

заглавіемъ „Opera didactica omnia“¹⁾, объемомъ свыше тысячи страницъ in-folio.

Послѣ Вестфальскаго мира нѣкоторые изъ правителей, а также магистраты свободныхъ имперскихъ городовъ стали усердно заботиться о народномъ образованіи, такъ какъ распушенность нравовъ и полный упадокъ знаній у новаго поколѣнія, какъ послѣдствія продолжительныхъ войнъ, сильно тормазили развитіе экономической и общественной жизни.

Хотя реформа Лютера заложила прочныя основанія освободительному отъ власти романизма движенію, но тѣмъ не менѣ латинскій языкъ является въ школахъ XVII в. и первой половины XVIII в. еще господствующимъ предметомъ преподаванія. Труды Коменскаго даютъ однако толчокъ къ изученію предметовъ реальныхъ: такъ въ Герсфельдской гимназіи въ 1649 г. были введены нѣкоторые учебники Коменскаго, въ Данцигской гимназіи по росписанію уроковъ 1653 г. полагалось чтеніе *Vestibulum* и *Janua* Коменскаго; *Orbis pictus* былъ въ употребленіи въ гимназіяхъ нитудгардской и нюрнбергской. Хотя при этомъ изображенія различныхъ предметовъ не пояснялись учителями и разсматривались скорѣе, какъ вспомогательныя орудія для запоминанія словъ, а не для ознакомленія съ изображенными предметами, тѣмъ не менѣ цѣль, которую имѣлъ въ виду Коменскій, достигалась сама собою: ученики и безъ поясненій получали наглядное знакомство съ нѣкоторыми новыми для нихъ предметами.

Къ этому присоединяется вскорѣ преподаваніе математики по наглядному руководству Штурма, которое содержитъ: общую математику, практическую ариметику, теоретическо-практическую геометрію, оптику, фортификацію,

1) Сочиненіе Коменскаго „*Didactica magna*“ въ русскомъ переводѣ была издана три раза: подъ редакціей С. Миропольскаго въ 1875—1877 гг., Адольфомъ и Любомудровымъ въ 1893 г. и Щепинскимъ въ 1893 г. (имъ же въ журналѣ „Гимназія“ за 1895 г.).

строительное искусство, космографію, хронологію, гномонику и механику. Въ началѣ этотъ учебникъ, снабженный прекрасными рисунками, былъ введенъ лишь въ Нюрнбергской гимназіи. Ректоръ этой гимназіи Фейерлейнъ¹⁾ весьма восхваляетъ методъ Штурма: „По этому методу ученикамъ нечего заучивать таблицу умноженія, какъ это безмысленно дѣлается въ нѣмецкихъ (sic!) школахъ: они сами ее составляютъ, avec raison, сознательно и съ полнымъ разумѣніемъ. Здѣсь учатъ также *διότι*, т. е. понимать причину и основаніе математическихъ правилъ, почему такъ дѣлается, а не иначе. Въ нѣмецкихъ же школахъ учатъ только *ὅτι*, т. е. какъ слѣдуетъ дѣлать, не объясняя причины: почему? Поэтому и все ученіе тамъ есть болѣе дѣло памяти, чѣмъ ума“ Затѣмъ, онъ восхваляетъ, что по методу Штурма мальчики весьма „ловко пріучаются владѣть циркулемъ, угломѣромъ, масштабомъ, мѣрною линейкою и т. п., и уже послѣ нѣсколькихъ упражненій могутъ опредѣлять весьма вѣрно и отчетливо, даже прямо на глазъ, величину стола, окна, комнаты, дома и т. д.“

Особенно благодарную почву реалистическое направленіе нашло вблизи Гольдене Ауэ въ г. Галлѣ на р. Заалѣ. Здѣсь была основана впервые педагогическою главою піетизма²⁾ Франке нѣмецкая бюргерская школа, здѣсь же появилось и первое реальное училище, основанное ученикомъ Франке, пасторомъ Землеромъ. Отсюда реализмъ школьнаго преподаванія съ сильнымъ піетическимъ оттѣнкомъ распространился по всей Сѣверной, а затѣмъ и Южной Германіи и сдѣлался характерною чертою германскаго начальнаго образованія почти до самаго послѣдняго времени.

Основателемъ піетизма въ Германіи считается

1) Раумеръ. Исторія воспитанія и обученія. Педаг. Сб. 1876. Прил. стр. 297.

2) J. Kvasala. Die pädag. Reform des Commenius in Deutschland. Bd. II. S. 154, 155. Monum. Germ. Pädag. Bd. 32.

Филиппъ Шпенеръ (1635—1705). Когда Шпенеръ жилъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, у него происходили собранія съ цѣлю внести въ протестантство больше активнаго благочестія, больше чувства, дабы освободиться отъ мертвой формалистики ортодоксальнаго лютеранства, сдѣлавшаго религію достояніемъ холоднаго ума. Изъ этихъ собраній и возникъ піетизмъ въ Германіи, вступившій вскорѣ въ сильную борьбу съ ортодоксальнымъ лютеранствомъ. Есть много основанія думать, что труды Амоса Коменскаго имѣли вліяніе на возникновеніе піетизма въ Германіи. Такъ, на-примѣръ, Горбъ, родственникъ Шпенера, сообщаетъ, что онъ посѣтилъ Коменскаго въ Амстердамѣ и бесѣдовалъ съ нимъ по церковнымъ вопросамъ. Изъ переписки Лейбница со Шпенеромъ, тоже можно заключить, что ихъ интересовали вопросы, поднятые Коменскимъ въ особенности въ его „Исповѣди“ — *Unum necessarium*, которую онъ написалъ на 77 году отъ рожденія. Наконецъ, извѣстный адвокат-піетистъ А. Фритшъ обращался къ Шпенеру съ просьбой прислать ему одинъ экземпляръ *Unum necessarium* Коменскаго.

Августъ Франке, педагогическій глава піетизма, родился 22 марта н. с. 1663 г. въ Любекѣ. Но его предки происходили изъ Тюрингіи, изъ деревни Гельдра у г. Треффурта на р. Веррѣ.

Отецъ Франке переселился въ 1666 г. въ г. Готу по приглашенію Готскаго Герцога Эрнста Благочестиваго для занятія должности совѣтника юстиціи при герцогскомъ дворѣ. Это дало возможность Августу Франке получить образованіе во вновь реформированныхъ, благодаря заботамъ самого герцога, школахъ.

Уже въ 1641 г. педагогъ А. Рейгеръ и богословъ С. Глазъ получили отъ герцога порученіе составить проектъ преобразованія воспитательнаго дѣла во всей странѣ. Они составили знаменитый проектъ — *Gothaer Schulmethodus*, который былъ впослѣдствіи напечатанъ лишь съ небольшими измѣненіями. Нечего и говорить, что по этому

проекту¹⁾ главною основою воспитаія служить заботливо обставленне преподаваніе Закона Божія. Но нельзя не замѣтить, что и реальные предметы не были имъ упущены. Вѣроятно составители проекта руководились въ значительной степени педагогическими трудами Коменскаго, по крайней мѣрѣ А. Рейгеръ предпринялъ также новую обработку *Janua linguarum* для герцогскихъ школъ, которая была напечатана въ 1643 г. Въ слѣдующемъ году онъ выпустилъ въ свѣтъ еще дополнительно словарь: *Vocabulatorium latino-germanicum*²⁾

Замѣчу здѣсь кстати, что въ герцогствѣ Саксенъ-Гота появились первыя нѣмецкія учительскія семинаріи. Ихъ устроилъ преемникъ Эрнста Благочестиваго — герцогъ Фридрихъ II въ 1698 г. Эти семинаріи назывались *Seminaria scholastica* и были расположены въ десяти небольшихъ мѣстечкахъ герцогства.

Въ 1679 Франке иоступилъ въ Эрфуртскій университетъ, но черезъ полгода перешелъ въ Кильскій. Въ 1682 г онъ вернулся въ Готу и здѣсь въ теченіи полтора года усердно изучалъ Библію. Въ 1684 г. Франке переѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ получилъ ученую степень магистра за диссертацию *De grammatica hebraea* и началъ самъ читать лекціи при университетѣ.

Въ 1686 г. совмѣстно съ другими магистрами онъ образовалъ ферейнъ *Collegium philobiblicum* съ цѣлію изученія и уясненія Библіи.

Затѣмъ, въ 1687 г., Франке отправился въ Люнебургъ для занятій у суперинтидента Зандгагена, извѣстнаго спеціалиста по библейской экзегезѣ. Здѣсь въ Люнебургѣ, въ полномъ уединеніи, его долго мучилъ духъ сомнѣнія въ истинности ученія, но усердныя молитвы укрѣпили его въ вѣрѣ. „Я увѣрился въ своемъ сердцѣ“, говоритъ онъ, „въ милости и милосердіи Господнемъ, во Христѣ Іисусѣ. Я

1) A. Braem. *Der Gothaische Schulmethodus*. Berlin. 1897. (Diss.)

2) J. Kvačala. *L. c.* S. 61.

могъ всею душою назвать его не только моимъ Богомъ, но и моимъ Отцомъ“ 1).

Поѣздка Франке въ Дрезденъ въ 1689 г. къ Шпенеру еще болѣе укрѣпила его пѣтизмъ, и по возвращеніи въ Лейпцигъ онъ энергично начинаетъ дѣйствовать въ духѣ пѣтизма, на университетской кафедрѣ, въ обществѣ, въ ферейнѣ Collegium philobiblicum.

Успѣхъ Франке въ обществѣ и среди студенчества былъ такъ великъ, что старые профессора-богословы стали ему завидовать и возбудили даже дѣло по обвиненію его въ еретичествѣ, отъ котораго ему лишь съ большимъ трудомъ удалось отдѣлаться.

Въ 1690 г. Франке былъ назначенъ діакономъ Августиновской церкви въ Эрфуртѣ, но здѣшнее духовенство также стало преслѣдовать его за пѣтизмъ, и 27 сентября 1691 г. онъ былъ удаленъ отъ должности.

Въ 1691 г. счастье начало улыбаться Франке: Шпенеръ былъ назначенъ въ этомъ году совѣтникомъ консисторіи и настоятелемъ церкви св. Николая въ Берлинѣ, а вслѣдствіе этого пѣтисты въ Пруссіи стали имѣть сильную поддержку.

Въ концѣ этого года Шпенеръ увѣдомилъ Франке, что послѣдняго имѣютъ въ виду для профессуры восточныхъ языковъ во вновь открываемомъ университетѣ въ Галлѣ, а покаместъ ему предлагается мѣсто пастора въ деревнѣ Глохау, предмѣстьѣ Галле. Въ началѣ слѣдующаго 1692 г. Франке началъ свою пасторскую дѣятельность въ Глохау, уже твердо проводя въ жизнь своей общины принципы пѣтизма. Онъ завелъ обыкновеніе приглашать каждый четвергъ бѣдныхъ общины и передъ раздачею имъ посильнаго вспоможенія поучалъ ихъ въ духѣ Шпенера.

1) Раумеръ. Исторія воспитанія и обученія. Педаг. Сб. за 1876 г. Прил. стр. 266.

Въ домѣ Франке имѣлась кружка для собирающаго добровольныхъ приношеній бѣднымъ.

Вотъ, однажды, передъ Пасхою 1695 г., Франке находитъ въ этой кружкѣ семь гульденовъ. „О это порядочный капиталъ“, говоритъ онъ, „на него надо устроить что-нибудь солидное; я попробую устроить на этотъ капиталъ школу для бѣдныхъ“. И вскорѣ онъ организуетъ систематическое обученіе дѣтей бѣдныхъ. Сначала на весьма скромныхъ началахъ у себя дома. Когда же горожане пожелали тоже пристроить своихъ дѣтей у него за извѣстную плату, то Франке нанялъ двѣ комнаты въ сосѣднемъ домѣ и одну предназначилъ для дѣтей бѣдныхъ, а другую для дѣтей горожанъ. Въ концѣ этого же года, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ, онъ имѣлъ уже возможность купить домъ, гдѣ находились его два училища.

Затѣмъ, Франке основалъ Сиротскій Домъ (Waisenhaus) для воспитанія сиротъ и Педагогумъ для сообщенія реального обученія дѣтямъ людей богатыхъ. При Педагогумѣ имѣлись: ботанической садъ, естественно-историческій и физическій кабинеты, химическая лабораторія, анатомическій театръ, а также токарные станки и мельницы для полировки стеколъ.

Наконецъ, онъ устроилъ въ 1696 г. „бесплатную столовую“ для студентовъ-богослововъ, съ обязательствомъ для столующихся у него студентовъ заниматься со школьниками; отсюда получила начало его Учительская Семинарія; а въ 1697 г. къ его школамъ прибавилась еще латинская школа или гимназія.

Всѣ школы Франке помѣщались въ различныхъ и не хорошо приспособленныхъ для школъ домахъ; это ему не нравилось, и онъ рѣшилъ построить одинъ домъ большихъ размѣровъ, въ которомъ могли бы помѣщаться всѣ его школы. Съ этою цѣлью Франке послалъ своего сотрудника Нэйбауера въ Голландію для осмотра тамошнихъ воспитательныхъ домовъ для сиротъ. По пріѣздѣ Нэйбауера было

выстроено грандіозное здаіе, къ которому были сдѣланы въ послѣдствіи еще многія пристройки. Все это сохранилось и до сего времени подъ названіемъ „Сиротскаго Дома Франке“. Площадь, занимаемая этой постройкой равна 22 моргеновъ, а мѣсто незастроенное при ней равно 50 моргеновъ¹⁾.

Учрежденія Франке пользовались покровительствомъ королей Прусскихъ Фридриха I и Фридриха Вильгельма I, которые удостоили ихъ своими личными посѣщеніями.

Нѣмецкія школы, учрежденныя Франке, т. е. даровая школа для бѣдныхъ (Freischule), городское училище (Bürger-schule), школа для сиротъ (Waisenschule) и женскія училища соотвѣтственныхъ типовъ носили реальный и даже практическій характеръ, но при весьма заботливо обставленномъ преподаваніи Закона Божія.

Классное преподаваніе въ этихъ школахъ велось три часа до обѣда и три часа послѣ обѣда, при чемъ три часа шло на Законъ Божій, а остальные три часа на чтеніе, чистописаніе, ариѣметику и пѣніе.

Кромѣ этихъ часовъ занятія велись также на часто устраиваемыхъ прогулкахъ; такимъ образомъ сообщались, въ видѣ разсказовъ, нѣкоторыя свѣдѣнія по астрономіи, географіи, физикѣ, исторіи и мѣстнымъ законамъ. Этотъ порядокъ занятій съ воспитанниками былъ заимствованъ Франке изъ школъ Готы. Ко всему этому присоединились еще занятія ручнымъ трудомъ въ особенности для сиротъ: въ свободное время они вертѣли ручныя мельницы, работали въ кухнѣ или въ саду, пилили, разматывали шерсть, пряли, вязали чулки. Даже мальчики-сироты учились вязать чулки.

Что касается до класснаго преподаванія въ означенныхъ

1) Учрежденіямъ Франке принадлежатъ нѣсколько имѣній и между прочимъ одно, въ 400 моргеновъ, въ Гольдене Ауэ съ деревней Берга, смежное съ графствомъ Штольбергъ-Ротлебероде.

школахъ, то оно отличалось достаточною наглядностью, благодаря многимъ вспомогательнымъ рисункамъ, картинамъ, географическимъ картамъ, моделямъ, препаратамъ, физическимъ опытамъ и наблюденіямъ явленій природы при частыхъ ученическихъ прогулкахъ въ окрестностяхъ.

Тысячи воспитанниковъ и сотни учителей прошли черезъ школы Франке и распространили его систему школьнаго воспитанія - обученія по всей Пруссіи. По образцу его начальныхъ школъ стали возникать повсюду въ Пруссіи сиротскіе дома и народныя училища, сохранившіе свой характеръ до начала XIX вѣка.

Наконецъ, слѣдуетъ также сказать и о томъ, что Франке кромѣ указанныхъ сторонъ его дѣятельности: пасторской, профессорской и воспитательной, имѣлъ еще большую любовь къ трудамъ миссіонерскимъ. Вліяніе его на развитіе миссіонерскаго дѣла было весьма плодотворно и не угасло даже послѣ его смерти: одинъ изъ воспитанниковъ его Педагогіума, графъ Людвигъ ф. Цинцендорфъ (1700—1760 г.) основалъ въ 1724 г., въ своемъ имѣніи Бертельсдорфъ, для изгнанныхъ моравскихъ братьевъ Общину Гернгутеровъ¹⁾, сдѣлавшую весьма много для просвѣщенія язычниковъ и существующую по настоящее время.

Какъ мы уже выше сказали, въ Галлѣ появилось первое реальное училище, устроенное ученикомъ Франке — Землеромъ.

Въ этомъ училищѣ, по словамъ Землера, „юношество обучается полезнымъ и въ ежедневной жизни необходимымъ наукамъ“, при чемъ изучаемыя вещи показываются ему или *in natura*, или въ ихъ изображеніи. Онъ говоритъ, что описаніе города Рима въ книгѣ даетъ весьма слабое представленіе объ этомъ городѣ; болѣе ясное представленіе по-

1) Въ этой общинѣ получилъ воспитаніе недавно скончавшійся деканъ богословскаго факультета Юрьевскаго университета, проф. I. Керстенъ.

лучается, если описаніе иллюстрируется гравюрами, раскрашенными изображеніями, моделями; лицезрѣніе же города собственными глазами даетъ высшую, полнѣйшую степень знанія. Дальше Землеръ говоритъ, что девизомъ его преподавательской дѣятельности въ теченіе сорока лѣтъ служить выраженіе „Non scholae sed vitae discendum.“ А для жизни необходимо знаніе вѣса и мѣры, употребленіе циркуля и линейки, знаніе календаря, астрономіи и географіи, знаніе главнѣйшихъ законовъ страны, свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и изъ хроники города Галле, необходимо знать географическую карту Германіи, карту герцогства Магдебургскаго, а въ особенности и подробно надо быть знакомымъ „съ географическимъ расположеніемъ мѣстожительства, т. е. города Галле и его окрестностей, о которыхъ такъ часто говорится въ повседневной жизни. Ибо имѣть такого рода познанія гораздо необходимѣе и полезнѣе, чѣмъ знать, гдѣ въ мірѣ находятся города: Дублинъ, Астрахань и Адрианополь“.

Въ этихъ указаніяхъ Землера уже ясно выступаетъ педагогическое правило, особенно сильно обоснованное и развитое въ послѣдствіи въ трудахъ Песталоцци: „прежде всего надо обучать тому, что предлагаетъ и требуетъ ближайшее настоящее и ежедневная жизнь.“

Теперь мы перейдемъ къ краткому описанію дѣятельности знаменитаго швейцарскаго педагога Юганна Генриха Песталоцци, который создалъ новую, весьма значительную эпоху въ развитіи школьнаго дѣла въ Германіи.

Подобно Коменскому, Песталоцци появился въ такое время, когда экономическія и соціальныя условія менѣе всего соотвѣтствовали спокойному занятію дѣломъ просвѣщенія народныхъ массъ. Это было время движенія умовъ, подготовившаго великую французскую революцію, охватившую также и Швейцарію, родину Песталоцци.

Не смотря на то, что швейцарскіе крестьяне имѣли исходъ борьбы съ феодалами болѣе счастливый, чѣмъ

крестьяне Гольдене Ауэ и Тюринги, подъ начальствомъ Мюнцера, не смотря на то, что послѣ этой борьбы Швейцарія распалась на мелкія автономныя республики, тѣмъ не менѣе вскорѣ опять наступило время рабства большинства населенія и произволъ аристократическаго меньшинства.

Вслѣдствіе развитія промышленности и торговли, города Швейцаріи стали богатѣть и оказывать сильное давленіе на сельское населеніе. Они все дѣлали для улучшенія своего положенія: открывали школы для горожанъ, давали привилегіи въ торговлѣ и промышленности своимъ горожанамъ и т. д.

Всеобщая подача голосовъ была забыта, въ нѣкоторыхъ городахъ уже въ XVI в., и управленіе городами и кантонами находилось въ рукахъ упѣлѣвшихъ старыхъ аристократическихъ фамилій, или въ рукахъ вновь образовавшихся денежныхъ аристократовъ. Крестьяне очутились такимъ образомъ въ чрезвычайно печальномъ положеніи, вошли въ долги у горожанъ и стали испытывать ужасную бѣдность и нищету.

Этотъ фактъ прекрасно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ не прочна свобода, стойившая цѣлыхъ потоковъ пролитой крови, если она не закрѣплена за каждымъ индивидуумомъ хорошимъ образоваціемъ, дающимъ индивидууму надлежащую сумму знаній и достаточную твердость характера для жизненной борьбы. Безъ такого образованія, которое соотвѣтствовало бы вполнѣ ритму дѣйствительной жизни, никакія силы не сохраняютъ индивидуальности и свободы всѣхъ гражданъ государства въ ихъ взаимной гармоніи и сообразно пользѣ общему дѣлу. Безъ такого образованія, слабыя личности, а ихъ всегда громадное большинство, будутъ постоянно стремиться, сознательно или безсознательно, подчиниться сильнымъ, а сильные будутъ непрерывно употреблять всѣ старанія на то, чтобы создать себѣ непрекослов-

1) Рау меръ. Исторія воспитанія и обученія. Педаг. Сборн. за 1876 г. Прим. стр. 298.

ныхъ рабовъ. Такъ случилось съ освободившимися когда-то изъ подъ ига феодаловъ швейцарскими крестьянами.

Во время Песталоцци въ Швейцаріи образовалась уже сильная городская аристократія, въ руки которыхъ мало-помалу перешла большая часть швейцарскихъ земель. Имѣніями аристократовъ завѣдывали по большей части старосты (Landoigte), выбираемые непременно изъ горожанъ. Эти старосты старались выколачивать изъ крестьянъ какъ можно больше доходовъ не только для своихъ хозяевъ, но и для себя. Такимъ образомъ, большинство деревенскаго населенія влачило свое жалкое существованіе, испытывая страшную нужду и бѣдность. Суда и правды противъ аристократовъ тоже нельзя было найти бѣдному крестьянину. Многіе изъ крестьянъ бѣжали отъ нищеты и безправія, уходили изъ своего отечества и нанимались въ солдаты въ другихъ странахъ.

Однажды молодой Песталоцци съ энтузіазмомъ рассказывалъ своему дядѣ доктору Готцу о свободныхъ швейцарскихъ крестьянахъ, на это послѣдній возразилъ: „Не говори о свободныхъ швейцарскихъ крестьянахъ; они теперь больше закрѣпощены, чѣмъ крестьяне въ Лифлянді“¹⁾.

Нечего и говорить, что на ряду съ нуждою и бѣдностью деревенскаго населенія шло все большее и большее паденіе религіи и нравственности. Никакія полицейскія мѣропріятія, никакія наказанія, начиная отъ церковнаго покаянія до ссылки въ каторжныя работы и даже до смертной казни влючительно, не могли предотвратить преступленій.

Вотъ въ такое-то ужасное время явилась въ Швейцаріи женственная, преисполненная безграничною любовью къ ближнему личность великаго реформатора школьнаго дѣла.

Иоганнъ Генрихъ Песталоцци родился 12-го января 1745 г. въ Цюрихѣ. Отецъ его былъ хорошимъ практическимъ врачомъ, а мать была дочерью одного пастора Готце.

1) K. Melchers. Pestalozzi und Comenius. Monatshefte der Comenius-Gesellschaft. 1896. Bd. V. N. 1. S. 27.

На шестомъ году Песталоцци лишился своего отца, и воспитаніемъ мальчика занялась его мать. Это обстоятельство положило глубокую печать на весь его характеръ: при чрезвычайной воспримчивости, подвижности духа, при сильно развитомъ чувствѣ любви, Песталоцци не обладалъ твердостью характера, обдуманностью и предусмотрительностью. Эти черты его характера проходятъ красною нитью черезъ всю его дѣятельность. „Я росъ“, говоритъ онъ самъ въ своей „Лебединой пѣснѣ“, „на рукахъ у лучшей изъ матерей и въ этомъ отношеніи, болѣе чѣмъ кто-либо, могъ быть названъ маменькинымъ сынкомъ.“ „Всѣ существенныя средства и побужденія для развитія мужеской силы, мужеской опытности, мужескаго образа мыслей и мужескихъ упражненій, отсутствовали у меня въ той же степени, въ какой я нуждался въ нихъ, преимущественно вслѣдствіе слабости моего личнаго я“ 1).

Впрочемъ, Песталоцци часто и подолгу гостилъ у своего дѣда, съ материнской стороны, который занималъ пасторское мѣсто въ деревнѣ Гѣнгѣ, вблизи Цюриха, и который много заботился о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня дѣтей своего прихода путемъ школьнаго образованія. Несомнѣнно дѣятельность этого благочестиваго старца имѣла вліяніе на Песталоцци. Здѣсь же въ деревнѣ онъ познакомился съ простымъ крестьянскимъ бытомъ, полюбилъ бѣдныхъ крестьянъ, увидѣлъ всякія угнетенія крестьянъ, исшедшія отъ городской аристократіи и воспылалъ ненавистью къ послѣдней, которая осталась у него почти до самаго преклоннаго возраста.

Обученіе Песталоцци въ школѣ шло весьма неровно: по нѣкоторымъ предметамъ онъ сильно отставалъ отъ своихъ одноклассниковъ, иногда не могъ отвѣтить на самые элементарные вопросы, но если какой-нибудь предметъ его интересовывалъ, то онъ крайне увлекался имъ, отдавался ему

1) Раумеръ. Л. с. стр. 495.

всѣмъ своимъ существомъ. Онъ постоянно стремился сдѣлать приложенія своихъ знаній. „Къ сожалѣнью,“ говоритъ онъ, „духъ, которымъ было пропитано общественное обученіе въ моемъ родномъ городѣ, былъ въ то время въ высшей степени склоненъ къ тому, чтобы питать и поддерживать въ цюрихскомъ юношествѣ такое мечтательное направленіе, при которомъ юношество воодушевлялось идеями и, считая себя способнымъ къ осуществленію ихъ, не было къ тому достаточно подготовлено надлежащимъ упражненіемъ“.

„Насъ учили,“ говоритъ онъ дальше, „искать мечтательную самостоятельность въ словесномъ выясненіи и познаніи истины, не возбуждая въ насъ живого сознанія того, что было существенно необходимо для обезпеченія нашей, какъ внѣшней такъ и внутренней, домашней и гражданской самостоятельности. Духъ, которымъ было пропитано наше ученіе, вель насъ со значительною живостью и привлекательностью къ пренебреженію и даже презрѣнью внѣшнихъ средствъ достиженія богатства, почестей и общественнаго почетнаго положенія“¹⁾.

Вотъ на такую-то благодарную почву, въ эти мечтательные умы оторваннаго отъ дѣйствительной жизни юношества пали сѣмена ученій Руссо и породили массу всевозможныхъ заблужденій, чему еще способствовало „соблазнительное,“ какъ говоритъ самъ Песталоцци, „отщепенство Вольтера отъ чистой святости религіознаго образа мыслей съ его безхитростной простотой и непорочностью.“¹⁾ Только юноша Песталоцци оказался въ состояніи разобраться въ этой массѣ новыхъ вѣяній и выбрать изъ нихъ тѣ, которыя были въ созвучіи съ дѣйствительною жизнью и не являлись пустыми мечтаніями. Отобранныя такимъ образомъ идеи Руссо легли въ основаніе всей даль-

1) Раумеръ. Л. с. стр. 498, 499 и 500. (Изъ „Лебединой пѣсни“).

нѣйшей дѣятельности Песталоцци, принесшей въ послѣдствіи неисчислимыя блага не только его родинѣ, но и всему человѣчеству. За то окружающіе его были увлечены со-всѣмъ въ другую сторону: „возникло,“ говоритъ Песталоцци, „вовсе неумѣстное для дѣйствительнаго блага и пользы стариннаго, по образцу имперскаго города организованнаго отечественнаго города, новое умственное направле-ніе, которое отнюдь не обладало ни приспособленностью, ни умѣшемъ, какъ сохранить хорошія наслѣдія прежняго времени или создать что-либо основательное лучшее.“

Всѣ эти тревоженія, а также усиленныя занятія нау-ками надломили и безъ того слабое здоровье Песталоцци. По совѣту врачей онъ бросилъ всѣ свои занятія, разстался съ университетомъ и отправился въ деревню къ своему дядѣ д-ру Готцу. Впрочемъ, вскорѣ же онъ переѣхалъ въ деревню Киркенбергъ, въ Бернскомъ кантонѣ, къ сла-вившемуся въ то время сельскому хозяину Тшиффели. Здѣсь онъ рассчитывалъ приготовить себя для дѣятельности, которая принесла бы пользу столь имъ любимому деревен-скому населенію.

Обучившись у Тшиффели сельскому хозяйству, Песта-лоцци купилъ у села Бирра, въ компаніи съ однимъ цюрих-скимъ торговымъ домомъ, участокъ земли, выстроилъ свой домъ и наименовалъ свою усадьбу Нёйгофомъ (Neuhof). Около этого времени онъ женился на дочери одного зажи-точного цюрихскаго купца.

Вслѣдствіе крайней непрактичности Песталоцци, его хозяйство пошло очень плохо и давало только убытки. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ устроить въ своемъ помѣстьѣ „школу для бѣдныхъ дѣтей.“ Для этого Песталоцци обра-тился къ обществу съ воззваніемъ въ видѣ „Прошенія къ друзьямъ человѣчества и благотворителямъ о помощи“ его предпріятію, въ которомъ опубликовалъ и планъ предполагае-мыхъ занятій. Не смотря на то, что непрактичность Песта-лоцци была уже общеизвѣстной, его планъ многимъ понра-

вился, и пожертвовація стали стекаться изъ Цюриха, Берна, Базеля и Винтертура.

Въ 1775 г. было открыто училище, и бѣдныхъ дѣтей собралось около пятидесяти душъ. Лѣтомъ воспитанники занимались преимущественно полевыми работами, а зимою тканьемъ, пряжею и другими ручными работами. Во время ручныхъ работъ Песталоцци занимался съ дѣтьми, упражняя ихъ въ умѣнїи говорить, при чемъ онъ показывалъ какой-нибудь предметъ, произносилъ разныя фразы съ назвашемъ этого предмета и дѣти должны были хоромъ повторять фразы.

Не долго просуществовала школа въ Нейгофѣ: непрактичность Песталоцци погубила и ее. Самъ Песталоцци вошелъ въ большіе долги, и даже имущество его любимой жены было все истрчено. Школа закрылась въ 1780 г. Песталоцци съ женою впади въ страшную бѣдность и питались часто хлѣбомъ съ водою. При этомъ жена Песталоцци еще сильно заболѣла. „Мои друзья,“ говоритъ Песталоцци, „любили еще меня, но безнадежно; во всемъ околоткѣ распространилось убѣжденіе, что я человѣкъ погибшій, и что мнѣ ужъ болѣе нельзя ничѣмъ помочь“.

Всѣ эти неудачи, вся эта ломка въ жизни молодого Песталоцци не прошли безъ пользы для него самого; онъ многое не только передумалъ, но и перестрадалъ, и первыя великія мысли его стали появляться уже въ годъ закрытія нейгофской школы въ журналѣ „Эфемериды“, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Вечерніе часы отшельника“.

Въ этой статьѣ, въ видѣ сжатыхъ афоризмовъ излагаются принципы всей послѣдующей педагогической дѣятельности знаменитаго реформатора школьнаго дѣла. Для примѣра приведу нѣкоторые изъ этихъ афоризмовъ.

„Все человѣчество, по своей сущности, одинаково и для достиженія своего назначенія должно идти однимъ путемъ. Природныя способности всѣхъ и каждого должны быть развиты до чистой человѣческой мудрости. Это общее

человѣческое образованіе должно служить основаніемъ всякому специальному, сословному образованію.“

„Способности, полученныя отъ природы, развиваются и возрастаютъ посредствомъ упражненій.“

„Духовныя силы ребенка не должны быть увлекаемы въ далекія, чуждыя пространства, прежде чѣмъ окрѣпнутъ, упражняясь на близкомъ окружающемъ.“

„Кругъ знаній начинается съ окружающаго, ближайшаго къ человѣку, и отъ него расширяется концентрически.“

„Реальныя знанія должны предшествовать изученію словъ, болтовнѣ.“

„Вся мудрость человѣческая покоится на силѣ добраго и повинующагося истинѣ сердца. Знанія и жажда честолюбія должны быть подчинены внутреннему и тихому удовольствію.“

„Какъ образованіе для ближайшихъ условій должно предшествовать образованію для условій отдаленныхъ, такъ и образованіе къ семейной добродѣтели должно предшествовать образованію къ добродѣтели гражданской. Но ближе отца и матери — Богъ; Его отношеніе къ человѣчеству есть самое близкое.“

„Вѣра въ Бога есть отношеніе дѣтски-довѣрчиваго чувства человѣчества къ отеческому чувству Бога. Эта вѣра не есть результатъ ученой мудрости, но чистое чувство невинной простоты. Дѣтское чувство и повиновеніе не суть слѣдствія оконченаго воспитанія, но раннее и первое основаніе всего человѣческаго образованія. Изъ вѣры въ Бога вытекаетъ надежда вѣчной жизни. Дѣти Божіи безсмертны.“

„Вѣра въ Бога освящаетъ и скрѣпляетъ союзъ между родителями и дѣтьми, союзъ подданныхъ съ государями; невѣріе же разрушаетъ всѣ союзы, уничтожаетъ всякое благословеніе.“

„Грѣхъ есть источникъ и слѣдствіе невѣрія, это про-

ступокъ противъ внутренняго убѣжденія въ правдѣ и неправдѣ, утрата дѣтскаго чувства къ Богу.“

„Свобода покоится на справедливости, справедливость на любви; слѣдовательно, и свобода — на любви.“

„Семейная справедливость, самая чистая, самая благословенная имѣетъ своимъ источникомъ любовь.“

„Чистое дѣтское чувство есть истинный источникъ свободы, покоющейся на справедливости, а чистое отеческое чувство есть источникъ силы каждаго правительства, которое достаточно благородно и возвышенно, чтобы творить правосудіе и любить свободу. Источникъ же справедливости и благословія для всего міра, источникъ любви и братскаго чувства всего человѣчества покоится на великой идеѣ религіи, что всѣ мы дѣти Божіи и что вѣра въ эту истину есть твердое основаніе міроваго блаженства.“

„Богочеловѣкъ, возстановившій человѣчеству своими страданіями и смертью утраченное всѣми сыновнее чувство къ Богу, есть Спаситель міра; Онъ есть отдавшій себя на жертву служитель Господа, посредникъ между Богомъ и забывшимъ Бога человѣчествомъ. Его ученіе есть истинная, святая справедливость, образовательная для народа философія; Его ученіе есть откровеніе Бога-Отца всему роду своихъ заблудшихъ дѣтей.“

Изъ приведенныхъ мною немногихъ афоризмовъ уже можно вывести заключеніе о характерѣ педагогическихъ воззрѣній Песталоцци и убѣдиться въ томъ, что въ общемъ они находятся въ соотвѣтствіи съ хорошо намъ знакомыми воззрѣніями Коменскаго.

Ортодоксальность, конечно, не могла признать правильнымъ взглядъ Песталоцци на Христа и объявила, что Песталоцци „погрѣшилъ противъ догмы, такъ какъ онъ, хотя чтить Христа какъ мудраго и добродѣтельнаго человѣка, но не какъ Спасителя въ церковномъ смыслѣ“. Тѣмъ не менѣе, никто не могъ отрицать того, что Песталоцци велъ дѣйствительно христіанскую жизнь, будучи постоянно преиспол-

невъ безграничной любовью къ людямъ и простою дѣтскою вѣрою въ Бога. Если-же принять во вниманіе духъ того времени, проникнутый раціонализмомъ и скептицизмомъ, то надо положительно удивляться, какъ Песталоцци, при его мечтательности, непрактичности и постоянныхъ увлеченіяхъ новыми вѣяніями, остался твердъ и непоколебимъ въ своихъ, по существу христіанскихъ, воззрѣніяхъ. Онъ даже выступалъ въ защиту попоранной новыми теченіями религіи. „Гордое просвѣщеніе“, говорилъ онъ, „издѣвается надъ храмами и святынями: оно похищаетъ такимъ образомъ у народа его посохъ, съ которымъ народъ тихо и благочестиво шествуетъ къ вѣчности; похищаетъ у него основы, на которыя до сихъ поръ опиралось его доброе сердце, его домашнее счастье, всѣ радости жизни и всѣ надежды смертнаго одра — и что же оно даетъ народу за все это? Ничего, кромѣ легкомыслія, безпокойства и огрубѣнія чувства.“

„Вечерніе часы отшельника“ имѣли чрезвычайный успѣхъ у читателей „Эфемеридъ“ и сразу доставили почетную извѣстность ихъ автору. Но еще большее впечатлѣніе на образованное общество того времени произвело сочиненіе Песталоцци „Лингардъ и Гертруда. Книга для народа“, первая часть котораго появилась въ 1781 г., т. е. годъ спустя послѣ появленія „Вечернихъ часовъ отшельника.“

Успѣхъ этого труда былъ колоссальный. Его читали повсюду — и во дворцахъ правителей, и въ хижинахъ бѣдныхъ крестьянъ. Всѣ восхищались вѣрно и художественно изображенными въ немъ картинами сельской жизни. Авторъ его сталъ получать привѣтствія со всѣхъ сторонъ. Даже 25 лѣтъ спустя, королева Прусская Луиза писала о ней: „Какъ мнѣ нравится это швейцарское село. Какъ хороши мысли Песталоцци о человѣчествѣ. Если бы я могла располагать собою, то я поѣхала бы къ нему, чтобы поблагодарить его отъ имени человѣчества. Да, я благодарна ему за человѣчество!“

Содержаніе разсказа „Лингардъ и Гертруда“ таково.

Въ одномъ швейцарскомъ селѣ жители находятся въ состояніи глубокаго экономическаго и нравственнаго упадка. Сельскій староста Гуммель содержитъ шинокъ, спаиваетъ крестьянъ и всячески эксплуатируетъ ихъ. Въ числѣ должниковъ Гуммеля состоитъ и каменщикъ Лингардъ, человѣкъ добрый, но слабохарактерный и своимъ пьянствомъ доводящій семью почти до нищенства. Жена Лингарда — Гертруда самоотверженно переноситъ распутную жизнь и расточительность мужа, хотя иногда ей приходится изнемогать подъ тяжестью заботъ о своемъ хозяйствѣ и о дѣтяхъ. Лингардъ однако, не смотря на свое легкомысліе, любитъ свою жену и постоянно общается исправиться. Практическій умъ Гертруды находитъ выходъ изъ ужаснаго положенія не только для семьи, но и для всего села. Она обращается къ новому владѣльцу села, помѣщику Арнеру и раскрываетъ ему глаза на дѣятельность Гуммеля. Арнеръ въ союзѣ съ мѣстнымъ пасторомъ, начинаетъ борьбу съ Гуммелемъ. Эта борьба представлена въ разсказѣ весьма художественно и содержитъ много чудныхъ картинъ сельской жизни, олицетворяющихъ идею борьбы добра со зломъ. Добро въ концѣ концовъ торжествуетъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во всемъ разсказѣ остается Гертруда. Не выходя изъ сферы своей женской дѣятельности и выражая свое благочестіе болѣе на дѣлѣ, чѣмъ на словахъ, Гертруда пріобрѣтаетъ большое вліяніе на односельчанъ и убѣждаетъ послѣднихъ завести школу. Это и есть главная идея всего разсказа — только правильной организаціей школьнаго дѣла можно избавить народъ отъ нравственной порчи и отъ нищеты. Но такъ какъ тогда не было хорошихъ учителей, то Песталоцци видитъ одинъ исходъ: „отдать дѣло народное въ руки матерей“. „Еще при колыбели“, говоритъ онъ, „надо стараться отнять воспитаніе человѣческаго рода изъ рукъ слѣпой, причудливой природы и передать его въ руки лучшей разумной силы, которая опытомъ ты-

сячелѣтій училась размышлять о сущности и непреложности дѣйствующихъ въ ней вѣчныхъ законовъ“.

Позже, въ 1783, 85 и 87 годахъ, Песталоцци постепенно напечаталъ продолженіе „Лингарда и Гертруды“, въ которомъ обрисовываетъ послѣдующее развитіе благосостоянія села Бональ, благодаря, главнымъ образомъ, учрежденію школы и заботамъ помѣщика и пастора о правильной организаціи обученія крестьянскихъ дѣтей. Дѣло обученія было такъ хорошо поставлено, что о немъ вскорѣ всюду заговорили, и вотъ, дѣло, начатое въ Бональ въ скромныхъ размѣрахъ, пріобрѣтаетъ государственное значеніе. Здѣсь Песталоцци первый высказываетъ опредѣленно эту мысль, что воспитаніе юношества должно быть одной изъ главныхъ отраслей государственной дѣятельности.

Послѣ закрытія школы для бѣдныхъ, Песталоцци продолжалъ жить въ Нейгофѣ, испытывая большую бѣдность. Издачія его новыхъ сочиненій, хотя доставили ему большую славу, но въ матеріальномъ отношеніи помогли весьма мало. Наконецъ, въ 1792 г. онъ покидаетъ Нейгофъ, впрочемъ на короткое время, и предпринимаетъ поѣздку въ Германію, главнымъ образомъ въ Лейпцигъ, гдѣ жила его замужняя сестра. Во время этого путешествія онъ познакомился съ Гѣте, Клопштокомъ и другими корифеями нѣмецкой литературы. Постановка школьнаго дѣла въ Германіи не особенно пришлась по душѣ Песталоцци, и онъ еще съ большимъ энтузіазмомъ сталъ пропагандировать свои педагогическія воззрѣнія.

Въ это время Песталоцци получилъ отъ французскаго національнаго собранія приглашеніе пріѣхать во Францію и посодѣйствовать устройству народнаго образованія, но Песталоцци не принялъ этого приглашенія, такъ какъ не одобрялъ поступковъ революціонныхъ дѣятелей и былъ убѣжденъ въ возможности мирнаго развитія народа.

Въ 1798 г. французскія войска вступили въ Швейцарію и старая форма правленія кантонами рухнула. Всѣ

кантоны соединились въ одну республику, во главѣ которой стояла директорія съ пятью членами. Новое правительство предлагало Песталоцци значительныя должности, но онъ отказывался отъ нихъ и все твердилъ : „Я хочу быть народнымъ учителемъ.“ Ему было предоставлено для открытія школы бѣдныхъ монастырь урсулинокъ въ г. Станцѣ, и была ассигнована сумма въ 6000 франковъ.

14 января 1799 г., Песталоцци кое-какъ приспособилъ зданіе монастыря и сталъ принимать дѣтей. Вскорѣ дѣтей собралось до 80 душъ. „Въ началѣ“, пишетъ Песталоцци въ своемъ отчетѣ, „вслѣдствіе недостатка постелей я былъ вынужденъ посылать дѣтей ночевать домой. Утромъ всѣ они возвращались, покрытыя насѣкомыи. Многія были до того поражены застарѣлой чесоткой, покрыты струпьями, что едва могли двигаться. Не менѣе ужасны были дѣти и въ нравственномъ отношеніи: они привыкли къ нищенству, лжи, лицемѣрію, одичали въ нуждѣ и невѣжествѣ“.

Не смотря на страшное напряженіе своихъ слабыхъ силъ, не смотря на многія непріятности, Песталоцци былъ безконечно счастливъ въ своей школѣ. Здѣсь онъ заложилъ основанія своему методу естественнаго нагляднаго обученія, который потомъ былъ имъ разработанъ болѣе подробно въ Бургдорфѣ, Ивердюнѣ и изложенъ въ его сочиненіи „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей“.

Однако не долго продолжалось счастье Песталоцци : въ іюнѣ того же года, послѣ одного изъ сраженій французовъ съ австрійцами на швейцарской территоріи, школьное зданіе было взято подъ лазаретъ для больныхъ и раненныхъ солдатъ. Песталоцци со слезами на глазахъ долженъ былъ распустить своихъ учениковъ.

23 іюля Песталоцци получилъ мѣсто народнаго учителя въ Бургдорфѣ и снова отдался своему любимому дѣлу. Въ слѣдующемъ году его посѣтилъ знаменитый впослѣдствіи философъ-педагогъ Гербартъ, на котораго самъ Песталоцци и его школа произвели сильное впечатлѣніе. Особенно

поразили Гербарта замѣчательные результаты массоваго обученія дѣтей, когда Песталоцци, показывая предметы, говорилъ фразы, дѣти повторяли эти фразы въ тактъ; для того же, чтобы у дѣтей были заняты, руки имъ давалась грифельная доска съ грифелемъ, и они могли рисовать, что имъ приходило въ голову.

И одного года не пробылъ Песталоцци учителемъ въ народной школѣ, такъ какъ его здоровье сильно разстроилось. Но оставивъ свое мѣсто народнаго учителя, онъ зимою 1800 г. организовалъ свое собственное училище въ Бургдорфскомъ замкѣ при содѣйствіи трехъ помощниковъ: Крузи, Тоблера и Бусса.

Одинъ изъ учениковъ Песталоцци Рамзауеръ, впоследствии его помощникъ, сообщаетъ что лучшими упражненіями были упражненія въ умѣннн выражать словами результаты созерцанія старыхъ обоевъ на стѣнахъ классной комнаты въ Бургдорфскомъ замкѣ. „Мальчуганы“, говорилъ Песталоцци (дѣвочекъ онъ никогда не называлъ), „что вы видите?“ Дыру въ стѣнѣ, — отвѣчали ученики. „Хорошо! говорите же за мною: я вижу дыру на обояхъ; я вижу длинную дыру на обояхъ; за дырою я вижу стѣну; за длиною узкою дырою я вижу стѣну.“ Подобное же о фигурахъ на обояхъ: „я вижу фигуры на обояхъ; я вижу черныя фигуры на обояхъ; я вижу круглыя черныя фигуры на обояхъ; я вижу желтую четырехугольную фигуру на обояхъ; четырехугольная желтая фигура соединяется толстою чертою съ круглою фигурою“ и т. д. Это были, конечно, первые шаги нагляднаго обученія слову, числу и формѣ, что легло впоследствии въ основу созданнаго Песталоцци метода обученія.

Результатомъ обученія Песталоцци и его помощниковъ явились три руководства: 1) „Книга матерей или руководство для матерей, какъ учить своихъ дѣтей замѣчать и говорить“, 2) „Азбука нагляднаго содержанія или нагляднаго ученія объ отношеніи мѣръ“, 3) „Наглядное ученіе объ

отношеніяхъ чисель“. Кромѣ того, Песталоцци написалъ свое новое классическое сочиненіе „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей“, которое еще болѣе расширило его извѣстность, и въ Бургдорфѣ стали стекаться лица интересующіяся школьнымъ дѣломъ со всѣхъ концовъ Европы и даже изъ Америки. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Песталоцци даетъ мѣсто своимъ, трогательнымъ признаніямъ что цѣлью всей его жизни было „заткнуть источникъ народныхъ бѣдствій“, но онъ не обладалъ надлежащими способностями для этого, что приводило его въ отчаяніе. Онъ смиренно благодаритъ Бога, сохранившаго его, когда онъ самъ себя отвергъ, и давшаго ему въ старости вкусить лучшей доли. На ряду съ этимъ Песталоцци раздражается филиппикою противъ грѣховъ своего вѣка и противъ лишеннаго реальнаго основанія образованія съ его адептами въ высшихъ сословіяхъ. Послѣднихъ называетъ онъ „жалкими людьми слова, а не дѣла“. „Вслѣдствіе своего противоестественнаго образа воспитанія“, говоритъ Песталоцци, „они сдѣлались неспособными чувствовать, что они стоятъ на ходуляхъ и что должны сойти со своихъ жалкихъ деревянныхъ подставокъ, если только хотятъ стоять на землѣ столь же твердо, какъ стоитъ народъ.“

„Европа, какъ аллегорическій образъ пророка, граничитъ златою главою отдѣльныхъ искусствъ до облаковъ; народное же просвѣщеніе, долженствующее служить фундаментомъ златой главѣ, напротивъ, какъ ноги этого гигантскаго образа, повсюду представляютъ самый жалкій, хрупкій и недостойнѣйшій мусоръ.“

Въ этомъ же сочиненіи имѣются знаменательныя слова великаго реформатора дѣла обученія: „Знанія безъ умѣнія составляютъ, можетъ быть, страшнѣйшій даръ, который принесенъ нашему вѣку злѣйшимъ гениемъ.“ Здѣсь же онъ опредѣленно говоритъ, что началомъ всякаго положительнаго знанія служитъ наглядное созерцаніе, а конечною цѣлью — ясное понятіе. Онъ говоритъ

также, что только недавно ему пришло въ голову, „что всѣ наши познанія получаютъ путемъ нагляднаго созерцанія, даются числомъ, формою и словомъ.“ На болѣе подробномъ изложеніи содержапія новаго сочиненія Песталоцци мы не будемъ останавливаться: вышесказанное о немъ и о классномъ преподаваніи Песталоцци достаточно характеризуетъ основныя мысли этого сочиненія.

Въ 1802 г. Песталоцци пришлось перенести свою школу изъ Бургдорфа сначала въ монастырское зданіе въ Бухзее, а вскорѣ затѣмъ — въ Ивердюнъ, близъ Лозанны, гдѣ его школа просуществовала до 1825 г. Послѣ закрытія этой школы Песталоцци прожилъ всего два года у своего внука въ Нейгофа и скончался 17-го февраля 1827 г. Его тѣло погребено въ селѣ Биррѣ, близъ Нейгофа.

Въ Ивердюнѣ слава Песталоцци и его школы достигла своего апогея: различныя лица, иолучившія у Песталоцци свою педагогическую подготовку, стали обучать по новому методу въ Испаніи, Италіи, Германіи и даже въ Россіи; россійскій императоръ Александръ I посѣтилъ институтъ Песталоцци и выразилъ Песталоцци свое благоволеніе, наградивъ орденомъ св. Владиміра 4-ой ст., а нѣсколько позже онъ далъ на изданіе сочиненій Песталоцци 5000 руб.; наконецъ, философъ Фихте въ своихъ знаменитыхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“ передъ большими собраніями ученыхъ и государственныхъ людей въ Берлинѣ въ то время, когда наполеоновскія войска были размѣщены по всей Германіи, мужественно доказывалъ, что единственная возможность спасти отечество отъ враговъ заключается въ обученіи народа по способу Песталоцци.

Въ это время начинаютъ появляться талантливѣйшіе послѣдователи Песталоцци: Рамзауеръ, Нидереръ, Шмидъ, Дистерведъ, Гарнишъ и др., которые распространили и значительно усовершенствовали искусство обученія народа въ духѣ Песталоцци. Въ это же время, въ Гёттингенѣ, одинъ изъ послѣдователей знаменитаго реформатора дѣла обученія

— профессор философіи Гербартъ начинаетъ выработать точныя научныя основація для новаго искусства.

Въ Пруссіи послѣ Тильзитскаго мира начинается преобразование народнаго обученія, и, благодаря вышеупомнутымъ рѣчамъ Фихте, взоры прусскаго правительства, съ королемъ Фридрихомъ III и его министромъ Альтенштэйномъ во главѣ, обращаются на Песталоцци. Къ нему посылаютъ молодыхъ людей для изученія новаго метода обученія, затѣмъ открываютъ новыя учительскія семинаріи и, наконецъ, въ 1817 г. вводятъ обязательное народное обученіе по способу Песталоцци во всей Пруссіи.

Другія германскія государства заимствовали способъ Песталоцци для своихъ школъ нѣсколько позже, уже отъ прусскихъ педагоговъ-песталоцціанцевъ.

Сохранилось весьма интересное письмо ¹⁾ одного изъ почитателей Песталоцци ф. Тюрка отъ 29 сент. 1807 г., адресованное самому Песталоцци, которое показываетъ, что далеко еще не всѣ феодалы, даже въ началѣ XIX в., понимали значеніе народнаго образованія.

„Когда я,“ пишетъ ф. Тюркъ, „прошлымъ лѣтомъ стоялъ передъ наслѣднымъ принцемъ ф. Вэймаръ ²⁾ въ его великолѣпномъ замкѣ (стоящемъ 2 мил. талеровъ), ревность къ твоему доброму дѣлу и отраженіе небесныхъ добродѣтелей въ послѣднемъ воспламенили меня говорить съ жаромъ передъ многочисленнымъ дворомъ для тебя и для твоего дѣла. Я просилъ послать одного молодого чело-вѣка, по моему выбору, къ тебѣ на одинъ или два года. — Настоящее положеніе (тогда былъ миръ) не позволяетъ этого — былъ отвѣтъ; теперь надо по возможности избѣгать всякихъ расходовъ и пр. и пр. Я спускаюсь, нѣсколько посрамленный, по лѣстницѣ внизъ — она стоила тысячи! — и

1) H. Morf. Einige Blätter aus Pestalozzi's Lebens- und Leidensgeschichte. Langesalza. 1887. S. 24.

2) Владѣлецъ части Гольдене Ауэ — г. Альштэдта съ его окрестностями.

думаю: для ви́шняго вида возводятся постройки, которыя стоятъ миллионы — для внутренняго!! — Гофмаршалъ провожалъ меня; мопсъ залаялъ на насъ. Всмотритесь пристальнѣе въ это маленькое животное. Не милѣйшая ли собачка? Собственный курьеръ переносилъ ее. Она стоила великой княгинѣ 300 дукатовъ (3500 франковъ). Fiat applicatio! То великолѣпное зданіе стоило 2 миллиона и война стоила намъ столько же, а для человѣческихъ цѣлей . . .“

Въ Гольдене Ауэ способъ Песталоцци сталъ проникать, вѣроятно, послѣ 1822 г., когда была преобразована ближайшая отъ Гольдене Ауэ учительская семинарія въ Вэйссенфельзѣ ея новымъ директоромъ Гарнишемъ, послѣдователемъ Песталоцци, и когда она стала выпускать учителей, изучившихъ методъ Песталоцци.

Кромѣ того, самъ Гарнишъ былъ приглашенъ изъ Вэйссенфельза для организациі школьнаго дѣла въ графствѣ Штольбергъ¹⁾. Но весьма возможно, что идеи Песталоцци проникли въ графство Штольбергъ еще нѣсколько раньше, по крайней мѣрѣ извѣстно²⁾, что графъ ф. Штольбергъ путешествовалъ въ 1791 г. съ барономъ Николовіусомъ, большимъ почитателемъ Песталоцци, и въ Цюрихѣ путешественники познакомились съ самимъ Песталоцци, послѣ чего между Николовіусомъ и Песталоцци возникла продолжительная переписка.

Не далеко отъ Гольдене Ауэ — въ Гёттингенѣ, благодаря трудамъ Гербарта направленіе Коменскаго и Песталоцци получило строго научную постановку на началахъ научной, математической психологіи и въ связи съ практической философійей. Это составило новую крупную эпоху въ развитіи школьнаго дѣла. Послѣ Гербарта его направленіе поддержи-

1) Dr. W. Harnisch's Handbuch für das deutsche Volksschulwesen. Langensalza. 1893. S. LVIII.

2) См. Песталоцци и его дѣятельность. Педаг. Сб. 1875 г. кн. II. стр. 185.

валось главнымъ образомъ въ Гейнъ, въ Тюрингіи, тоже вблизи Гольдене Ауэ. Здѣсь профессоръ Стой основалъ въ 1843 г. педагогическое общество для разработки идей Гербарта, изъ котораго впослѣдствіи возникла учительская семинарія съ образцовою школою. Послѣ Стоя его дѣло сталъ продолжать профессоръ Рейнъ, ведущій теоретическія и практическія занятія по педагогикѣ Гербарта и до настоящаго времени. Особенно много способствуютъ распространенію идей Гербарта педагогическіе курсы проф. Рейна во время лѣтнихъ вакацій, на которыя обыкновенно пріѣзжаютъ до 200 народныхъ учителей со всѣхъ концовъ Германіи. Нѣкоторые изъ учителей въ гг. Артернъ и Штольбергъ уже побывали у Рейна и сдѣлались завзятыми гербартианцами, другіе — собираются къ Рейну. Конечно и система Гербарта имѣетъ недостатки, но несомнѣннымъ является тотъ фактъ, мнѣ пришлось наблюдать это лично, что она своими стройными и простыми схемами сообщаетъ педагогамъ воодушевленіе, энтузіазмъ, столь необходимый въ трудномъ дѣлѣ народнаго обученія.

Кромѣ Гейны центромъ распространенія идей Гербарта служилъ еще Лейпцигъ, гдѣ тоже была основанна педагогическая семинарія съ образцовой школою другимъ послѣдователемъ Гербарта — профессоромъ Циллеромъ. Послѣ Циллера эту семинарію сталъ руководить профессоръ Штрюмпель, бывший до того времени профессоромъ Дерптскаго университета.

Теперь мы познакомимся вкратцѣ съ трудами Гербарта, этого новаго реформатора великаго дѣла народнаго обученія.

Іоаннъ Фридрихъ Гербартъ родился въ 1776 г. Своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ онъ обязанъ своей матери, женщинѣ весьма умной, съ пылкой фантазіей, но и съ твердою волею. Мать Гербарта постоянно слѣдила за его занятіями и въ болѣе позднемъ возрастѣ, когда домашнимъ учителемъ Гербарта былъ при-

глашень Уэльцеръ. Послѣдній былъ воспитанъ на философіи Вольфа и имѣлъ большую склонность къ философскимъ бесѣдамъ, что, конечно, повліяло на характеръ обученія Гербарта. Въ 1788 г. Гербартъ поступилъ въ латинскую школу въ г. Ольденбургѣ, гдѣ съ особенною любовью занимался физикою и философіей. Имѣя 14 лѣтъ отъ роду Гербартъ написалъ сочиненіе, въ которомъ высказалъ основную мысль всѣхъ своихъ послѣдующихъ философскихъ и педагогическихъ изысканій: „Свободою называется неограниченность воли. Ученіе о человѣческой свободѣ опредѣляетъ степень ограниченности и неограниченности воли. Нѣкоторые философы считаютъ ее вполнѣ ограничевною и зависимою во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Я, однако, знаю доводы за и противъ человѣческой свободы“. Эта мысль относится къ философскому направленію реалъ-идеализма, въ общемъ соотвѣтствующаго христіанскому ученію и завершившагося въ концѣ XIX в. ученіемъ аритмологическаго идеализма Московской математической школы, о чемъ мною было уже сказано въ самомъ началѣ этой статьи.

Въ 1794 г. Гербартъ окончилъ гимназію и, слѣдуя желанію отца, поступилъ въ Іенскій университетъ для изученія юридическихъ наукъ, къ которымъ онъ лично чувствовалъ непреодолимое отвращеніе.

Въ университетѣ Гербартъ вскорѣ же бросилъ юридическія науки и увлекся философіей. Послѣдняя была представлена въ Іенѣ очень хорошими профессорами: сначала — горячимъ поклонникомъ Канта — Рейнгольдомъ, лекціи котораго возбуждали всеобщій энтузіазмъ, а послѣ Рейнгольда — знаменитымъ философомъ Фихте. Еще до прибытія Фихте въ Іену, 12 студентовъ, главнымъ образомъ уроженцы Сѣверной Германіи и нашихъ Прибалтійскихъ провинцій образовали литературное общество, или общество свободныхъ мужей, которое наняло небольшой садъ для своихъ собраній. Гербартъ былъ принятъ въ это общество и

имѣлъ возможность ближе сойтись съ Фихте, который по прїѣздѣ въ Іену сталъ часто посѣщать засѣданія литературнаго общества. Но первое увлеченіе философіей Фихте скоро прошло у Гербарта, и онъ выступилъ съ критикой трансцендентальнаго идеализма въ своихъ двухъ статьяхъ о сочиненіяхъ Шеллинга. Гербартъ энергично доказываетъ здѣсь, что трансцендентальный идеализмъ не можетъ объяснить всѣхъ явленій внутренняго и внѣшняго міра. Большого напряженія мысли потребовала эта критика философскаго направленія, созданнаго такими умами, какъ Кантъ, Шеллингъ, Фихте, и охватившаго всю тогдашнюю интеллигенцію Германіи, но еще цѣлая пропасть отдѣляла Гербарта отъ разрѣшенія основныхъ проблемъ дѣйствительной жизни: какъ примирить антиноміи свободы и законности, цѣлесообразности и причинности, индивидуальности и универсальности. Подъ бременемъ непосильнаго труда разрѣшить эти великіе вопросы Гербартъ пришелъ въ такое отчаяніе, что едва не кончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Въ одно чудное лѣтнее утро Гербартъ взомель уже на высокой скалистый берегъ рѣки, чтобы сразу покончить съ мучившими его сомнѣніями, но въ послѣдній мигъ природа, которую онъ всегда любилъ, представилась ему столь прекрасной, что удержала его, и онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь, какихъ бы это мученій ему ни стоило, все тѣмъ же философскимъ вопросамъ, все тому же исканію истины.

Весною 1797 г. Гербартъ внезапно бросаетъ свои университетскія занятія и посвящаетъ себя практической педагогической дѣятельности. Мнѣ кажется, что онъ, понявъ невозможность правильно разрѣшить означенныя выше проблемы дѣйствительной жизни путемъ отвлеченнаго мышленія, рѣшилъ прислушаться къ ритму дѣйствительной жизни на практикѣ — въ дѣлѣ обученія и воспитанія. Этотъ шагъ его дѣйствительно оказался вполне вѣрнымъ :

отъ педагогическихъ вопросовъ онъ вскорѣ перешелъ къ вполнѣ правильной постановкѣ вопросовъ практической философіи и психологіи, а затѣмъ и къ построению своего философскаго міровоззрѣнія — теоріи реаловъ.

Свою педагогическую дѣятельность Гербартъ началъ въ Швейцаріи въ семьѣ г. Штейгера, ландфогта Интерлакена, гдѣ ему было поручено обученіе и воспитаніе трехъ сыновей ландфогта: 8-ми, 10-ти и 14-ти лѣтъ. Гербартъ съ самаго начала опредѣлилъ планъ своихъ занятій, который въ общихъ чертахъ уже представлялъ его будущую знаменитую систему педагогики. Добродѣтель и нравственность, по его мнѣнію, должны служить цѣлью обученія - воспитанія. Равномѣрное и всестороннее развитіе естественныхъ задатковъ и силъ воспитанника должны лежать въ основѣ системы обученія-воспитанія при достиженіи означенной его цѣли. Вслѣдствіе всего этого, обученіе надо начинать, познакомившись сначала съ индивидуальными способностями воспитанника; затѣмъ, новыя свѣдѣнія должны сообщаться сообразно индивидуальности и примыкать къ прежнимъ занятіямъ ученика; для поддержанія связи съ прежде усвоеннымъ необходимо усердное повтореніе, а для того, чтобы повтореніе не утомило и не лишило ученика интереса, необходимо каждый разъ повторять старое съ новой точки зрѣнія или вносить какой-нибудь новый элементъ. Учебный планъ Гербарта обнималъ языки греческій и латинскій, математику, химію, географію, музыку, позднѣе французскій языкъ и рисованіе. Обученіе должно начинаться съ Одиссеи Гомера, причемъ уже съ 8-ми лѣтняго возраста. Сначала ученикъ долженъ самодѣтельно подмѣчать грамматическую закономерность формъ и лишь позже слѣдуетъ сообщить ему грамматическія правила.

Именно Одиссея даетъ воспитаннику интересные рассказы изъ эпохи младенчества греческой культуры — рассказы, богатые происшествіями, отношеніями живыхъ лицъ

и характерами. Здѣсь, въ герояхъ древней Греціи мальчикъ находитъ удовлетвореніе своихъ фантазій о мужскомъ величіи, находитъ идеалы мужества и храбрости, что его такъ сильно занимаетъ и чего онъ не можетъ найти въ окружающей средѣ. Въ этой естественной сказкѣ воспитанникъ въ занимательной формѣ прислушивается къ ритму элементарной дѣйствительной жизни, научается самостоятельно отличать добро отъ зла, питать симпатію къ хорошимъ поступкамъ и отвращеніе къ дурнымъ. Такимъ образомъ дитя непрерывно упражняетъ и закрѣпляетъ въ себѣ начатки житейской мудрости. Послѣ Гомера Гербартъ рекомендуетъ изучать послѣдовательно Геродота, Ксенофонта, Плутарха, затѣмъ — Новый Завѣтъ и, наконецъ, римскихъ авторовъ — Тита Ливія, Цицерона и Тацита. Такой ходъ обученія, съ надлежащими поясненіями, имѣлъ цѣлью ввести дѣтей въ общеніе съ дѣйствующими личностями и развить у нихъ сочувствіе къ послѣднимъ (*Umgang und Theilnahme*). Преподаваніе исторіи примыкало къ древнимъ языкамъ и вносило еще большее разнообразіе въ общеніе дѣтей съ различными историческими личностями. Все это должно было давать воспитанникамъ матеріалъ для самодѣятельнаго вывода нравственныхъ правилъ, для укрѣпленія характера и подготовить ихъ къ систематическимъ бесѣдамъ о морали и религіи. „И въ самомъ дѣлѣ,“ говоритъ Гербартъ, „чтобы найти путь къ образованію характера, что мы въ состояніи сдѣлать лучшаго, какъ прослѣдить ходъ нравственнаго образованія человѣческаго рода? Съ греческою исторіей въ рукахъ войти въ школу Сократа, помедлить нѣсколько времени среди уже знакомыхъ намъ людей, нравы и характеръ которыхъ сложились на нашихъ глазахъ при изученіи исторіи, потомъ со смиреннымъ сердцемъ и благоговѣйнымъ духомъ вступить въ среду учениковъ Христа, и послѣ того какъ глазомъ и сердцемъ мы прослѣдимъ за Нимъ до неба, — обозрѣть возвышеннымъ духомъ ходъ всемірной исторіи, узнать слѣды Промысла въ медленномъ, но вѣрномъ стрем

леніи (хотя иногда ошибочно и принимаемомъ нами за регрессъ) всего къ лучшему . . .“¹⁾

Преподаваніе математики должно было стоять въ тѣсной связи съ эмпирическимъ преподаваніемъ (Erfahrung) наукъ естественныхъ и сообщать послѣдному основы систематизаціи и высшій интересъ. Точностью своихъ понятій и строгостью выводовъ математика обуславливала опредѣленность сужденій воспитанниковъ, пріучала ихъ ко вниманію, сосредоточенности и сообщала твердость ихъ характеру.

„Здѣсь (въ математикѣ),“ говоритъ Гербартъ, „нѣтъ ничего такого, чего нельзя изобразить или о чемъ нельзя распространяться съ надлежащею обстоятельностью. Здѣсь, такимъ образомъ, слѣдуетъ искать того, чего нигдѣ нельзя найти, именно — ни ти для первоначальнаго обученія, которое должно быть въ состояніи, какъ для себя такъ и для всякаго другого обученія, создать авторитетъ, по мановенію котораго разсѣянность исчезала бы, а вниманіе приходило бы и оставалось постоянно.“

Географія преподавалась въ небольшомъ объемѣ: сообщались, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о ближайшихъ окрестностяхъ, о родинѣ, и лишь весьма небольшое сообщалось по предмету общей географіи.

Завершеніемъ всего обученія служитъ философія, но и здѣсь математика должна играть важную роль, предотвращая опасности отвлеченнаго мышленія.

Въ 1800 г. Гербартъ покинулъ Швейцарію и послѣ двухлѣтнихъ усиленныхъ занятій приготовился къ преподавательской дѣятельности въ университетѣ.

Осенью 1802 г. Гербартъ началъ чтеніе лекцій по педагогикѣ въ Гёттингенскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента. Его лекціи были такъ увлекательны, что аудиторія едва могла вмѣщать всѣхъ его слушателей. Въ

1) I. F. Herbart. Pädagogische Schriften. Mit H-ts Biographie v. Bartholomäi. 1875.

1805 г. Гербартъ отказался отъ приглашенія на кафедру въ Гейдельбергскій университетъ и былъ удостоенъ званія экстраординарнаго профессора, но черезъ два года — въ 1807 г., послѣ Иенской катастрофы, политическая атмосфера въ центральной части Германіи была такъ тяжела, что онъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе занять кафедру Канта въ Кёнигсбергскомъ университетѣ.

И въ Кёнигсбергѣ Гербартъ продолжалъ чтеніе лекцій по педагогикѣ, но кромѣ того онъ основалъ здѣсь педагогическую семинарію, воспользовавшись сочувствіемъ этому дѣлу со стороны управлявшаго учебнымъ дѣломъ Пруссіи — Вильгельма Гумбольдта.

Въ 1833 г. Гербартъ снова вернулся въ Гёттингенскій университетъ, и здѣсь оставался уже до самой смерти въ 1841 г.

Наиболѣе обширное и хорошо обработанное сочиненіе Гербарта по педагогикѣ есть „Очеркъ педагогическихъ лекцій“ (*Umriss der pädagogischen Vorlesungen*), вышедшій первымъ издашемъ въ 1835 г. и вторымъ — въ 1841 г. Съ содержаніемъ этого очерка мы и познакомимся хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Добродѣтель есть названіе всей педагогической цѣли сполна. Она состоитъ въ соглашеніи голоса нашей совѣсти съ нашей волей. Вслѣдствіе этого педагогика основывается на практической философіи или этикѣ. Первичныхъ идей нравственности или основныхъ сужденій совѣсти, по Гербарту, — пять: идея внутренней свободы, доставляющая намъ духовное удовольствіе при согласіи нашей воли съ нашимъ сужденіемъ о ней; идея совершенства, доставляющая намъ духовное удовольствіе при видѣ духовнаго или тѣлеснаго совершенства; идея благоволенія или доброжелательства, доставляющая удовольствіе при соотвѣтствіи нашей воли съ чужою волею; идея права, побуждающая насъ искать удовольствіе въ прекращеніи спо-

ровъ, ссоръ; идея возмездія или справедливости, дающая намъ удовлетвореніе, заставляющая насъ мириться съ тѣмъ, что мы получаемъ за нани дѣла, какъ должную плату или какъ должное воздаяніе.

Эти пять первичныхъ нравственныхъ идей находятъ свое конкретное выраженіе въ идеяхъ общественной жизни, которыя въ обратномъ порядкѣ суть: система возмездія, правовое общество, система управленія, культурная система и, наконецъ, государственная система, согласующая свою власть (внутренне-свободную волю) съ продуктами своего сужденія о предыдущихъ системахъ.

При школьномъ воспитаніи необходимо осуществлять эти же элементы общественной жизни, поэтому воспитательное обученіе должно состоять изъ управленія, обученія и воспитанія.

Управленіе дѣтьми имѣетъ, конечно, большое значеніе для того, чтобы всѣ воспитанники, безъ различія состояній, были подчинены одинаковому порядку и представляли дисциплинированное цѣлое. Сначала управленіе носитъ формальный характеръ и сводится прежде всего къ занятію ребенка чѣмъ нибудь, могущимъ его интересовать, а также къ надзору за ребенкомъ съ извѣстной системой приказаній, запрещеній, угрозъ наказанія и даже самихъ наказаній. Мѣра наказанія должна быть строго опредѣлена, и самъ виновный долженъ признать ее правильной. Затѣмъ, управленіе постепенно переходитъ въ начала воспитанія, когда ребенокъ начинаетъ обсуждать дѣйствія своей воли. При этомъ развивается сначала эстетическое сужденіе, т. е. сужденіе о хорошихъ и дурныхъ поступкахъ на примѣрахъ другихъ лицъ — въ сказкахъ, рассказахъ и т. д. Таковое эстетическое сужденіе необходимо развивать, дабы оно перешло постепенно въ этическое сужденіе о собственной волѣ, а не сдѣлалось сужденіемъ разсудочнымъ, такъ какъ послѣднее и есть главный источникъ зла. Вѣдь дѣлать добро имѣетъ нравственную цѣну только въ томъ

случаѣ, если это дѣлается лишь для добра, а не для какихъ-нибудь утилитарныхъ цѣлей.

Идея совершенства имѣетъ особенное значеніе при воспитаніи, но не вслѣдствіе ея превосходства передъ другими идеями, а вслѣдствіе того, что она находитъ постоянное и непрерывное примѣненіе при укрѣпленіи, направленіи и сдерживаніи молодыхъ силъ еще незрѣлаго человѣка со стороны его воспитателя.

Идеи доброжелательства и права находятъ свое развитіе въ школѣ не только учебнымъ матеріаломъ, но и практически, если воспитанникъ поставленъ въ правильныя отношенія къ своимъ школьнымъ товарищамъ.

Однако нравственное развитіе въ собственномъ смыслѣ можетъ принять извращенный характеръ: воспитанникъ, выполняя свой долгъ, выполняя съ избыткомъ всѣ требованія обученія, упражненія и внѣшняго поведенія, можетъ вообразить, что онъ дѣлаетъ все, что надо. Вслѣдствіе этого необходимо соединить собственно-нравственное воспитаніе, способствующее правильному самоопредѣленію въ повседневной жизни, съ религіознымъ воспитаніемъ, которое предохраняетъ отъ сомнѣнія, самодовольства. Но и религіозное воспитаніе должно основываться на нравственномъ, иначе оно приводитъ къ ханжеству съ чрезмѣрнымъ самоуничженіемъ, самопорицаніемъ и съ притворствомъ.

Нравственное развитіе должно начинаться только тогда, когда появилось уже эстетическое сужденіе и нѣкоторыя правильныя привычки. Точно также и съ религіознымъ развитіемъ не слѣдуетъ слишкомъ спѣшить, но и не надо его безъ нужды откладывать.

Для проведенія всѣхъ означенныхъ данныхъ практической философіи въ дѣлѣ воспитанія - обученія необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, общія качества души человѣка, а, во-вторыхъ, — индивидуальныя особенности воспитанниковъ. Слѣдовательно, психологія служить

вторымъ основаніемъ педагогики; она уясняетъ средства и затрудненія при достиженіи педагогическихъ цѣлей.

Въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ Гербартъ весьма оригиналенъ и является основателемъ математической психологіи. Хотя гипотезы, лежащія въ основѣ его математико-психологическихъ изслѣдованій, по существу довольно спорны и подвергались многимъ возраженіямъ, тѣмъ не менѣе эти изслѣдованія внесли ясность и простоту въ изученіе чрезвычайно разнообразныхъ психическихъ явленій.¹⁾ Одинъ изъ главныхъ критиковъ Гербарта, знаменитый психо-физикъ Вундтъ самъ сознается, что онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ руководился неоднократно идеями Гербарта.

Гербартъ впервые возсталъ противъ стариннаго взгляда на человѣческую душу, какъ на агрегатъ различныхъ способностей или силъ души. Онъ считаетъ душу существомъ простымъ — реаломъ и признаетъ только одну способность души — способность къ самосохраненію; эта способность проявляется въ видѣ представленій всякій разъ, когда на душу дѣйствуетъ какая-нибудь внѣшняя причина. Однородныя представленія сливаются, давая большую интенсивность, а диспаратныя, получаемыя отъ одинаковыхъ предметовъ, но при помощи различныхъ органовъ чувствъ, образуютъ союзы, укрѣпляющіе ихъ въ борьбѣ съ другими представленіями. Противоположныя представленія задерживаютъ или поганяютъ другъ друга въ мѣрѣ, сообразной степени ихъ противоположности, и слѣдовательно ихъ интенсивность взаимно уменьшается. Если a и b суть интенсивности двухъ представленій и $a > b$, то сумма поганенія

1) Правильные взгляды на психологію Гербарта и связь ея съ психофизикой и съ изслѣдованіями аритмологическими Н. В. Бугаева читатель найдетъ въ статьѣ Н. Ш и ш к и н а „О детерминизмъ въ связи съ математической психологіей.“ Вопросы филос. и психол. кн. 8. 1891.

равна b , при чемъ большее теряетъ въ интенсивности

$$\frac{b \cdot b}{a+b}, \text{ а меньшее } \frac{b \cdot a}{a+b}.$$

Если интенсивность какого-нибудь представленія вслѣдствіе задержки другими спускается до нуля, то говорятъ, что представленіе стремится упасть ниже порога сознанія.

Если имѣются нѣсколько представленій съ опредѣленными интенсивностями, то возможно вычислить степени задержки каждаго изъ нихъ другими, а также и окончательныя величины ихъ интенсивностей, когда они придутъ въ равновѣсіе. На этомъ построена Гербартова статика представленій. Но, кромѣ того, Гербартъ разсматриваетъ и состоянія борющихся представленій въ ихъ послѣдовательномъ теченіи, что приводитъ его къ механикѣ представленій. Особенно хорошо обработаны эти идеи примѣненія математики къ области психическихъ явленій въ сочиненіи: „Erste Grundlegung der mathem. Psychologie“ (Leipzig. 1850), одного изъ послѣдователей Гербарта — математика Дробиша.

Въ этомъ сочиненіи доказываются между прочимъ такія важныя предложенія: 1) Если имѣются два представленія, то какъ бы одно изъ нихъ не превосходило другое по силѣ интенсивности, оно не можетъ вытѣснить послѣднее изъ сферы сознанія (стрн. 64). 2) При трехъ представленіяхъ съ интенсивностями a , b , c , слабѣйшее спускается ниже порога сознанія въ томъ случаѣ, если ея интенсивность

$$c < b \sqrt{\frac{a}{a+b}}.$$

При этомъ два сильнѣйшихъ представленія

погашаютъ другъ друга вообще менѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда исчезнувшее представленіе совсѣмъ не имѣло бы мѣста (стр. 73). 3) Въ Союзахъ диспаратныхъ представленій ($a + \alpha$ и $b + \beta$, если $a : \alpha = b : \beta$) сильнѣйшія по контрасту части теряютъ вообще меньше въ своей интенсивности, чѣмъ отдѣльныя представленія безъ союза,

а слабѣйшія по контрасту части теряють больше. (Примѣрами такихъ союзовъ — Complexionen могутъ служить союзы представленій предметовъ и ихъ названій, союзы мотивовъ пѣсенъ и ихъ содержаній, и т. д.—стр. 101. и слѣд.)

Вычисления, дающія эти и многія другія теоремы психологіи Гербарта, отличаются довольно элементарнымъ характеромъ и весьма изящны по формѣ. Но на эти изслѣдованія не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто матеріальное, такъ какъ тѣ числа, съ которыми они оперируютъ, не имѣютъ никакого матеріальнаго значенія. Здѣсь мы имѣемъ лишь случай формальной связи явленій психики и числовыхъ зависимостей. Подобная формальная зависимость рассматривается между алгебраической формою и ея символическимъ представленіемъ и составляетъ предметъ символической теоріи инвариантовъ, принесшей въ короткое время громадную пользу изслѣдованіямъ новой алгебры.

Въ механикѣ представленій Дробишъ доказываетъ (стр. 190 и слѣд.) весьма интересныя свойства такъ называемыхъ свободно-поднимающихся представленій, идея которыхъ принадлежитъ Гербарту сполна. Дѣло въ томъ, что въ борьбѣ представленій можетъ случиться уничтоженіе задержекъ какихъ-нибудь старыхъ представленій, опустившихся ниже порога сознанія. Тогда эти представленія свободно поднимаются въ область сознанія, при чемъ имѣетъ мѣсто предложеніе: если два или три представленія свободно поднимаются, то они, достигая равновѣсія, имѣютъ высшую интенсивность, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они получены извнѣ, при помощи органовъ чувствъ, и придутъ во взаимное равновѣсіе. Такимъ образомъ представленія появляющіяся изнутри нашего душевнаго міра относятся другъ къ другу болѣе миролюбиво, чѣмъ представленія, получаемыя изъ внѣшняго міра. „Въ мірѣ мыслей“, говоритъ Гербартъ, „вещи сталкиваются не такъ злобно (arg), какъ въ дѣйствительности. Міръ мыслей всегда содержитъ кое-что фанта-

стичное, сказочное, похожее на сонъ сравнительно съ жесткостью, строгостью, шероховатостью внѣшняго опыта“. Всѣ эти соображенія являются результатомъ истолкованія дифференціальныхъ уравненій интенсивностей s' , s'' , s''' свободно поднимающихся представленій:

$$\frac{ds'}{dt} = a - s' - \frac{mbc(s'' + s''')}{ab + ac + bc},$$

$$\frac{ds''}{dt} = b - s'' - \frac{mac(s''' + s''')}{ab + ac + bc},$$

$$\frac{ds'''}{dt} = c - s''' - \frac{mab(s' + s'')}{ab + ac + bc}.$$

Итакъ основнымъ душевнымъ актомъ по Гербарту является представленіе. Всѣ остальные акты суть комбинаціи и соотношенія представленій: подавленное представленіе обуславливаетъ стремленіе, желаніе; желаніе, сопровождаемое представленіемъ достижимости предмета желанія, есть воля; господство сильнѣйшихъ группъ представленій надъ отдѣльными состояніями, побужденіями есть свобода воли; сочетаніе представленій въ группы и ряды съ ихъ взаимными воздѣйствіями образуетъ такъ называемыя познавательныя способности память, разумъ и разумъ. Но кромѣ разсудочной оцѣнки представленій и слагающихся изъ нихъ понятій существуетъ еще оцѣнка эстетическая, переходящая въ этическую (нравственная красота). При этихъ послѣднихъ оцѣнкахъ играетъ роль не содержаніе предмета, а форма его или отношеніе его къ другимъ предметамъ, или ритмъ взаимныхъ отношеній нѣсколькихъ предметовъ и явленій, какъ на примѣръ, въ музыкѣ. Наконецъ, существуетъ еще оцѣнка религіозная, или вѣра образующаяся при созерцаніи природы и при видѣ несомнѣнной цѣлесообразности жизни организмовъ¹⁾, — цѣле-

¹⁾ См. въ моей статьѣ „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы“ стрн. 32 и 36. Юрьевъ, 1905.

сообразности, которую нельзя считать ни случайностью ни самообманомъ и которую можно объяснить только присутствіемъ высшаго, божественнаго Разума.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ практической философіей и психологіей Гербарта, мы перейдемъ теперь къ его педагогикѣ.

Какъ мы уже выше замѣтили, цѣлью всѣхъ педагогическихъ стремленій, по Гербарту, служить добродѣтель и образованіе твердаго религиозно-нравственнаго характера; поэтому обученіе должно быть существеннымъ орудіемъ воспитанія. „Я совершенно не понимаю“, говоритъ Гербартъ (Allg. Päd. Einleitung), „воспитанія безъ обученія, какъ и наоборотъ не признаю такого обученія, которое не воспитываетъ. Какимъ искусствамъ и умѣніямъ обучается молодой человѣкъ ради простой выгоды у учителя также безразлично воспитателю, какъ и цвѣта, выбранные для его платья. Но то, какъ формируется его кругозоръ (Gedankenkreis = кругъ мыслей), составляетъ все для воспитателя; потому что изъ мыслей являются чувствованія и отсюда житейскія правила, способы дѣйствованія.“ Далѣе, Гербартъ говоритъ: „Только тогда будешь господиномъ воспитанія, если сумѣешь ввести въ юную душу одинъ большой и внутренне связанный во всѣхъ своихъ частяхъ кругозоръ, который можетъ превозмочь въ окружающемъ все неблагопріятное и усвоить все благопріятное.“

Итакъ, по Гербарту, слѣдуетъ заботиться объ образованіи у воспитанника путемъ обученія единаго, связаннаго во всѣхъ своихъ частяхъ и по возможности обширнаго кругозора, изъ котораго проистекали бы нравственныя стремленія. Если кругозоръ разорванъ или образуетъ нѣсколько замкнутыхъ въ себѣ группъ мыслей, то получается колеблющійся, неустойчивый характеръ и слабая воля, какъ у Фауста:

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von der andern trennen.

Die eine hält, in derber Liebeslust,
Sich an die Welt mit klammernden Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefilden hoher Ahnen.

Единство сознанія есть примитивнѣйшее условіе характера. Все это вытекаетъ изъ Гербартовскаго воззрѣнія на волевыя стремленія, какъ на результаты взаимоотношеній представленій.

Для достиженія означенной педагогической цѣли путемъ обученія необходимо, чтобы сообщаемыя знанія не ложились въ душу неподвижнымъ бременемъ, но согрѣвали бы чувства воспитанника и побуждали его къ самостоятельнымъ заключеніямъ и къ примѣненію знаній, т. е. сообщаемыя знанія должны вызывать у воспитанника интересъ, и при томъ интересъ многосторонній, а не узкій, односторонній. Въ чемъ же заключается многосторонность интереса, вызываемаго обученіемъ?

Во-первыхъ, изученіе внѣшнихъ предметовъ даетъ опытный интересъ; во-вторыхъ, изученіе взаимоотношеній предметовъ даетъ спекулятивный интересъ; въ-третьихъ, оцѣнка предметовъ со стороны понятій красоты, добра даетъ эстетическій интересъ. Изъ отношеній внутренняго міра человѣка къ другимъ живымъ существамъ и къ непонятному въ природѣ являются интересы: симпатическій, общественный и религіозный.

Дальше является вопросъ, какъ организовать преподаваніе, чтобы оно дѣйствительно возбуждало у воспитанника всѣ эти части многосторонняго интереса.

Новыя представленія, доставляемыя обученіемъ, только тогда возбуждаютъ интересъ, если они находятъ въ душѣ ребенка кое-что похожее, родственное, если они соотвѣтствуютъ степени развитія усваивающей способности ребенка. Наболѣе соотвѣтствуетъ цѣли воспитательнаго обученія —

заставить ребенка принять горячее участіе въ исторической созидательной работѣ генія своего народа, начиная со сказочной эпохи, эпохи дѣтства народа, которая, конечно наиболѣе близка и родственна душѣ ребенка. Затѣмъ, послѣдовательно переходитъ къ болѣе новымъ эпохамъ, съ болѣе сложными взаимными отношеніями историческихъ дѣятелей. Параллельно съ преподаваніемъ отечественной исторіи должно идти преподаваніе священной исторіи и даже стоять во главѣ всего воспитательнаго обученія, потому что изъ знакомства съ дѣятельностью библейскихъ личностей воспитанникъ долженъ самостоятельно выводить правила житейской мудрости, а отечественная исторія введетъ его въ видоизмѣненія этихъ универсальныхъ правилъ у родного народа, примѣнительно къ духу послѣдняго.

Ко всему этому должно примыкать изученіе классическихъ литературныхъ произведеній, завершающее циклъ предметовъ образованія чувствованій (*Gesinnungs-Unterricht*). Затѣмъ, пѣніе, рисованіе и дѣланіе моделей составляютъ циклъ предметовъ для обученія искусствамъ (*Kunst-Unt.*) Наконецъ, родной языкъ и иностранные языки составляютъ циклъ предметовъ для изученія формальной стороны историческаго матеріала, который становится особенно близкимъ воспитаннику черезъ это изученіе формъ выраженія мыслей и идей. Всѣ эти предметы составляютъ первую и самую важную группу предметовъ для образованія у воспитанника широкаго религіозно-нравственнаго кругозора; они называются и с т о р и ч е с к и - г у м а н и т а р н ы м и предметами.

Вторую группу образуютъ науки естественныя: географія, естествознаніе и математика.

На сколько первая группа научаетъ ограничивать дѣйствія человѣка въ ихъ цѣляхъ, на столько вторая — указываетъ рамки для избранія реальныхъ, существующихъ въ природѣ средствъ при достиженіи этихъ цѣлей.

Наконецъ, намъ остается указать, какимъ образомъ

учебный матеріалъ долженъ быть переработанъ, дабы онъ сообщалъ воспитаннику не мертвыя знанія, а дѣятельныя, способныя къ немедленному примѣненію и вліяющія на волю воспитанника. Этотъ вопросъ рѣшается при помощи концентраціонной идеи и формальныхъ ступеней Гербарта, разработанныхъ впоследствии Циллеромъ и Стойемъ.

Концентраціонная идея заключается въ томъ, чтобы знанія, сообщаемыя разными предметами, находились бы между собою въ связи и расширялись бы по концентрическимъ кругамъ. Такимъ образомъ у воспитанника въ каждый данный моментъ будетъ цѣльный замкнутый кругозоръ. Для этой цѣли, вслѣдствіе совѣтовъ Гербарта, въ тѣхъ училищахъ Пруссіи, гдѣ нѣтъ возможности сосредоточить преподаваніе всѣхъ предметовъ въ классѣ у одного учителя существуютъ и до сего времени классныя ординаріусы, заботящіеся о связи между различными предметами, преподаваемыми въ классѣ. Отзвукомъ этого было учрежденіе у насъ института классныхъ наставниковъ, дѣятельность которыхъ, впрочемъ, по существу не имѣетъ ничего общаго съ концентраціонной идеей Гербарта.

Формальныя ступени обученія вытекаютъ изъ психологическаго ученія о познаніи, которое показываетъ что всякое познаніе имѣетъ своимъ основаніемъ наглядное воспріятіе (*Anschauung*), или вообще воспріятіе при помощи внѣшнихъ чувствъ¹⁾. Только отъ такого чувственного воспріятія познаніе восходитъ къ понятіямъ. Кантъ сказалъ: „понятіе безъ созерцанія пусто“, но онъ же прибавилъ: „созер-

1) Нѣмецкій терминъ „*Anschauung*“ буквально обозначаетъ созерцаніе, но въ нѣмецкой педагогической литературѣ онъ получилъ болѣе широкое значеніе — вообще воспріятія при помощи внѣшнихъ чувствъ или какой бы то ни было наглядности, ясности. Т. Wiget въ сочиненіи „*Die formalen Stufen des Unterrichts*“ (Chur. 1905. стр. 11) подъ словомъ *Anschauung* подразумѣваетъ, слѣдуя Песталоцци, „всякое представленіе о фактѣ внѣшняго или внутренняго міра.“

цаніе безъ понятія слѣпо“, ибо при простомъ созерцаніи отдѣльныхъ вещей и явленій безъ всякой абстракціи мы не имѣемъ никакой руководящей нити, никакого плана. Ко всему этому надо прибавить, что понятіе безъ многократныхъ примѣненій мертво и неплодотворно. Отсюда мы приходимъ къ тремъ формальнымъ ступенямъ обученія: 1. ступень наглядности или ясности, 2. ступень образованія понятій, 3. ступень метода или примѣненія.

Дальнѣйшія психологическія соображенія могутъ дать намъ основаніе раздѣлить 1-ую ступень еще на двѣ. Дѣло въ томъ, что новыя представленія усваиваются только тогда, когда среди старыхъ имѣются родственныя имъ представленія. Поэтому 1-ую ступень можно разложить на анализъ, который пробуждаетъ въ сознаніи воспитанника представленія, родственныя новымъ, уясняетъ и распредѣляетъ ихъ, и синтезъ, который дополняетъ, расширяетъ и углубляетъ прежнія знанія воспитанника новыми данными.

Точно также психологическія соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что не всякое знаніе, а только знаніе систематизированное и имѣющее внутреннюю связь своихъ частей можетъ правильно функционировать, т. е. побороть вредныя представленія, усвоить полезныя, возбудить стремленія къ добру и истинѣ, обусловить твердую, непреклонную волю и сильный религіозно-нравственный характеръ. Вслѣдствіе этого 2-ую ступень слѣдуетъ разложить на двѣ: на ассоціацію, которой мы обязаны образованіемъ понятій, и на систематизацію, приводящую понятія въ надлежащій порядокъ и послѣдовательность.

Такимъ образомъ, при сообщеніи воспитаннику учебнаго матеріала, слѣдуетъ пользоваться пятью формальными ступенями Гербарта-Циллера, приводимыми на слѣдующей таблицѣ:

А. У с в о е н і е.										
I. Созерцать.	{	<table style="border: none; width: 100%;"> <tr> <td style="padding-right: 10px;">1. Ясность</td> <td style="font-size: 2em; padding-right: 10px;">{</td> <td style="padding-right: 10px;">1. Анализ</td> <td style="padding-right: 10px;">1. Подготовка.</td> </tr> <tr> <td></td> <td></td> <td style="padding-right: 10px;">2. Синтез</td> <td style="padding-right: 10px;">2. Сообщение.</td> </tr> </table>	1. Ясность	{	1. Анализ	1. Подготовка.			2. Синтез	2. Сообщение.
1. Ясность	{	1. Анализ	1. Подготовка.							
		2. Синтез	2. Сообщение.							
В. О т в л е ч е н і е.										
II. Думать.	{	<table style="border: none; width: 100%;"> <tr> <td style="padding-right: 10px;">2. Ассоціація</td> <td style="padding-right: 10px;">3. Сравненіе.</td> </tr> <tr> <td style="padding-right: 10px;">3. Систематизація</td> <td style="padding-right: 10px;">4. Установленіе связи понятій.</td> </tr> </table>	2. Ассоціація	3. Сравненіе.	3. Систематизація	4. Установленіе связи понятій.				
2. Ассоціація	3. Сравненіе.									
3. Систематизація	4. Установленіе связи понятій.									
III. Примѣнять.	{	<table style="border: none; width: 100%;"> <tr> <td style="padding-right: 10px;">4. Методъ. (Функція)</td> <td style="padding-right: 10px;">5. Приложеніе.</td> </tr> </table>	4. Методъ. (Функція)	5. Приложеніе.						
4. Методъ. (Функція)	5. Приложеніе.									
Песталоцци	Гербартъ и Диллеръ	Рейнъ.								

Изъ этой таблицы видна также связь формальныхъ ступеней Гербарта и его послѣдователей съ формальными ступенями Песталоцци и его школы.

г. Юрьевъ, Лифл. г.,
Ноябрь 1905 г.

В. Алексѣевъ.

**Содержаніе первыхъ десяти томовъ
Сборника Учено-Литературнаго Общества
при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.**

Томъ I. (1898 г.)

	Стр.
Уставъ Общества	VII—XIV
Свѣдѣнія о возникновеніи общества и дѣятельности его за первый (1897—1898) годъ существованія	XV—XXXV
1. Проф. М. Е. Красноженъ. Происхожденіе старо-католи- чества и IV интернаціональный старо-католическій конгрессъ въ Вѣнѣ	1
2. Проф. А. Н. Ясинскій. Чешское свидѣтельство XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ	51
3. Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Лужицкіе Сербы (Лужичане) . . .	61
4. Проф. А. С. Будиловичъ. Нѣсколько замѣчаній о на- учной постановкѣ славянской исторіи, ея объемѣ, содержаніи и періодахъ	85
5. Проф. А. Н. Ясинскій. Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ гер- манизации на берегахъ Балтійскаго моря	125
6. Проф. А. С. Будиловичъ. О причинахъ гибели балтій- скаго славянства	145
7. Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Эпиграмматическія, сатирическія и шуточные стихотворенія М. В. Ломоносова	159
8. В. Е. Данилевичъ. Пути сообщенія Полоцкой земли до конца XIV столѣтія	167
9. Проф. С. К. Богушевскій. Нѣсколько мыслей о системѣ сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи	185
10. Проф. Н. Н. Бѣлявскій. Рабочіе дома и дома трудолюбія	213
	-- 235

Томъ II. (1899 г.)

Свѣдѣнія о дѣятельности Общества за 1898—1899 г.	
Правила изданія „Сборника“	VII—XXXVII
1. Проф. А. С. Будиловичъ. О значеніи въ славянской исторіи битвы подъ Танненбергомъ-Грюнвальдомъ	1

II

	Стр.
2. Проф. А. С. Будиловичъ. Къ характеристикѣ Палацкаго	21
3. В. Е. Данилевичъ. Случайныя замѣтки въ области новѣйшей русской нумизматики	66
4. Проф. М. Е. Красноженъ. Знаменитый русскій канонистъ А. С. Павловъ (<i>съ портретомъ А. С. Павлова</i>)	71
5. Н. И. Ивановъ. Описание рукописи славянскаго евангелія, найденной въ г. Юрьевѣ.	98
6. М. Н. Столяровъ. Н. М. Языковъ въ Дерптѣ	121
7. А. П. Павловъ. Н. П. Знаменскій. (Некрологъ)	150

Памяти А. С. Пушкина.

8. Торжественное засѣданіе Общества 23 мая 1899 г., посвященное чествованію памяти А. С. Пушкина	155
9. Проф. протоіерей А. С. Царевскій. Слово, произнесенное предъ панихидою по А. С. Пушкинѣ въ день торжественнаго засѣданія Общества 23 мая 1899 года	158
10. Н. И. Ивановъ. О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина	161
11. М. Н. Столяровъ. Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина	107
	— 204

Томъ III. (1900 г.)

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1899—1900 г. . . . VII—XL

1. Проф. А. С. Будиловичъ. Нѣсколько данныхъ и сообщеній объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ (б. Дерптскомъ) университетѣ въ истекающемъ столѣтіи	1
2. Проф. А. С. Будиловичъ. Памяти Н. А. Лавровскаго (<i>съ портретомъ Н. А. Лавровскаго</i>)	74
3. Н. И. Ивановъ. Педагогическіе труды Н. А. Лавровскаго	93
4. И. С. Проданъ. О памяти въ связи съ современными психологическими теоріями и изслѣдованіями	121
5. Проф. М. Е. Красноженъ. Отношеніе русской церковной и государственной власти къ иновѣрцамъ	181
	— 238

Томъ IV. (1901 г.)

1. Проф. М. Е. Красноженъ. Положеніе неправославныхъ христіанъ по дѣйствующему русскому законодательству	1
2. Онъ-же. Эстонцы и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. (По поводу книги А. Grenzstein'a: Herrenkirche oder Volkskirche. Eine Stimme im baltischen Chor. Jurjew. 1899)	39
3. Проф. А. С. Будиловичъ. Къ вопросу о литературномъ языкѣ юго-западной Руси	46
4. Онъ-же. О рускомъ Юрьевѣ стараго времени, въ связи съ житіемъ священномученика Исидора и съ нимъ сопострадавшихъ 72 юрьевскихъ мучениковъ	75
5. И. С. Проданъ. О памяти. (II часть.) Критическій разборъ экспериментальныхъ изслѣдованій (съ 3 таблицами)	145
	— 280

Томъ V. (1902 г.).

Стр.

	Отчетъ о дѣятельности Общества за 1900—1901 г.	VII—XIX
1.	Проф. В. Г. Алексѣевъ. Къ вопросу о необходимости для естествоиспытателей изученія математики	1
2.	Проф. А. Н. Ясинскій. Основныя черты развитія права въ Чехи XIII—XV вв.	23
3.	Проф. Н. Н. Бѣлявскій. Школьныя сберегательныя кассы	62
4.	Проф. А. С. Невзоровъ. Изъ быта села Птичьего Челябинскаго уѣзда Оренбургской губерніи	84
5.	М. В. Бречкевичъ. Святополкъ, князь Поморскій	123
6.	Проф. В. П. Курчинскій. Проф. М. В. Ненцкій. Очеркъ жизни и научной дѣятельности его	155
7.	Проф. А. В. Никитскій. Архивная справка о В. И. Далѣ	165
8.	Проф. А. С. Будиловичъ. О московскомъ проектѣ упрощенія русскаго правописанія	170
		— 196

Приложеніе.

1.	И. С. Проданъ. О памяти. Критическій разборъ экспериментальныхъ изслѣдованій. Главы VII—XI	1
		— 186

Томъ VI. (1903 г.).

	Отчетъ о дѣятельности Общества за 1901—1902 г.	VII—XXVIII.
1.	Памяти великихъ русскихъ писателей Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго (Торжественныя засѣданія Общества)	1
2.	І. І. Змигродскій. Гоголь на сценахъ города Юрьева Лифляндской губерніи	5
3.	Я. И. Лаутенбахъ. В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь въ латышской литературѣ	36
4.	П. Н. Сосновскій. Гоголь и Пушкинъ	45
5.	А. Н. Троицкій. М. А. Мойеръ въ жизни и поэзіи Жуковскаго	62
6.	С. В. Кузнецовъ. Гоголь и Тургеневъ: нѣсколько параллелей изъ ихъ жизни	80
7.	Я. И. Лаутенбахъ: В. А. Жуковскій въ латышской поэзіи	106
8.	Проф. протоіерей А. С. Царевскій. Рѣчь, произнесенная въ Александро-Невской церкви при Юрьевскомъ Университетѣ по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя	111
9.	Онъ-же. Рѣчь передъ панихидою по В. А. Жуковскомъ въ торжественномъ собраніи Учено-Литературнаго Общества	119
10.	Проф. В. Г. Алексѣевъ. Михаилъ Васильевичъ Остроградскій (<i>съ портретомъ М. В. Остроградскаго</i>)	122
11.	Проф. Б. И. Срезневскій. Вліяніе климатовъ на человека	156
12.	Н. Я. Киприановичъ. Ливонская хроника Генриха Латыша	190
13.	Проф. М. Е. Красноженъ. Къ исторіи византійской отреченной письменности	213
		— 215

Томъ VII. (1904 г.).

Стр.

	Отчетъ о дѣятельности Общества за 1902—1903 г.	VII—XXII.
1.	Проф. М. Е. Красноженъ. Старые и новые законы о разводѣ	1
2.	Проф. В. Г. Алексѣевъ. Математика, какъ основа критики научно-философскаго міровоззрѣнія	37
3.	Проф. П. Н. Ардашевъ. Мѣсяцъ во французской провинціи	85
4.	И. И. Дависъ. Народныя школы въ Швейцаріи	131
5.	Я. И. Лаугенбахъ. Краткій обзоръ литовской исторіи литературы	213
		— 224

Томъ VIII. (1905 г.).

	Отчетъ о дѣятельности Общества за 1903—1904 г.	VII—XXII.
1.	Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки	1
2.	И. И. Дависъ. Народныя школы въ Германіи	61
3.	И. С. Проданъ. Психологія внутренняго опыта, какъ основа философскихъ наукъ.	149
4.	Проф. М. Е. Красноженъ. Любопытные вопросы древне-церковной практики	223
		— 239.

Томъ IX. (1905 г.).

1.	Проф. В. Г. Алексѣевъ. Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы (<i>съ портретомъ Н. В. Бугаева</i>)	1
2.	М. І. Гредингеръ. Къ характеристикѣ гражданскаго права Лифляндскихъ крестьянъ	61
3.	М. А. Тростниковъ. Обученіе сознательному чтенію	100
4.	Н. К. Грунскій. Объ основахъ педагогической дѣятельности	143
5.	Л. Ильинскій. Памяти Пирогова (подъ редакціею Н. К. Грунскаго)	159
6.	Проф. М. Е. Красноженъ. Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости	179
7.	Проф. С. К. Богушевскій. Къ вопросу объ оцѣнкѣ земель въ Лифляндской губ.	195
8.	И. С. Проданъ. Организациа души. (Отрывокъ изъ новой эволюціонной монадологіи)	212
9.	Проф. М. Е. Красноженъ. Современные вопросы (4 рецензи)	268

Томъ X. (1906 г.).

	Отчетъ о дѣятельности Общества за 1904—1905	I—XX.
1.	Проф. М. Е. Красноженъ. Къ вопросу объ университетской реформѣ	1
2.	І. І. Змигродскій. О произведеніи Жюль Верна „Un drame en Livonie“	50
3.	Н. А. Скрыбинъ. Неизданное письмо Жуковскаго	93

	Стр.
4. Проф. В. Г. Алексѣевъ. Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ, какъ плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта	97 — 162.
5. Онъ же. О развитіи дѣла воспитательнаго обученія въ трудахъ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта	163 — 213.

Приложеніе.

Содержаніе первыхъ десяти томовъ Сборника (1898—1906 г.) I—V.

Т. I (1898), Т. II (1899) и Т. III (1900) Сборника Учено-Литературнаго Общества Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ особенности Рижскаго учебнаго округа“.

ЦѢНА 2 РУБ. за каждый томъ съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться въ Учено-Литературное Общество при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Цѣна 2 рубля.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ Т. I
(1898), Т. II (1899) и Т. III (1900) Ученымъ Комитетомъ
Министерства Народнаго Просвѣщенія „рекомендованъ
для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеній, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ осо-
бенности Рижскаго учебнаго округа“.

Съ требованіями обращаться въ Учено-Литературное Общество
при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.
